

Научный журнал

Сетевое издание

Издается с 2021 года

Журнал выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

3 (03) 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Н. Николаев, д. б. н.

Заместитель главного редактора:

П. В. Сивцева-Максимова, д. филол. н.

Выпускающий редактор

С. Д. Дарбасова, к. пед. н.

Члены редакционной коллегии:

Т. Аргунова-Лоу, доктор философии, Абердинский Университет, Великобритания

В. А. Бигуаа, д. филол. н., в. н. с., ИМЛИ РАН, Российская Федерация

А. А. Бурцев, д. филол. н., профессор, СВФУ, Российская Федерация

Каффи Наоми, доктор философии, доцент, Рид Колледж, Портленд, США

Б. Т. Койчубе, д. филол. н., профессор, Кыргызско-Российский Славянский университет, Кыргызстан

Р. Г. Кулиева, д. филол. н., профессор, Бакинский славянский университет, Азербайджан

М. Ф. Надъярных, к. филол. н., с. н. с., ИМЛИ РАН, Российская Федерация

Ю. Б. Орлицкий, д. филол. н., в. н. с., Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация

П. А. Слепцов, д. филол. н., г. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

К. К. Султанов, д. филол. н., профессор, ИМЛИ РАН, Российская Федерация

А. Т. Хамраев, д. филол. н., профессор, Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, Национальная Академия наук Республики Казахстан

К. К. Бауаев, д. филол. н., доцент, Кабардино-балкарский государственный университет, Российская Федерация

Ж. В. Бурцева, к. филол. н., с. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

Л. П. Григорьева, к. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Н. И. Данилова, д. филол. н., г. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

У. А. Донгак, к. филол. н., с. н. с., Тувинский институт гуманитарных исследований, Российская Федерация

Л. С. Ефимова, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

В. В. Илларионов, д. филол. н., профессор, СВФУ, Российская Федерация

С. С. Имхелова, д. филол. н., профессор, Бурятский государственный университет, Российская Федерация

И. А. Керимов, д. филол. н., профессор, Институт крымско-татарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Российская Федерация

Г. С. Кунафин, д. филол. н., профессор, Башкирский государственный университет, Российская Федерация

С. О. Курьянов, д. филол. н., доцент, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Российская Федерация

Н. С. Майнагашева, к. филол. н., с. н. с., Хакассский НИИ языка, литературы и истории, Российская Федерация

О. А. Мельничук, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Л. Х. Мухаметзянова, д. филол. н., доцент, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан, Российская Федерация

М. Х. Надергулов, д. филол. н., г. н. с., Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Российская Федерация

В. Б. Огорокова, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Н. В. Покатилова, д. филол. н., профессор, ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

Л. Н. Романова, к. филол. н., в. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

В. Г. Семенова, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Ю. Г. Хазанкович, д. филол. н., профессор, СВФУ, Российская Федерация

Адрес учредителя и издателя: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677000, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 228

Тел./факс: +7 (4112) 49-67-54

Северо-Восточный федеральный университет

<http://litteraesvfu.ru>

Academic periodical

Online edition

Published since 2021

The frequency of publication is 4 times a year

The founder and publisher is Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “M. K. Ammosov North-Eastern Federal University”

3 (03) 2021

EDITORIAL BOARD

Head editor

A. B. Nikolaev, Doctor of Biological Sciences

Deputy chief editor:

P. V. Sivtseva-Maksimova, Doctor of Philology Sciences

Issuing Editor:

S. D. Darbasova, Ph.D. in Pedagogy

Members of the editorial board:

T. Argounova-Low, Ph.D. in Anthropology, University of Aberdeen, UK

V. A. Biguaa, Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS, Moscow

A. A. Burtsev, Doctor of Philology, Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

Kaffi Naomi, Ph.D., Associate Professor, Reed College, Portland, USA

B. T. Koichuev, Doctor of Philology, Professor, Kyrgyz-Russian Slavic University, Kyrgyzstan

R. H. Kuliyeva, Doctor of Philology, Professor, Baku Slavic University, Azerbaijan

M. F. Nadyarnykh, PhD in Philology, Senior Researcher, IMLI RAS, Moscow

Y. B. Orlitskiy, Doctor of Philology, Leading Researcher, Russian State University for the Humanities, Moscow

P. A. Sleptsov, Doctor of Philology, Chief Researcher, Sector of lexicography of the Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

K. K. Sultanov, Doctor of Philology, Professor, IMLI RAN, Moscow

A. T. Khamraev, Doctor of Philology, Professor, Institute of Literature and Art named after M.O. Auezov, National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan

K. K. Bauaev, Doctor of Philology, Associate Professor, Kabardino-Balkarian State University, Russian Federation

Zh. V. Burtseva, Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Institute of Philology and Social Sciences, SB RAS, Russian Federation

L. P. Grigorieva, Ph.D. in Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

N. I. Danilova, Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

U. A. Dongak, Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Tuvan Institute for Humanitarian Research, Russian Federation

L. S. Efimova, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

V. V. Illarionov, Doctor of Philology, Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

S. S. Imikhelova, Doctor of Philology, Professor, Buryat State University, Russian Federation

I. A. Kerimov, Doctor of Philology, Professor, Institute of Crimean Tatar Philology of History and Culture of Crimean Ethnic Groups, Russian Federation

G. S. Kunafin, Doctor of Philology, Professor, Bashkir State University, Russian Federation

S. O. Kuryanov, Doctor of Philology, Associate Professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Russian Federation

N. S. Mainagasheva, Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Russian Federation

O. A. Melnichuk, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

L. Kh. Mukhametzyanova, Doctor of Philology, Associate Professor, Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov ANRT, Russian Federation

N. Kh. Nadergulov, Doctor of Philology, Chief Researcher, Head of the Department of Literary Studies, Ufa Federal Research Center of the RAS, Russian Federation

V. B. Okorokova, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

N. V. Pokatilova, Doctor of Philology, Professor, Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

L. N. Romanova, Ph.D. in Philology, Leading Researcher, Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

V. G. Semenova, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

Yu. G. Khazankovich, Doctor of Philology, Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

Founder and publisher address: NEFU, 58 Belinskogo str., Yakutsk, Russia, 677000

Editorial office address: NEFU, 42 Kulakovskiy str., office 228, Yakutsk, Russia, 677000

Telephone/Fax: +7 (4112) 49-67-54

<http://litteraesvf.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Бурцев А. А., Бурцева М. А.</i> Художественное творчество народного писателя Якутии	
<i>П. Н. Харитонова-Ойуку</i>	5
<i>Васильева Т. Н., Васильева Я. А.</i> Концептуальная структура детективных произведений	
<i>В. М. Егорова</i>	18
<i>Кучукова З. А., Бауаев К. К., Берберова Л. Б.</i> Романистика Зейтуна Толгурова: техника и онтология...	25

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРА. ПОЭТИКА

<i>Покатилова Н. В. А. Е.</i> Кулаковский и традиция: к формированию литературной поэтики.....	32
--	----

ТЕКСТОЛОГИЯ, СТИХОВЕДЕНИЕ

<i>Тобуроков Н. Н.</i> Взаимосвязь и взаимовлияние в поэзии народов Сибири.....	42
<i>Дарбасова С. Д.</i> Памяти профессора.....	62

РЕЦЕНЗИЯ

<i>Романова Л. Н.</i> Рецензия на книгу Н. И. Харлампьевой «Семен Данилов» в серии «Жизнь замечательных людей».....	64
---	----

ИНФОРМАЦИИ. ХРОНИКА

<i>Илларионова Т. В.</i> Эпосовед Василий Васильевич Илларионов (К 75-летию со дня рождения).....	67
---	----

CONTENT

HISTORY AND CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

<i>Burtsev A. A., Burtseva M. A.</i> Artistic work of the Yakutia People's Writer P. N. Kharitonov-Oyuku.....	5
<i>Vasilyeva T. N., Vasilyeva Y. A.</i> The conceptual structure of V. M. Egorov's detective works.....	18
<i>Kuchukova Z. A., Bauaev K. K., Berberova L. B.</i> Novel writing of Zeytun Tolgurov: technology and ontology.....	25

THE LITERARY LIFE OF FOLKLORE. POETICS

<i>Pokatilova N. V.</i> Alexei Kulakovsky and tradition: towards the formation of literary poetics.....	32
---	----

TEXTUAL CRITICISM, POETRY RESEARCH

<i>Toburokov N. N.</i> Interrelation and mutual influence in the poetry of the peoples of Siberia.....	42
<i>Darbasova S. D.</i> In memory of Professor.....	62

REVIEW

<i>Romanova L. N.</i> Review of the book by N. I. Kharlamyeva "Semyon Danilov" in the series "The life of wonderful people".....	64
---	----

INFORMATION. CHRONICLE

<i>Illarionova T. V.</i> Eposologist Vasily Vasilyevich Illarionov (On the 75th anniversary of his birth).....	67
--	----

– ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС –

УДК 821.512.157 Харитонов.09

А. А. Бурцев, М. А. Бурцева

Художественное творчество народного писателя Якутии П. Н. Харитонова-Ойуку

СВФУ им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В активе П. Н. Харитонова несколько поэтических сборников, автобиографическая проза, ряд книг публицистики и литературной критики, но наибольший вклад он внес в жанр романа как автор монументального исторического повествования в четырех томах «Бубенцы над Леной», посвященного «трудам и дням» нескольких поколений «государевых ямщиков», русских крестьян, осевших на якутской земле. Актуальность исследования художественного творчества Ойуку состоит не только в том, что оно не изучено в достаточной степени, но и в самой авторской философии истории, согласно которой необходимо оценивать современную эпоху в контексте прошлого и с учетом перспективы развития.

Автор романа, который родился и провел детство на одном из самых больших и красивейших ленских островов (Тойон Ары) в окружении русских ямщиков, воспроизвел свою родословную и рассказал о молодых годах в повести «На пороге жизни». Что касается романа «Бубенцы над Леной», то его специфика заключается в том, что каждой из четырех частей присущи свои внутрижанровые особенности: первая книга имеет очертания нравоописательного повествования, вторая - соответствует логике воспитательного жанра, третий и четвертый тома построены по историко-хроникальному принципу. В романе Ойуку раскрыт особый национальный менталитет «государевых ямщиков». Долгое время находясь в окружении народа саха, они не только восприняли уклад его жизни, освоили якутский язык, но и со своей стороны оказали влияние на якутов и, в частности, распространили на новой родине земледелие и хлеборобство, а также сумели сохранить национальные традиции и обычаи, предания и обряды, песни и танцы. В статье показано, что в художественном отношении роман «Бубенцы над Леной» относится к лучшим образцам современной якутской литературы.

Ключевые слова: автобиографическая повесть-трилогия, эпистолярный жанр, литературная реминисценция, «государевы ямщики», «трактовая дорога», национальная ментальность, исторические личности.

БУРЦЕВ Анатолий Алексеевич – д. филол. н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета СВФУ им. М. К. Аммосова.

E-mail: anatoly_burtsev44@mail.ru

BURTSEV Anatoliy Alekseevich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

БУРЦЕВА Марина Анатольевна – к. филол. н., доц. кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения СВФУ им. М. К. Аммосова.

E-mail: donnarosa36912@mail.ru

BURTSEVA Marina Anatolievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Oriental Languages, Institute of Modern Languages and International Studies, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

A. A. Burtsev, M. A. Burtseva

Artistic work of the Yakutia People's Writer P.N. Kharitonov-Oyuku

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The P. N. Kharitonov's heritage includes several collections of poetry, autobiographical prose, a number of journalistic and critical books; however, the greatest contribution to the genre of the novel he made as the author of a monumental historical work in four volumes "The Bells over the Lena", dedicated to the "works and days" of several generations of "sovereign coachmen", Russian peasants who settled on the Yakut land. The relevance of studying the Oyuku's artistic work lies not only in the fact that it has not been sufficiently studied, but also in the author's philosophy of the history, according to which it is necessary to assess the modern era in the context of the past and taking into account the development prospects.

The author of the novel, who was born and spent his childhood on Toyon Aryy, one of the largest and most beautiful Lena islands, surrounded by Russian coachmen, reproduced his genealogy and told about his young years in the story "On the Threshold of Life". As for the novel "The Bells over the Lena", its specificity lies in the fact that each of the four parts has its own intra-genre characteristics: the first book has the outlines of a moral narrative, the second corresponds to the logic of the educational genre, the third and fourth volumes are built according to the historical and chronicle principle. The Oyuku's novel reveals the special ethnic mentality of "sovereign coachmen". For a long time, being surrounded by the Yakut people, they not only adopted the way of life, mastered the Yakut language, but also influenced the Yakuts and, in particular, spread farming and grain growing in their new homeland, and also managed to preserve their traditions and customs, legends and ceremonies, songs and dances. The article shows that in artistic terms the novel "The Bells over the Lena" is one of the best examples of modern Yakut literature.

Keywords: autobiographical novel-trilogy, epistolary genre, literary reminiscence, "sovereign coachmen", "tract road", national mentality, historical figures.

Введение

Павел Николаевич Харитонов-Ойуку имеет заслуженную репутацию личности широкого творческого диапазона. Историк по образованию, он известен как педагог и поэт, публицист и литературный критик. Почетное звание Народного писателя Якутии присвоено ему в 2019 г. за монументальный исторический роман «Бубенцы над Ленкой», который остается недостаточно изученным с литературоведческой точки зрения. Творчеству писателя посвящены лишь рецензии на отдельные произведения, юбилейные статьи и справочные материалы в периодических и энциклопедических изданиях [1]. Целью настоящей статьи является раскрытие мастерства П. Харитонova как прозаика, определение его роли и места в истории якутской литературы.

Автобиографическая трилогия

О своих детских и юношеских годах Ойуку поведал в созданной уже в зрелом возрасте автобиографической повести-трилогии «На пороге жизни» (Олох модьбэто, 2014) [2]. Опираясь на предания и легенды, он воспроизвел свою родословную, которая имела глубокие корни и восходила к незапамятным временам. Дядя Тыгына почтенный Малдьбагар имел нескольких жен и пятерых сыновей. Старший из них Кэлтээки Сабыйа обосновался на острове Тойон Арыы. Это был воинственный и суровый властелин,

не щадивший никого. От его преследований предок писателя был вынужден бежать в тайгу. Отсюда произошло его прозвище («Ол иһин ойуурга куоппут Ойуку диэн ааттаммыт») [2, с. 15], ставшее в свою очередь псевдонимом П. Харитонов.

Он не только попытался проследить свою родословную, но и предложил более или менее научную версию возникновения острова Тойон Арыы. В древности на его месте была заросшая густым лесом долина, которую год за годом во время весеннего ледохода заливало водой. Потом в ней возникла влажная ложбина, постепенно превратившаяся в ручей. С течением времени ручей стал широкой протокой, влившейся в основное русло реки. Так образовался большой остров, от которого отделились небольшие островки.

Автор с ностальгией вспоминает маленькую родовую юрту-балаган. Из ее окна открывались живописные виды на берега великой реки: впадающие в нее речки и ручьи, густые леса, скалистые горы, ущелья. Ему почти наяву мнились убежденные сединой старики, каждый день собиравшиеся в их юрте. Выпуская клубы дыма из своих прокуренных трубок, они вели неторопливые разговоры о былых временах.

В этой юрте будущий писатель жил вместе с рано ослепшим отцом по имени Тоттос Николай, матерью Матреной. Два старших брата, Коля и Вася, учились в школе в Булгунньахтае. Позднее у него появился еще один, младший брат Спартак. Единственная сестра Лиза умерла в младенческом возрасте.

В первой части повести «За окном» автор воссоздал сложную атмосферу 1930-х гг. После ликвидации движения «конфедералистов» во главе с П. В. Ксенофонтовым Западно-Кангаласский улус стал восприниматься едва ли не как «гнездо бандитов», причем пострадали не только сами повстанцы, но и их родственники. Обитатели острова Тойон Арыы тоже испытали на себе предубеждение со стороны властей и невольно оказались в опале. Затем началась война, которая «железной пятой» прошла по их фамилии. В первый же призыв ушли на фронт семь двоюродных братьев Павла, и никто из них не вернулся. Потом настала очередь его старшего брата Нынный Николая, которому единственному удалось вернуться живым. С войной в его сознании ассоциируется образ ледохода.

В хозяйстве у родителей автора была единственная корова. В колхозе работала одна мать, поэтому жили очень бедно, часто голодали. Подобно старой Дарье из романа Амма Аччыгыя «Весенняя пора», слепой отец отвлекал голодных детей от мыслей о еде рассказами о прошлом Тойон Арыы. Он был знатоком не только исторических легенд и преданий о Тыгыне и его потомках, но и библейских историй об Адаме и Еве, всемирном потопе и Ноевом ковчеге. Так будущий писатель благодаря отцу приобщался к родному фольклору и мировой культуре. Причем его неграмотный отец не только считал себя «философом», но и не скрывал своего критического отношения к колхозной системе. Поэтому власти его не жаловали, доставалось и маленькому Павлу, которого сверстники обзывали «троцкистом». Однажды его чуть было не объявили вредителем, разрушителем колхозного имущества.

Вторая часть повести «Уроки жизни» посвящена первым жизненным испытаниям героя. С семи лет отец начал приобщать его к труду. Родители тогда рано отправляли детей на разные работы, чаще всего на сенокос, так как им тогда полагалась продуктовая норма. Но в школу Павла приняли только в восемь лет, и то в подготовительный класс. До этого дома у него было ласкательное прозвище Наакыс, а в школе его стали называть Павликом Харитоновым.

Уже с первого класса он увлекся литературой. Сначала читал произведения якутских писателей: «Маленьким друзьям» Г. Вешникова-Баал Хабырыыса, «Собрание букв» П. Тобурокова, «Забавные дни» Т. Сметанина. Потом ему понравились стихотворения А. Пушкина «Зимний вечер», П. Ойунского «Прощай». Однажды, будучи у родственников в Покровске, обратил внимание на человека могучего телосложения, говорившего густым басом. Позднее он узнал, что это был репрессированный писатель Н. Павлов-Тыасыт.

Тогда же отец рассказывал ему об образованном сыне улусного головы Ксенофонтова, адвокате по профессии, который записывал фольклорные песни и сказки, народные предания, легенды о прародителе якутов Эллэе, властелине кангаласского рода Тыгыне. Тоттос Николай держал в памяти множество историй о знаменитых шаманах, олонхосутах, силачах, знал народные песни. Не обладая хорошим голосом, часто пел, особенно любил сочиненную А. Софроновым “Якутскую песню”, которая считалась гимном “белых” повстанцев и одно время находилась под запретом. У Павлика тогда обнаружился дар художника, и он начал рисовать, чаще всего копировал портрет А. Пушкина.

Школьные будни разнообразили олимпиады, фестивали, конкурсы, встречи с ветеранами гражданской войны, в которых Павел принимал активное участие. Во время районного смотра художественной самодеятельности в селе Улахан Аан впервые увидел С. Кулачикова-Элляя, Л. Попова, С. Ефремова, из рук которого получил почетную грамоту и книгу “Сказки Пушкина” за исполнение песни “Родина”. С этого времени Павел стал часто петь и читать стихи со сцены в школе и клубе. Репертуаром ему служили изданные Суорун Омоллоном якутские сказки, стихи и песни Кюннюк Урастырова, Баал Хабырысы, И. Винокурова-Чабылҕана.

Еще одним увлечением Павла Харитонов в школьные годы стал туризм. Он был постоянным членом школьного кружка и участником туристических походов и конкурсов. Команде Булгуннахтахской школы удалось занять II место в республиканском конкурсе и в качестве награды получить путевки по маршруту Улан Удэ – Байкал. В следующий раз команда заняла I место и завоевала право на поездку в Москву и Ульяновск.

В Покровске тогда работал учителем И. Гоголев, который тоже принимал участие в туристических походах. Во время слета туристов в Якутске он организовал встречу с известными писателями И. Федосеевым-Доосо, Н. Босиковым и ленинградским поэтом Н. Малышевым. Павел с пятого класса занимался в литературном кружке, сам тоже начал пробовать перо. В 1959 г. удостоился звания лауреата II тура фестиваля молодежи Якутии, прочитав собственные стихи. Другой учитель С. Ефремов показал его стихотворения «Первый снег», «В родном аласе», «Летняя ночь» известному поэту Баал Хабырысу, который признал их заурядными, ученическими и дал ряд ценных советов. Для самого Павла образцом настоящей поэзии стала песня З. Винокурова «Чайки» («Хоптолор») на слова Л. Попова.

Третья часть повести «На переднем плане» имеет форму дневника, заведенного автором в 10 классе [2, с. 160]. Если в двух первых частях автобиографический герой раскрывается исключительно через свои действия и поступки, взаимоотношения с окружающими людьми и восприятие природы, то в последней части трилогии передаются его мысли и чувства. Не случайно дневник снабжен названием «Зарубки памяти» [2, с. 173]. Соответственно в первых частях крупным планом возникают красочные картины и образы родной природы, в частности, благодатного острова. На их фоне появляются незабвенные лики его родителей: доброй, гостеприимной матери и умудренного отца, которому слепота только придавала глубину «внутреннего» зрения.

Средством характеристики самого Павла, начиная с сознательного возраста, стал круг его чтения. Уже в четвертом классе он читал такие серьезные вещи, как романы Н. Мординова “Весенняя пора” и Н. Якутского “Судьба”. Старого дядю он сравнивал с Тарасом Бульбой, своему отцу вслух читал рассказ Л. Толстого “Кавказский пленник”. Так как он был воспитан в духе времени на примере Павлика Морозова и героя рассказа Суорун Омоллона Чечески, ему не понравилось, что родители косили траву для своей единственной коровы на колхозной земле [2, с. 95].

Эпистолярная форма, использованная в третьей части повести, позволяет автору раскрыть свой внутренний мир, выразить сокровенные помыслы и желания. Так, он

всерьез размышлял о любви и в то же время очень стеснялся девушек. Иногда его посещали по тем временам крамольные мысли: «Почему комсомол и партия косо смотрят на людей с иными взглядами. Видимо, они хотят, чтобы мы стали образованными, преданными родине, но в то же время с одинаковыми взглядами» [2, с. 231-232]. Это порождало в свою очередь чувство одиночества и отчуждения.

Самоанализ и рефлексия порой выражались им посредством внешних аналогий. Вот, к примеру, дневниковая запись, сделанная в октябре, во время осенней непогоды: «Вот так же, как эта шуга, текут мои мысли» [2, с. 179]. Или другое уподобление собственного «потока сознания» с пламенем: «Огонь в камельке разгорается, трещит, и от этого моя мысль устремляется в полет. Как только сажусь у огня, предаюсь мечтам, фантазиям, они начинают гореть во мне, как пламя» [2, с. 217-218].

При этом в силе остается прием литературной реминисценции как принцип психологизма. Одним из жизненных постулатов для автора служили известные чеховские слова: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Ему снились сказочные сны, которые манили к прекрасному будущему, к горным вершинам. В то же время он ощущал в себе раздвоенность сознания. С одной стороны, его любимым героем был горьковский Данко, и он имел право обижаться, когда друзья сравнивали его с Беликовым [2, с. 174]. Но, с другой стороны, в нем что-то было от лермонтовского Печорина, поэтому он даже завидует Робинзону Крузо, энергичному и деловитому герою Д. Дефо: «Я хочу жить и трудиться, как он» [2, с. 232]. Надо сказать, это желание автора сбылось. После окончания школы вместе с одноклассниками он работал в колхозе.

Сквозной в творчестве П. Харитоновой, в том числе в поэзии, явилась историческая тема, имеющая отношение как к отдаленному прошлому («Хоруол Тумус», «Далан и Ытык Хайа»), так и к более поздней эпохе революции и гражданской войны. В его стихотворениях упоминаются реальные исторические лица: либеральный общественный деятель и писатель В. Никифоров-Кюльмнюр, участники движения «конфедералистов» С. Михайлов и М. Артемьев. Настоящий реквием создан по клану Ксенофоновых, которому был уготован трагический удел («Кууданыга», «Звезда Чолбон», «Реквием»). Особым уважением окружены имена Алампа (А. Софронова), Акулы (А. Кулаковского). Отдельные стихотворения посвящены современникам автора: ученому Н. Соломонову, поэтам Таллан Бюрэ, С. Тумату, С. Руфову, Н. Винокурову-Урсуну и другим деятелям национальной культуры.

В поэзии Ойуку получили воплощение его мысли о творчестве, о родном языке. По его выражению, настоящая поэзия носит «выстраданный» характер и проистекает из «глубины сердца»:

Что касается языка, то уже в юности он задумывался о его значении. Во всяком случае в школьном дневнике зафиксированы следующие строки: «Судьба языка и человека одинакова. Каков человек- таков и его язык» [2, с. 190]. И в зрелые годы он не раз признавался в любви к родному языку в своих стихотворениях («Родной язык», «Заветное слово»). Наряду с языком, непреходящей ценностью поэт считает фольклор, народные легенды и сказания. Богатыри олонхо, спустившиеся на землю с Верхнего мира на «крылатых конях», как и в стихотворении И. Гоголева, напоминают ему каменных истуканов, застывших в восхищении при виде могучей реки на берегах красавицы Лены («Легенды о боотурах»).

Исповедальным пафосом, остротой размышлений над судьбами страны и своего поколения отличается поэзия Н. Харитоновой эпохи перестройки. Он выступает против бездумного отрицания прошлого, тотального разрушения вековых устоев и традиций.

Сам же поэт предлагает взвешенно относиться к истории, оценивать современность в контексте прошлого и с учетом перспективы развития. Он честно признается, что его поколение, как оказалось, верило «в неверные идеи» и «поклонялось ложным кумирам»

[3, с. 105]. В то же время он не склонен к покаянию и, напротив, гордится собственной «прямой дорогой» в жизни.

Жанр и композиция романа «Бубенцы над Леной»

Богатый жизненный опыт и незаурядное знание истории нашли отражение в главном произведении Н. Харитоновой – романе в четырех частях “Бубенцы над Леной” (“Хоболоох суол”)¹ [4], над которым писатель работал около двадцати лет.

Прежде всего необходимо отметить, что произведение, изображающее жизнь “во всей ее многогранности” и, более того, раскрывающее судьбу целого народа в переломный исторический период, имеет все признаки романа-эпопеи. В то же время каждую из четырех книг отличают свои внутрижанровые особенности. Первая из них – “Одинокая сосна” – имеет очертания нравоописательного (этологического), семейно-бытового повествования, так как в ней изображаются “труды и дни” нескольких кланов “государевых ямщиков”, русских крестьян, осевших на якутской земле. Сюжетно-композиционная структура второй книги – “Отец и сын”, в которой изображается рост сознания одного из главных героев всего цикла, Афанасия Наумова, соответствует логике воспитательного романа. Две последние части построены по принципу историко-хроникального жанра: в третьей книге – “Желанная пора” – основные события происходят в своеобразном “микрокосме”, Хангаласском улусе и Ленских островах, а в четвертой книге – “Противостояние” – ареной действия становится “макрокосм”, вся Якутия, Сибирь и центральная Россия, а участниками – целый ряд реальных исторических личностей. Эти два мира соединяет “трактовая дорога” (“хоболоох суол”).

Хотя непосредственное действие романа охватывает события со второй половины 19 до середины 20 века, его общий исторический контекст составляет несколько столетий. Первое время почтовую службу согласно царскому указу вынуждены были нести ямщики-якуты. Для них это было тяжким бременем, так как они занимались скотоводством и вели оседлый образ жизни на таяжских аласах и речных островах. Когда якуты стали роптать и жаловаться, наступил черед “государевых ямщиков”, русских крестьян, которых власти переселяли в Ленский край из северных и центральных губерний России. Якуты называли их “бясеччиками”, то есть “посельщиками”, а позднее, когда они начали заниматься земледелием – «пашенными».

В начале первой книги романа рассказывается о том, как русский землемер Петр Корнилов в сопровождении якута Анисима и двух казаков, братьев Вологдиных, в труднейших условиях прокладывал почтовый тракт, связывавший Якутск с губернской столицей Иркутском. Экспедиция завершилась только на исходе второго года. По пути к ним присоединилась девушка-тунгуска Даппарай, которая стала женой Петра. У них родились два сына, Корнил и Илья. Сам Петр в течение десяти лет колесил по тайге, вдоль и поперек объездил берега Витима и открыл месторождения с богатыми запасами золота. Об этом он доложил в Петербург, но воспользоваться плодами своих усилий не успел. Дальние поездки сильно подорвали здоровье, окончательно его скрутила чахотка. Перед кончиной Корнилов составил завещание, по которому все добро и имущество было разделено на три равные доли: жене и двум сыновьям. Старший сын Корнил обзавелся семьей и обосновался в Покровске, Даппарай с Ильей поселились в Олекминске.

В первых книгах крупным планом изображены несколько семей потомственных ямщиков, старожилов самой первой Бестяхской станции. Его основали десять мужиков, прибывших в Якутию вместе с женами из Екатеринославской губернии. Среди них были предки прежнего старосты яма Гавришки Юрьева, которого из-за рыжей бороды за глаза называли Кысыл Бытыком. Его сменил на этой должности Алексейка Наумов, мужик основательный и строгий, к тому же слегка владевший грамотой. Титу, его деду, сыну

¹ В критике и широком читательском обиходе встречаются и другие переводы названия романа на русский язык – “Ямщики на Лене”, “Трактовая дорога”, – но все же наиболее удачным представляется именно этот вариант.

креспостного крестьянина, вместо рекрутства было указано отбывать пожизненную службу в качестве “государева ямщика”. Его младший сын, тоже Тит, занимаясь ямским извозом, познакомился с городскими и по их совету решил дать своему единственному сыну образование. Жизнь Алексейки сложилась иначе, чем у других пашенных. После смерти отца он дважды съездил в Витим на золотые прииски и попытался заняться торговлей. Но купец из него вышел неважнецкий, лавка его прогорела. Зато как семьянин он преуспел, став отцом четырех сыновей и дочери. Из всех детей он возлагал большие надежды на старшего сына Афанасия-Охоноса, который поступил в Якутское реальное училище.

У Иннокентия Козлова, или Кели, как его называла жена Марья, тоже было пятеро детей. В отличие от зажиточного Алексейки, он был бедным хозяином и почти гонял на единственном коне. Обладателем пары лошадей Иннокентий стал по воле случая, когда он спас от смерти тонущего в реке мальчика, и благодарный отец, якут по прозвищу Чылыгыраскы, подарил ему молодого чубарого жеребца. Несмотря на бедность, у него тоже возникало желание обучить кого-то из детей, и когда староста Алексей Титыч открыл на станции школу, отправил туда младшего сына Ваньку. Старший сын Николка, в отличие от бойкого брата, был тихим и скрытным, он больше всего любил молиться и говеть. Но школа в Бестяхе вскоре закрылась, так как учитель Виноградов беспробудно запил, а потом и вовсе пропал. К счастью, через год открылась школа в Булгунняхтахе, и Ванька Козлов продолжил учебу.

Непростая, но очень интересная судьба выпала на долю семейства Вологдиных. Предком братьев Михаила и Федора был русский крестьянин Михайло Федоров, прибывший на якутскую землю еще в 17 веке с отрядом атамана Петра Бекетова. Так как он был выходцем из Вологды, постепенно его фамилия трансформировалась в Вологодина. Согласно преданию, его сын Федор, дед братьев, как-то поехал по приказу якутского воеводы с пушным обозом в Петербург, там он предстал перед государем Петром I и поведал ему о богатстве и суровом климате северного края.

Михаил, старший из братьев, согласно долгу «быть государевым воином», верой и правдой служил отечеству пятнадцать лет и только иногда мысленно беседовал с самим собой: «Эх-ма, господин-начальник, откуда ему знать, что за тоска гложет мою душу... Да ни к чему ему знать это... Служба есть служба! Покуда есть государь-император, живому казаку от службы не отвертеться...». Как-то он увидел на берегу реки, у опушки леса одинокий чахлый кедр и, поглаживая его тонкий ствол, продолжил свой внутренний монолог: «Каким шалым ветром, откуда занесло тебя сюда, заморыша? Сиротинушка горемычный. Скрутила тебя доля – судьбина, как и меня... Одолела тоска по родной сторонке, потому ты так слаб и неказист. И залетел ты сюда случайно, не по своей воле, с бурей или весенним паводком... Исушила тебя кручина...» [2, с. 22]. Так думал казак с грустью, ласково оглаживая шершавыми мозолистыми руками ствол кедра, считая его чем-то сродни себе.

Там, в немыслимой дали, в родной Вологде остались у него жена и сын. После участия в экспедиции Корнилова ему за «особое усердие и добросовестную службу» предоставили отпуск, чтобы он съездил проведать семью. Из занесенного снегом Якутска до родной Вологды Михаил добрался уже весной и застал запущенное хозяйство, сильно сдавшую жену и пятнадцатилетнего сына. Воспрянувшая было духом от встречи с мужем Устинья скоро опять ослабела, прохворала все лето и скончалась. Михаил вместе с пятнадцатилетним сыном Иванкой и неожиданно заехавшим на побывку братом Федором вернулись в Якутию и решили пустить корни в Олекминске. Михаил заметил здесь укромное местечко с плодородной землей, окруженное лесом. Сам он так и не женился после смерти Устиньи, и только на склоне лет, оставив службу, переехал в Покровск к своей знакомой вдовушке.

Иван, продолжая семейные традиции, тоже стал справным казаком, потом эстафету принял его сын Василий. В первую книгу романа включены вставные новеллы об истории женитьбы отца и сына. Однажды Ивана Вологодина, новоиспеченного казака, назначили сопровождать Якутского архиерея, направлявшегося в Вилюйск для инспектирования улусных церквей. Благодаря расторопному и прилежному казаку Преосвященный благополучно добрался до места. В городе Вилюйске архиерей вместе с многочисленной свитой остановился в доме священника Якушкова. У него проживала хорошенькая племянница матушки, и Иван с первого взгляда влюбился в пухленькую Парашу. Заметив это, архиерей лично сосватал ее за понравившегося ему казака. Вернувшись в Олекминск, Иван обратился к отцу с неожиданным решением сыграть свадьбу и затем перевез к себе сироту Парашу с ее скромным приданым. У них долго не было детей, поэтому им даже пришлось усыновить сынка многодетной вдовой казачки. После этого у них самих друг за другом родились три мальчика.

Старший из них Василий тоже был на хорошем счету у начальства и не раз выполнял ответственные задания. В очередной раз, побывав по служебным делам в Якутске, он решил навестить деда. В Покровске шла осенняя ярмарка, собралось множество народа, развернулась оживленная торговля. Вечером начался осухай, во время которого Василий приметил девушку, на которую сразу положил глаз. На другой вечер ему удалось познакомиться с ней и, несмотря на козни местных парней, добиться ее согласия дожидаться сватов. Анютка оказалась дочерью бывшего землемера, а ныне богатого купца Корнила Петровича Корнилова, который запросил за нее выкуп в пятьсот целковых. Василию пришлось по совету своего начальника подхорунжего Севостьянова отправиться на золотые прииски. В течение года он заработал нужную сумму и, не мешкая, вместе с Севостьяновым в роли сводни снова поехал в Покровск. На этот раз сватовство удалось, договорились обвенчать молодых на масленицу, а свадьбу сыграть на родине жениха в Олекминске.

Так размеренно, год за годом, поколение за поколением, как воды Великой реки, текла жизнь государевых ямщиков. О новостях из центральной России они узнавали от ссыльных и собственных детей-студентов. Их интересовали события, которые непосредственно касались собственной жизни и благополучия. Во время русско-японской войны на порядок возросла нагрузка. Увеличилось количество людей, которых надо было перевозить, зато наполовину урезали зарплату. Начались трения между самими ямщиками, люди вымещали недовольство друг на друге. Другим камнем преткновения, порождавшим споры с местными жителями, был вопрос о земле. Когда образовывались новые семьи русских ямщиков или возникала необходимость обеспечить землей служителей новых церквей, власти чаще всего отрезали наделы у якутской бедноты.

Особенности национальной ментальности ямщиков.

Впрочем, взаимоотношения пашенных с простыми якутами изначально носили добрососедский характер. Первые русские крестьяне-ямщики и их потомки, волей судеб оказавшиеся в суровом северном крае, во многом выжили благодаря коренному населению, быстро восприняли уклад его жизни, освоили якутский язык. Один из героев романа, старый ямщик, прямо говорит об этом. Более того, даже в их внешнем облике ощущались некие черты “якутскости”. Так подумал директор Якутского реального училища Зверев, когда перед ним предстал студент Афанасий Наумов [1, с. 180].

Русские крестьяне, прибывшие в северный край, восприняли традиции и суеверия местного населения, в частности почтительное отношение и поклонение силам природы. К примеру, казак Михаил Вологдин внушал своему сыну Иванке мысль о том, что перед дальней дорогой необходимо “улестить Великую реку и просить о милости” [1, с. 50]. Со своей стороны государственные ямщики оказали влияние на уклад жизни местных жителей и, в частности, распространили на новой родине земледелие и хлебопашество.

Долгое время находясь в окружении народа саха, они, хотя и обьякутились, сумели сохранить национальные традиции и обычаи, предания и обряды, песни и танцы. Во время застолья по случаю приезда на родину Михаила Вологодина после пятнадцати лет службы в далекой Якутии его родные и соседи много пели. Но, как водится у русских, радость тесно переплеталась с грустью: их задушевные песни лились вольно, то взмывая в восторге ввысь, то переходя в печальный стон:

Не тебе ли всё, моя полынь, располынушка моя,
Ай да полынь горькая во поле трава,
Не тебе ли всё, моя сударыня-рассударыня,
Печаль, горюшко, тоску-скуку приняла-а-а! [1, с. 45].

Такой же характер носили песни ленских ямщиков, слова которых передавались из поколения в поколение, а мотивы в основном были грустными, воспевающими одиночество и тяжелую долю пашенного крестьянства:

Уж ты пчела, моя пчелочка,
Пчела по полю полетывала.
На мать сыру землю припадывала,
Припадывала, приговаривала.
У ворот стоит батюшка родной,
Он зовет секрет меня домой... [1, с. 82].

Не случайно рефреном через весь роман проходит мелодичный звон бубенцов ямщицких лошадей, да глуховатое бренчанье кандалов на ногах ссыльных. Но иногда, пользуясь случаем, ямские жители безудержно пели и плясали, давая себе встряску от угнетавшей их горькой жизни. Что-то исконно русское выигрывало в душах и будоражило кровь, заставляя их петь и танцевать. Такой случай, например, подвернулся на свадьбе Василия Вологодина и Анютки Корниловой в Олекминске, когда в хороводе кружились “и угловатые в движениях мужчины, и выступающие павами женщины”, когда всеобщее веселье охватило и стариков и молодых [1, с. 189].

Именно на свадьбах и народных празднествах, таких, как масленица, различных обрядах, игрищах, забавах, зажигательных плясках, веселых частушках раскрывалась вся удаль, сила духа и широта натуры русского народа:

*В хороводе были мы,
Что нам надо - видели,
Что нам надо - видели -
Сокола молодчика,
Соколицу девицу!* [1, с. 189].

В романе подробно описываются тяжелый труд ямщиков, вынужденных и в летний зной, и в зимнюю стужу, и днем, и ночью выполнять свою нелегкую службу за мизерную зарплату; их хозяйственные, бытовые заботы, сезонные работы – сев, заготовка дров, сенокос, уборка урожая. Они настолько примирились со своей судьбой, что не хотели никаких перемен. Им казалось, что везде на этой земле, куда ни попади, есть река, небо и трактовая дорога.

Автор романа, который родился и провел детство на одном из самых больших и красивейших островов матушки Лены (Тойон Арыы) в окружении русских ямщиков, склонен придерживаться мысли о их особом “островном” менталитете. На специфику национального характера пашенных обратил внимание ссыльный революционер М. С. Урицкий, будучи избранным волостным писарем попытавшийся разделить землю по количеству душ [2, с. 129].

Характерология романа «Бубенцы над Леной»

Афанасий, сын Алексейки Наумова, не был привязан к отцу детской любовью и чем старше становился, тем больше “ощущал себя как отдельный остров” [2, с. 31]. За время

учебы в городе он исподволь отдалился от него. Отец видел, что сын живет какой-то своей, непонятной ему жизнью. В училище учились в основном дети богачей, и первое время Охоноса обзывали “пашенным”. Но вскоре его взяли под свое крыло сын головы Западно-Хангаласского улуса Гаврил Ксенофонов и сын купца Иван Никитин. Сам он в свободное время стал много читать и незаметно заболел чтением. Начав с Майн Рида и “Тысячи и одной ночи”, постепенно дошел до Гоголя, Тургенева, Толстого. На третьем курсе начал участвовать в политических дискуссиях, которые устраивали ссыльные И. Будилович и А. Чайкин. Симпатии Охоноса были на стороне социал-демократов, его кумиром стал Константин Неустроев-Урсик. Как и его друг Иван, он видел счастье в борьбе за равенство и свободу. Они выпускали рукописный журнал, даже раздобыли шрифты, которыми печатали листовки. Но их разоблачили, и дело кончилось тем, что Охонос был отчислен с последнего курса училища, правда, с правом сдачи экстерном выпускные экзамены. Он вернулся в Бестях и начал работать учителем, но против него ополчились недруги во главе с отцом Михаилом. После смерти матери Охонос уехал сначала на Дальний Восток, потом в центральную Россию. Там он прошел целую школу революционной борьбы, сблизился с большевиками, познакомился с Калининым, слушал выступления Ленина, стал участником первой мировой войны, женился на своей единомышленнице Анне Чайкиной.

После революции он вернулся в Якутию, участвовал в гражданской войне. В отличие от других деятелей, в частности конфедералистов, Афанасий не искал “третий путь”, придерживался линии Советской власти, но это не помогло ему избежать репрессий. В финале романа он подвел нелицеприятный итог своей жизни: «Руководители революции уступили власть бюрократам. В результате установился культ личности» [4, с. 444]. Прототипом героя был известный политический и государственный деятель Афанасий Алексеевич Назаров (Наумов, 1887-1939). В 1920-е гг. он работал наркомом земледелия ЯАССР, затем директором Совпартшколы, руководителем Архивного управления.

В романе П. Харитонов-Ойуку, особенно в последних двух книгах, появляется много реальных исторических личностей. В них на фоне известных событий борьбы за установление Советской власти и гражданской войны в Якутии, крупным планом изображены трагические судьбы представителей клана Ксенофоновых, а также В. В. Никифорова и С. П. Барашкова. Заслугой автора явилось не только активное использование документальных источников и архивных материалов, но и попытка воспроизведения внутреннего мира и личностных качеств героев.

Глубоко раскрыты переживания Василия Ксенофопова за своих детей. Жене Кэтириис он говорил: “Наши дети, когда вырастут, не только сами станут образованными людьми, но и будут помогать родному народу» [3, с. 20]. Особые надежды он возлагал на второго сына Павла, не по годам развитого, обладавшего несомненными лидерскими качествами, хотя опасался его “жесткого характера”. Жизнь показала, что его опасения имели основания. Свою невесту Аришу Дуглас Павел прямо предупредил, что главным делом своей жизни он считает борьбу за свободу родного народа. В то же время среди конфедералистов он был сторонником “мягкой силы”.

Гаврил Ксенофонов, в отличие от брата, отошел от политической борьбы, чтобы посвятить себя науке. Его безутешное горе после скорострительной кончины любимой жены Натальи писатель передал посредством поэтической реминисценции – стихотворения Ф. Шиллера “Жалоба цереры” в переводе В. Жуковского, – которое постоянно было у него на устах:

*Все цветет, лишь мой единый
Не взойдет прекрасный цвет.
Прозерпины, Прозерпины
На земле моей уж нет!* [4, с. 325].

В. В. Никифорова (1866-1928) за его блестящие знания, кипучую энергию и особый дар “загораться” в работе друзья называли “Кулүмнүүр” (“Воспламеняющийся”). По своим взглядам он был, подобно А. Кулаковскому, сторонником эволюционного развития, то есть, не отклоняясь ни влево, ни вправо, придерживаться “среднего пути”. В этом его поддерживал и В. Ксенофонт, по мнению которого такой подход соответствовал менталитету саха. Его образ в романе создан посредством ассоциации с могучей лиственницей.

Семен Петрович Барашков (1876-1921) был человеком, которого принято называть “self-made man”, то есть преуспевшим в жизни благодаря собственной энергии и харизме. Предприниматель, купец, меценат, он создал на своей родине передовое по тем временам фермерское хозяйство с электричеством и паровой мельницей. Там же, в Качикатцах, он открыл школу, построил больницу.

Барашков решил не бежать за границу, как многие якутские купцы и интеллигенты. Он был готов сотрудничать с Советской властью, даже предложил несколько новых проектов, но был раскулачен и так же, как А. Наумов и В. Никифоров, попал под жернова репрессий. Его трагедию усугубляло то, что он был предан своими воспитанниками, которых обучал и поддерживал, в том числе приемным сыном.

В романе “Бубенцы над Леной” среди исторических личностей появляются первые якутские писатели. Кроме В. Никифорова, это А. Кулаковский, П. Ойунский, А. Софронов. Идеи автора “Сна шамана” о “правильном” пути разделяют многие герои, в том числе С. Барашков. Кулаковский одно время работал в открытой им школе в Качикатцах. Там же он написал свое послание “Якутской интеллигенции”, и вполне возможно, что предложенные им меры по природопользованию, земледелию, скотоводству, повышению благосостояния населения, развитию образования были во многом основаны на реальном опыте деятельности Барашкова.

П. Ойунский выступает в романе не только как политический и государственный деятель, но и как поэт. Как справедливо считает автор, Ойунский был недоволен своей ранней ангажированной поэзией, написанной на злобу дня, что приводило его к мучительным раздумьям. Ему хотелось создать новые, более глубокие, масштабные произведения. Одним из таких произведений стала драматическая поэма “Красный шаман”. А как политик он дает однозначную оценку времени: “Открыто выражать свое мнение, говорить правду отныне стало невозможным. Призывы к свободе, борьба за правду превратились в пустые слова» [4, с. 347].

Что касается А. Софронова, то он на юбилее В. Н. Ксенофонтова прочитал свое новое стихотворение, посвященное культурно-просветительному обществу, которым сам руководил («Саха омук»). А его «Песнь якута» («Саха ырыата») несколько раз звучит на протяжении романа. Сначала ее поет Семен Михайлов, чтобы вдохновить бойцов своего повстанческого отряда. В другой раз ее исполняет Софья, вдова Семена Барашкова, присоединившаяся к повстанцам. Наконец, ее хором громогласно поют приговоренные к расстрелу руководители конфедералистов. “Песнь якута” считалась гимном “белых” повстанцев и сыграла роковую роль в судьбе А. Софронова.

Черты поэтики романа «Бубенцы над Леной»

В художественном отношении высокой оценки заслуживают две первые книги романа. В них использован широкий арсенал изобразительных средств, начиная с таких традиционных приемов, как портрет, пейзаж, художественная деталь.

Примером мастерства портретистики писателя может служить образ Анютки, невесты казака Василия Вологодина. У ней были «черные, словно спелая смородина, глаза», длинные косы, которые «не касаясь гибкой талии, падали на бедра, едва не доходя до земли». В танце она «выступала, как белый стерх, и, казалось, излучала особый яркий свет и выглядела единственной цветущей саранкой в этом кругу танцующих людей» [1, с. 155].

Другим примером портретного искусства автора явился колоритный облик олонхосута Харджита с “дивным голосом и языком песнопения” [1, с. 185].

Посредством пейзажных картин и фитообразов мастерски раскрыта сложная идейная эволюция Афанасия Наумова. В начале второй книги, озаглавленной “Отец и сын”, изображено настоящее “бабье лето”, последний расцвет увядающей природы [2, с. 3]. В конце же четвертой книги возникает совершенно иная картина: “Поздние осенние цветы трепетали на холодном ветру, не цвели, как в разгар лета, и это напомнило Афанасию «годы бури и пуль», друзей, которых он потерял... В Покров день земля покрылась белым одеялом. С севера повеяло холодным дыханием зимы» [4, с. 444].

Что касается художественной детали, то наиболее показательным представляется функционирование в романе звуковой детали. Когда Афанасий Наумов был мобилизован на фронт, в ночь перед его отправкой жена Анна никак не могла уснуть: в унисон с непрерывным стуком настенных часов билось «ее напряженное до предела сердце» [3, с. 212-213]. В другом эпизоде старый Василий Ксенофонтов после гибели от рук чекистов младшего сына Ильи случайно увидел в газете среди расстрелянных имя Семена Барашкова и решил уехать из Якутска. Вместе с женой Кэтириис они молча сидели, и только настенные часы, казалось, вели отсчет их тревожных мыслей.

Еще одним часто используемым в романе приемом является образная анималистика, придающая изображаемым предметам или явлениям большую выразительность. Например, лодка, на которой плыли землемер Корнилов и его команда, то “ползла против течения, как упрямый бык”, то “щукой извивалась между льдинами” [2, с. 8, 33]. Сам Корнилов, промокший до нитки, был “точно суслик, вылезший из затопленной норы” [2, с. 37]. Анималистика или ее своеобразная разновидность, “птичья образность”, выполняла также характерологическую функцию: иеромонах Алексей Оконешников «в ниспадающей до пола рясе уставился на Келю выпуклыми, как у сытого глухаря глазами...» [1, с. 124]; старик Миккя, “дремавший, будто старый ворон”, “расширил круглые, как у совы глаза” и, ударив по трем струнам, рассыпал по дому удивительно чистые и звонкие звуки [2, с. 88].

В активе писателя и менее традиционные средства выразительности, такие, как ассоциация судьбы Михаила Володина с “одиноким чахлым кедром”, сравнение старого Василия Ксенофонтова с могучей лиственницей, в которую ударила молния, или прием характеристики Афанасия Наумова через круг его чтения (литературная реминисценция), или наконец, поэтика сновидений.

Кроме того, автор использовал традиционные для крестьян-ямщиков формулы приветствия и обращения: *доровати, паря(лар), бөчүөнэк, ныка, лешай(дар)* и другие.

Заключение

Наряду с поэзией, автобиографической и эпической прозой, творческое наследие П. Н. Харитонов-Ойуку включает публицистику и литературную критику, в частности книги о М. Е. Николаеве и Е. С. Сивцеве-Таллан Бүрэ. Он также известен как детский писатель. Но его самым значительным достижением явился монументальный исторический роман «Бубенцы над Леной», который содержит новаторскую философию истории, заключающуюся в необходимости оценивать современную эпоху в контексте прошлого и с учетом перспективы развития.

Л и т е р а т у р а

1. Бурцев Д. Т. Сонун, үчүгэй роман // Чолбон. – 2001. – 2001. – № 1; Новая Россия: мир литературы. Т.2. – М.: Вагриус, 2003; Алексеев Е. Е. Далантан сабаламмыт литература // Чолбон. – 2008. – № 1; Урсун. 70 лет со дня рождения П. Н. Харитонов-Ойуку // Якутия – 2011: календарь знаменательных и памятных дат. – Якутск, 2011; Васильева Д. Е. Айар дьобурун кэхтибэтин // Чолбон. – 2016. – №6; Павел Николаевич Харитонов-Ойуку: библиографической ыйыннык / А. Наумова, М. Семенова. – Покровской, 2016; Энциклопедический словарь Якутии. – Новосибирск: Наука, 2018.

2. Харитонов П. Н.-Ойуку. Олох модьобото: трилогия сэнэн. – Дьокуускай: Бичик, 2014. – 288 с.
3. Харитонов П. Н. Соргу кэтэбүүтэ: Хоһооннор. – Дьокуускай: Бичик, 2019. – 128 с.
4. Харитонов П. Хоболоох суол. Роман. 1 чааһа. – Дьокуускай: Бичик, 1999. – 256 с.; Хоболоох суол. Роман. 2-с кинигэ: Аҕа уонна уол. – Дьокуускай: Бичик, 2001. – 256 с.; Хоболоох суол. Роман. 3-с кинигэ: Кэтэһиилээх кэм. – Дьокуускай: Бичик, 2006. – 320 с.; Хоболоох суол. Роман. 4-с кинигэ: Туруулаһыы. – Дьокуускай: Бичик, 2011. – 448 с. В дальнейшем ссылки на эти издания приводятся в тексте с указанием в скобках тома – римскими, страницы – арабскими цифрами.

References

1. Burcev D. T. Sonun, uchugjej roman // Cholbon. – 2001. – № 1; Novaja Rossija: mir literatury. T. 2. – M.: Vargius, 2003; Alekseev E. E. Dalantan sa5alammyt literatura // Cholbon. – 2008. – № 1; Ursun. 70 let so dnja rozhdenija P. N. Haritonova-Ojuku // Jakutija – 2011: kalendar' znamenatel'nyh i pamjatnyh dat. – Jakutsk, 2011; Vasil'eva D. E. Ajar d'o5urun kjehtibjetin // Cholbon. – 2016. – № 6; Pavel Nikolaevich Haritonov-Ojuku: bibliograficheskaj yjynn'yk / A. Naumova, M. Semenova. – Pokrovskaj, 2016; Jenciklopedicheskij slovar' Jakutii. – Novosibirsk: Nauka, 2018.
2. Haritonov P. N. – Ojuku. Oloh mod'o5oto: trilogija sje'jen. – D'okuuskaj: Bichik, 2014. – 288 s.
3. Haritonov P. N. – Ojuku. Sorgu kete5uutje: Ho'oonnor. – D'okuuskaj: Bichik, 2019. – 128 s.
4. Haritonov P. N. – Ojuku. Hobolooh suol. Roman. 1 chaa'a. – D'okuuskaj: Bichik, 1999. – 256 s.; Hobolooh suol. Roman. 2-s kinigje: A5a uonna uol. – D'okuuskaj: Bichik, 2001. – 256 s.; Hobolooh suol. Roman. 3-s kinigje: Kjetje'iiljejeheh kjem. – D'okuuskaj: Bichik, 2006. – 320 s.; Hobolooh suol. Roman. 4-s kinigje: Turuula'yy. – D'okuuskaj: Bichik, 2011. – 448 s. V la'nejshem ssylki na jeti izdanija privodjatsja v tekste s ukazaniem v skobkah toma – rimskimi, stranicu – arabскими цифрами.

УДК 821.512.157-3 Егоров.09

Т. Н. Васильева, Я. А. Васильева

Концептуальная структура детективных произведений В. М. Егорова

СВФУ им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Актуальность темы статьи обусловлена всевозрастающим интересом литературоведов к понятию концепта, который может находить органичное отражение и в детективном жанре. Цель исследования – анализ концептуальной структуры детективных произведений известного якутского писателя Виталия Михайловича Егорова. Материалом для исследования послужили семь произведений указанного автора, написанных в актуальном для современной литературы жанре детективной повести (“Адычанская трагедия”, “Воздаяние монстру”, “Кара Чочур Мурана”, “Страхи Сопки Любви”, “Шатуны”, “По следам якутского Хейга” и “Идущие по следу”). В статье выявляются особенности основных концептов, составляющих структуру данных произведений. Научная новизна заключается в разработке собственной модели фреймо-слотовой структуры детективных произведений В. М. Егорова на основе работ отечественных исследователей М. Минского, В. З. Демьянкова, А. П. Чудинова, Ю. Н. Филистовой. В результате исследования авторы статьи выделяют следующую концептуальную структуру детективных повестей В. М. Егорова: преступление – тайна – расследование – наказание. Основные выводы: фреймо-слотовая модель рассмотренных повестей В. М. Егорова полностью отвечает традиционной структуре детектива; фреймовые структуры могут выступать концептуальными основаниями формирования сюжетных линий в детективных произведениях. В перспективе концепт-фреймы могут использоваться как опора для выявления структуры детективных текстов якутской литературы в исследованиях междисциплинарного характера.

Ключевые слова: Виталий Михайлович Егоров; детектив; концепт; структура; фрейм; слот.

T. N. Vasilyeva, A. Y. Vasilyeva

The conceptual structure of V. M. Egorov's detective works

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The relevance of the topic of the article is due to the increasing interest of literary critics in the notion of concept, which can be organically reflected in the detective genre. The purpose of the study was to analyze the conceptual structure of detective works by the famous Yakut writer Vitaly Mikhailovich Egorov. The material for the study was seven works by the specified author, written in the

ВАСИЛЬЕВА Татьяна Ниловна – к. филол. н., доцент кафедры якутской литературы Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ СВФУ им. М. К. Аммосова.
E-mail: vtatyanan@yandex.ru

VASILYEVA Tatiana Nilovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Yakut Literature, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ВАСИЛЬЕВА Яна Ариановна – студент Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ СВФУ им. М. К. Аммосова.
E-mail: yanchikpun@mail.ru

VASILYEVA Yana Arianovna – student of the Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

genre of detective stories relevant to modern literature (“The Adychan tragedy”, “Retribution to the monster”, “Kara Chochur Murana”, “Fears of the Hill of Love”, “Connecting Rods”, “In the footsteps of the Yakut Haig”, and “Following the trail”). The article reveals the features of the main concepts that make up the structure of these works. The scholarly novelty lies in the development of our own model of the frame-slot structure of V. M. Egorov's detective works based on the works of Russian researchers M. Minsky, V. Z. Demyankov, A. P. Chudinova, and Y. N. Filistova. As a result of the research, the authors of the article identified the following conceptual structure of V. M. Egorov's detective stories: crime – mystery – investigation – punishment. Main conclusions: the frame-slot model of V. M. Egorov's novels considered fully corresponds to the traditional structure of the detective; frame structures can act as conceptual bases for the formation of storylines in detective works. In the future, concept frames can be used as a support for identifying the structure of detective texts of Yakut literature in interdisciplinary research.

Keywords: Vitaly Egorov; detective; concept; structure; frame; slot.

Введение

Представляется очевидным, что в современном литературоведении возрастает интерес литературоведов к понятию концепта, который может находить органичное отражение и в детективном жанре. Обширный аналитический материал по структурным особенностям детектива можно найти в работах зарубежных исследователей (Джон Кавелти, Цветан Тодоров) [2, с. 3], [7, с. 22]. В отечественном литературоведении структура детективных произведений обстоятельно освещена в трудах Е. В. Жаринова, Н. Н. Кириленко, О. В. Федунинной, Ю. К. Щеглова. В настоящее время особо весомым является вклад в изучение языка данного жанра отечественных лингвистов (Э. Н. Герасименко и др.) [7, с. 24–26]. Сказанное свидетельствует о том, что изучение феномена литературного детектива ведется в различных направлениях, а междисциплинарность исследований позволяет прийти к интересным выводам.

Оригинальный подход к изучению детективного произведения на основе выявления фреймо-слотовой структуры находим в работе Ю. Н. Филистовой «Структура и семантика детективного нарратива (на материале текстов английских и русских рассказов)». Автор рассматривает понятие концепт-фрейма как сценарий произведений, полагая, что в основе всех детективных текстов лежит одна и та же сюжетная линия: совершение преступления, тайна, расследование и раскрытие преступления. Для демонстрации особенностей данной линии Ю. Н. Филистова использует понятие фрейм в его базовом представлении, как структуру данных для описания сюжета произведения [10].

В названной работе Ю. Н. Филистова составляет так называемый «мир текста», состоящей из концепта. По ее мнению, основные концепты детективных произведений: преступление – тайна – расследование – наказание являются частыми составляющими детективного произведения [10]. В качестве общей модели базовых концептов фреймо-слотовой модели исследователь использовала теории Марвина Минского, В. З. Демьянкова, А. П. Чудинова. Так, при анализе концептов выделяются так называемые фреймы (определенная структура знаний, фон для выделения концепта; модель организации знания вокруг концепта и т. п.) и слоты, проецирующие прагматическую оценку языковой ситуации. Фреймы всегда фиксированы и «справедливы к предполагаемой ситуации», ниже располагаются «терминальные узлы, или слоты» [9], [5], [4]. Таким образом, слоты – это «элементы ситуации, включающие некую часть фрейма» [12, с. 44–45], которые являются конкретизаторами определенного аспекта фрейма, отражая различные

типы отношений человека к миру [11]. Под сценарием Н. Ю. Филистова понимает когнитивную структуру, последовательность событий, которая позволяет связывать в единое целое смысловые блоки в повествованиях [10].

Мы согласны с исследователями по лингвокультурологии, что такие единицы, как фрейм, слот, сценарий обладают более четкой структурой по сравнению с концептом [1] [6]. По мнению Т. Н. Никульшиной, фрейм является наиболее удобной формой представления знаний, поскольку, во-первых, «содержит основную и типичную информацию, во-вторых, во фреймах знания структурированы по определенным направлениям, позволяя упорядочить хаотичные и разрозненные единицы, ассоциируемые с данным концептом» [8]. Фрейм – это «единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия [5]. Таким образом, фрейм представляет собой организующий элемент в восприятии и понимании окружающего мира [1].

Итак, в данной статье на основе контекстуального анализа предпринимается попытка разработки фреймо-слотовой структуры базовых концептов в детективном произведении. Информацию, ассоциируемую с концептами, представим в виде иерархии слотов: каждый концепт-фрейм будет состоять из нескольких слотов ситуаций детектива. Предполагаем, что в перспективе концепт-фреймы могут использоваться как опора для анализа структуры детективных текстов в якутской литературе.

Основная часть

Виталий Михайлович Егоров – русскоязычный писатель из Якутии, автор известных детективных произведений, основанных на реальных событиях. По своей профессии является милиционером-сыщиком, прошедшим все ступени оперативной работы от простого оперативника до руководителя криминальной милиции МВД Республики Саха (Якутия). Материалом для нашего исследования послужили семь детективных повестей данного автора: “Адычанская трагедия” (2018), “Кара Чочур Мурана” (2018), “Страхи Сопки Любви” (2018), “По следам якутского Хейга” (2018), “Воздаяние монстру” (2019), “Шатуны” (2019) и “Идущие по следу” (2020).

В структуре детективного произведения традиционно выделяются три этапа: тайна/загадка (обычно это преступление), ход расследования и разоблачение (раскрытие преступления). Эти элементы сюжета соответствуют свойственным любому художественному произведению завязке, кульминации и развязке [3]. Описанная композиционная структура определяет жанр детектива как литературное произведение с особым типом построения сюжета, изображающее **расследование** сложной запутанной **тайны / загадки**, связанной с **преступлением** и заканчивающееся **разоблачением** и **наказанием** преступника. Выделенные понятия рассматриваются как совокупность смысловых отношений, составляющих так называемый «мир текста», который состоит из концептов. Таким образом, на основе работы Н. Ю. Филистовой мы выделили четыре базовых концепта: **преступление – тайна – расследование – наказание** [10, с. 11], составляющие основу (ядро) детективных произведений В. М. Егорова. Результаты проведенного анализа представлены в следующей таблице.

Анализ произведений В. М. Егорова на основе созданной нами модели фреймо-слотовой структуры позволил выделить универсальные и специфические слоты в структуре концептов.

Как видим из таблицы, в концепте **преступление** универсальными слотами являются: *слот информации о преступлении, места и времени преступления, личности жертвы, прибытии милиции, наличия свидетелей, способа совершения преступлений, обнаружение трупа*. Таким образом, писатель предоставляет читателю полную информацию о совершенном преступлении. Так, подробная *информация о преступлении* в начале повести представлена всего в трех повестях (о совершении преступления

Таблица

Содержание фреймо-слотовой структуры
базовых концептов произведений В.М.
Егорова

Фрейм концепта Преступление:	Фрейм концепта Тайна:	Фрейм концепта Расследование:	Фрейм концепта Раскрытие:
• Слот информации о преступлении • Слот места и времени преступления • Слот личности жертвы • Слот прибытия милиции • Слот наличия свидетелей • Слот способа совершения преступлений • Слот обнаружения трупа	• Слот личности преступника • Слот планирования преступления • Слот мотива преступления	• Слот деятельности милиции • Слот данных криминалистов и экспертизы • Слот осмотра места преступления • Слот следователя • Слот помощника • Слот представлений подозреваемых • Слот улик • Слот попытки решения	• Слот раскрытия и поимки преступления • Слот допроса • Слот рассказа преступника • Слот итога раскрытия преступления

в 300 верстах от реки Адычача и о краже золота; убийство семьи Крыловых и поджог их дома; раскрытие дел «глухарей»). В других произведениях по ходу развития сюжета информацию о преступлении сообщают люди, которые нашли трупы или близкие люди жертв заявляют о своей пропаже. *Место и время преступления*, по законам классического жанра, указано во всех произведениях автора. Интересно, что большинство преступлений в повестях совершаются в 1990-е гг. на территории Якутии. Сюжет детективов В. М. Егорова основан на реальных событиях, громких преступлениях, и возможно, тем самым и привлекает внимание читателей. Так, наиболее популярными в настоящее время являются повести «Страхи Сопки Любви», «Кара Чочур Мурана», «Адычанская трагедия» и «По следу якутского Хейга». Слот *личности жертвы* преступления раскрывается с указанием полного имени и возраста объекта во всех произведениях. Некоторые имена жертв становятся известны не сразу, а в ходе расследования преступления. Слот *прибытия милиции* присутствует во всех произведениях, но по содержательному смыслу «слот прибытия милиции» в некоторых произведениях, возможно, относится к фрейму расследования. Слот *наличия свидетелей* в день преступления отсутствует в повестях «Адычанская трагедия» и «Кара Чочур Мурана». Это объясняется тем, что в первом детективе местом преступления является лес, во втором трупы находят случайно спустя некоторое время. Убийство жертвы как *способ совершения преступления* доминирует во всех произведениях В. М. Егорова. Изощенность криминального сюжета находим в описании слота *обнаружение трупа*. Специфическим слотом концепта писателя является слот *заявления*, поскольку в повестях В. М. Егорова в большинстве случаев раскрывается дело о пропаже и поиске жертвы.

В концепте *тайна* все слоты являются универсальными и полностью раскрываются. *Личность преступника* становится известна во всех произведениях в ходе расследования или в конце повести. Приводится их характеристика, которая углубляет психологизм произведения. Этот прием является одним из проявлений мастерства и индивидуального стиля писателя. Преступления в большинстве случаев *запланированы* заранее, что отягощает вину за содеянное. В редких случаях преступления в произведениях

совершаются в неконтролируемом психоэмоциональном состоянии. *Мотивы преступлений* изучаемых детективов: с целью обогащения («Адычанская трагедия» – кража золота; «Кара Чочур Мурана» – жажда власти; «По следам якутского Хейга» – извлечение выгоды с кражи квартир; «Шатуны» – ограбление состоятельных людей)); эмоции (зависть, затаенная злоба на соседей – «Воздаяние монстру»; обида за безответную любовь – «Страхи Сопки Любви»).

В концепте *расследование* можем выделить специфические слоты – *следователь* и *помощник*. По законам детективного жанра преступление расследует главный герой, в нашем случае – следователь. Второй по иерархии персонаж, помощник следователя, представлен во всех произведениях. Примечательно, что в повести «По следам якутского Хейга» их двое в зависимости от места преступления (Якутск, Москва). Следователю помогают знакомые самого главного героя или работники правоохранительных органов. Слот *деятельности милиции* более сложным и витиеватым сюжетом представлен в произведениях «Кара Чочур Мурана» и «Идущие по следу». В остальных случаях содержательным наполнением фрейма является поиск пропавших. *Данные криминалистов и экспертизы* мы находим во всех произведениях, так как описываются преступления, в основном, криминального характера. Меньше всего этот слот представлен в таких повестях, как «Страхи Сопки Любви», «Кара Чочур Мурана» и «По следам якутского Хейга» (нет подробных описаний экспертизы). Слот *осмотр места преступления* в изучаемом материале отвечает требованиям классического детектива. Универсальный слот *свидетельские показания* и *показания подозреваемых* реализован в полной мере. Слот *представлений* дает читателю и следователю подсказку для поиска преступника. Здесь следователь строит свои схемы, теории, придумывает задумки для поимки преступника. Слот *поиска улик* универсален и является наиболее интересной частью всех произведений автора. Здесь можем отметить роль каждой мелкой детали, каждого незаметного факта, которые в конце концов оказываются важными в раскрытии дела. Образ следователя раскрывается в его внимательности, проницательности и пытливости ума. Как еще один специфический элемент данного концепта можем добавить оригинальное заполнение фрейма в виде плана захвата, перехвата и ареста, которые составляют слот *попытки решений*. Так, увлекательный сюжет планирования захвата преступника мы видим в «Адычанской трагедии» и в «Страхах Сопки Любви».

Концепт-фрейм *наказание* В. М. Егорова в структурном отношении являет собой кульминацию произведений. В изучаемых повестях универсальные слоты *реконструкция мотивов преступления*, *анализ совершенного дела* в большинстве случаев объединены нами в слот *раскрытия преступления и поимки преступника*, где далее изображается его арест, как слот *итог раскрытия преступления*. *Разгадку тайны* в произведениях якутского писателя мы находим в слоте *рассказ и допрос преступника*. Следователь ведет допрос в виде доверительной беседы, подводя преступника к признанию: он умеет находить слабые места преступления и давить на них во время разговора. В некоторых произведениях интересными для читателей могут выступить рассказы, признания преступников в виде «исповедей». Во многих произведениях преступники сами признаются или их заставляют признаться. Прием психологизма автор использует не только для разоблачения преступника, но и демонстрации общения следователя со свидетелями. Содержательное наполнение слота *итог раскрытия преступления*, как и в классическом детективе, состоит из наказания: определенного срока содержания в колониях. Находят свое место и понятия «кара» и «возмездие» в виде совершения самоубийства «Страхи сопки Любви», определения в психиатрическую больницу «Воздаяние монстру», смерти в автомобильной аварии «Страхи сопки Любви».

Анализ фреймовой структуры концептов *преступление*, *тайна*, *расследование*, *наказание* показывает, что рассматриваемые детективные повести В. М. Егорова имеют не очень богатую семантическую структуру. Тем не менее универсальные концепты

содержательно представлены во всех произведениях и в достаточно полной мере, без них не могло бы быть детективной повести. Акцент в основном делается на расследовании преступления и обязательном наказании преступника, поэтому эти концепты эксплицируются в большой степени содержательными средствами. Заметим, что просто факт наличия концептов *преступление, расследование, наказание* не может служить основанием для отнесения повести в разряд детективных. Самое важное в детективе – наличие тайны, что и обеспечивает детективную линию. Тайна, как обязательный концепт изученных детективов, в некоторых случаях связана с мистикой (особенности верования якутов, образы шаманов в повести «Страхи Сопки Любви»; мистические призраки и мифические герои в произведении «Кара Чочур Мурана»; христианские атрибуты и элементы в «Страхах Сопки Любви»).

Итак, в данном исследовании выявлена специфика функционирования базовых концептов в детективных повестях В. М. Егорова. Рассмотренные фреймовые структуры базовых концептов в произведениях якутского автора представляют собой не просто хаотично выстроенный набор блоков текста – они семантически взаимосвязаны и соотносены с его глубинным содержанием.

Заключение

Нами разработана фреймо-слотовая структура концептов произведений В. М. Егорова. Данная структура детективов состоит из **фрейма концепта преступления**, который имеет 7 слотов; из **фрейма тайны** (состоит из 3 слотов); из **фрейма концепта расследования** (8 слотов); из **фрейма концепта раскрытия**, включающего 4 слота. Таким образом, фреймо-слотовая характеристика позволяет подробно рассмотреть реализацию концептов *преступление – тайна – расследование – наказание* в тексте детективной повести В. М. Егорова, выделить наиболее общие и значимые его признаки. Это дает возможность осмыслить взаимосвязь фреймов, акцентировать внимание на определенном фрагменте, проанализировать особенности функционирования содержательных реализаций фрейма в различных слотах. Выскажем предположение, что фреймовые структуры выступают как концептуальные основания формирования сюжетных линий в детективных произведениях. Структура детектива в данном случае является не только смыслообразующим элементом, а той художественной формой, которая позволяет автору создать мир текста, состоящий из концепта.

Таким образом, в перспективе концепт-фреймы могут использоваться в исследованиях междисциплинарного характера как опора для выявления структуры детективных текстов в якутской литературе.

Л и т е р а т у р а

1. Баданян И. Ф. Фреймовое моделирование концепта «Деловая женщина» в медийном дискурсе (на материале немецкого и русского языков) // Известия Сочинского государственного университета. 2015. № 3-1 (36) С. 208-213.
2. Белозерова И. В. Национальная концептосфера в детективном романе А. Кристи, Ч. П. Сноу, Д. Френсиса: дис. ... канд. филол. наук, М., 2006. 167 с.
3. Булычева В. П. Структурно-композиционные особенности детективного жанра // Актуальные вопросы филологических наук: Материалы II междунар. науч. конф. Чита: изд-во «Молодой ученый», 2013. С. 32-38.
4. Демьянков В. З. и др. Фрейм // Краткий словарь когнитивных терминов /Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 188.
5. Демьянков В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1 (7). С. 35-46.
6. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под. ред. И. А. Стернина. – Воронеж: Вор ГУ, 2001. С. 75-80.

7. Кириленко Н. Н. «Детектив» в критике, науке и паранауке (обзор основных тенденций) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2017. №2 (23). С. 19-34.
8. Лингвоконцептология: перспективные направления: монография / авт. кол.: А. Э. Левицкий, С. И. Потапенко, О. П. Воробьева и др.; под. ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко, И. В. Недайновой. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. 624 с.
9. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 152 с.
10. Филистова Н. Ю. Структура и семантика детективного нарратива (на материале текстов английских и русских рассказов): автореф. дис. ... канд. филол.наук. М., 2007. 30 с.
11. Черкасова М. Н. К вопросу о фреймо-слотовой структуре концепта *дурак* // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 4 (29). С. 74-82.
12. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография / Урал. гос. пед ун-т. Екатеринбург, 2001. 238 с.

References

1. Badanyan I. F. Frejmovoe modelirovanie koncepta «Delovaya zhenshchina» v medijnom diskurse (na materiale nemeckogo i russkogo yazykov) // Izvestiya Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 3-1 (36) S. 208-213.
2. Belozerova I. V. Nacional'naya konceptosfera v detektivnom romane A. Kristi, Ch. P. Snou, D. Frensis: dis. ... kand. filol. nauk, M., 2006. 167 s.
3. Bulychева V. P. Strukturno-kompozicionnye osobennosti detektivnogo zhanra // Aktual'nye voprosy filologicheskikh nauk: Materialy II mezhdunar. nauch. konf. Chita: izd-vo «Molodoy uchenyj», 2013. S. 32-38.
4. Dem'yankov V. Z. i dr. Frejm // Kratkiy slovar' kognitivnyh terminov / Pod obshch. red. E. S. Kubryakovoj. M.: Filologicheskij fakul'tet MGU im. M. V. Lomonosova, 1996. S. 188.
5. Dem'yankov V. Z. Ponyatie i koncept v hudozhestvennoj literature i v nauchnom yazyke // Voprosy filologii. 2001. № 1 (7). S. 35-46.
6. Karasik V. I., Slyshkin G. G. Lingvokul'turnyj koncept kak edinica issledovaniya // Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki: Sb. nauch. tr. / Pod. red. I. A. Sternina. – Voronezh: Vor GU, 2001. S. 75-80.
7. Kirilenko N. N. «Detektiv» v kritike, nauke i paranauke (obzor osnovnyh tendencij) // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya. 2017. №2 (23). S.19-34.
8. Lingvokonceptologiya: perspektivnye napravleniya: monografiya / avt. kol.: A. E. Levickij, S. I. Potapenko, O. P. Vorob'eva i dr.; pod. red. A. E. Levickogo, S. I. Potapenko, I. V. Nedajnovoj. Lugansk: Izd-vo GU «LNU imeni Tarasa SHevchenko», 2013. 624 s.
9. Minskij M. Frejmy dlya predstavleniya znaniy. M.: Energiya, 1979. 152 s.
10. Filistova N. Yu. Struktura i semantika detektivnogo narrativna (na materiale tekstov anglijskih i russkih rasskazov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2007. 30 s.
11. Cherkasova M. N. K voprosu o frejmo-slotovoj strukture koncepta durak // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2011. № 4 (29). S. 74-82.
12. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000): monografiya / Ural. gos. ped un-t. Ekaterinburg, 2001. 238 s.

УДК – 82-31

З. А. Кучукова¹, К. К. Бауаев¹, Л. Б. Берберова²

Романистика Зейтуна Толгурова: техника и онтология

¹Кабардино-Балкарский Государственный университет им. Х. М. Бербекова, г. Нальчик, Россия

²Финансовый университет, г. Москва, Россия

Аннотация. В рамках онтологической поэтики авторы анализируют три романа классика балкарской литературы Зейтуна Толгурова «Большая медведица», «Голубой типчак» и «Белое платье». В ходе исследования рассматривается целый перечень вопросов, связанных с теорией ускоренного развития, спецификой романного мышления, поликонфликтной моделью, интертекстуальными параллелями с русской и иностранной литературой, психологизмом, мизогинизмом, символикой костюма. Особое внимание в статье уделяется гендерным проблемам и воспитательному потенциалу романов З. Толгурова.

Ключевые слова: балкарская литература, Зейтун Толгуров, романы, «Большая медведица», «Голубой типчак», «Белое платье», поэтика, экспрессивные средства.

Z. A. Kuchukova¹, K. K. Bauaev¹, L. B. Berberova²

Novel writing of Zeytun Tolgurov: technology and ontology

¹Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia

²Financial University, Moscow, Russia

Abstract. In the framework of ontological poetics, the authors analyze three novels by Zeytun Tolgurov, the classic of Balkarian literature: “Ursa Major”, “Blue Tipchak” and “White Dress”. The study covered a whole list of issues related to the theory of accelerated development, the specifics of novel thinking, a multi-conflict model, intertextual parallels with Russian and foreign literature, psychologism, misogyny, and costume symbols. Particular attention was paid to gender issues and the educational potential of Z. Tolgurov’s novels.

Keywords: Balkarian literature, Zeytun Tolgurov, novels, “Ursa Major”, “Blue Tipchak”, “White Dress”, poetics, expressive means.

КУЧУКОВА Зухра Ахметовна – д. филол. н., профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Кабардино-Балкарского Государственного университета им. Х. М. Бербекова.

E-mail: kuchuk60@list.ru

KUCHUKOVA Zukhra Akhmetovna – Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Kabardino-Balkarian State University.

БАУАЕВ Казим Каллетович – д. филол. н., доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Кабардино-Балкарского Государственного университета им. Х. М. Бербекова

E-mail: kazim_bauaev@mail.ru

BAUAEV Kazim Kalletovich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Kabardino-Balkarian State University.

БЕРБЕРОВА Лиана Бурхановна – к. пед. н., старший преподаватель Департамента языковой подготовки ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ».

E-mail: berberova.liana@yandex.ru

BERBEROVA Liana Burkhanovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer, Department of English and Professional Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation.

Введение

Зейтун Хамидович Толгуров (1939-2016) – талантливый балкарский прозаик, автор многочисленных рассказов, повестей, романов, а также фундаментальных монографий об актуальных вопросах современного литературоведения. Практически вся профессиональная деятельность З. Х. Толгурова, начиная с 1967 г. и до конца жизни была связана с работой преподавателя в Кабардино-Балкарском государственном университете, где он прошел «путь от ассистента до заведующего одной из ведущих кафедр» [10, с. 346]. Региональные журналисты и поклонники его творчества всегда путались в определениях «пишущий преподаватель» или «преподающий писатель», пытаясь определить статус балкарского прозаика.

В данной статье мы поставили перед собой цель – дать литературоведческую оценку романному творчеству З. Х. Толгурова. Достижение этой цели предусматривает решение нескольких взаимосвязанных задач, в частности, идентифицировать жанрово-стилистические особенности романов «Большая Медведица» (1981), «Голубой типчак» (1993), «Белое платье» (1996), их связь с балкарской национальной историей, а также выявить онтологическую составляющую указанных произведений.

Основная часть

В свое время, пытаясь найти объяснение феномену пассионарного расцвета младописьменных литератур в евразийских странах в XX веке, философ Г. Д. Гачев выдвинул теорию ускоренного развития, согласно которой народы, «задержавшиеся в силу тех или иных причин в своем развитии, пробуждаются к новой жизни, включаются в единый мировой исторический процесс и за короткое время стремительно продвигаются вперед, догоняя, а в чем-то уже и перегоняя другие страны, народы и культуры» [2, с. 3]. Применительно к балкарской литературе можно отметить, что примерно то, что в поэзии сделал Кайсын Кулиев, «догнавший и перегнавший» многих зарубежных стихотворцев, в прозе сделал Зейтун Толгуров, апробировавший «в структурном, философско-концептуальном и образном планах наиболее развитые примеры большой прозаической формы» [10, с. 350].

Прежде всего, этому культурообразующему процессу способствовал колоссальный преподавательский опыт З. Толгурова, который «до корней и ветвей» не только сам знал тонкости истории русской литературы, но и передавал их студентам. У него были обширные знания и по иностранной литературе, в чем мы, преподаватели кафедры зарубежной литературы, многократно убеждались во время различных официальных мероприятий и дружеских бесед с «преподающим писателем». Он читал всю мировую классику, хорошо разбирался в творчестве Э. Хемингуэя, У. Фолкнера, Ремарка, Экзюпери, Маркеса, в современных литературных направлениях, течениях, школах.

В свое время М. М. Бахтин отметил, что «роман – единственный становящийся и еще не готовый жанр». По его словам, «жанрообразующие силы действуют на наших глазах: рождение и становление романного жанра совершаются при полном свете исторического дня. Жанровый костяк романа еще далеко не затвердел, и мы еще не можем предугадать всех его пластических возможностей» [1, с. 286].

На наш взгляд, первопричина наблюдаемого М. М. Бахтиным буйства «пластических форм романа», в первую очередь, могла быть объяснена коротеньким словом «этно», означающим одномоментный выход на отечественную литературную арену большого количества национально маркированных советских романов. Дело в том, что изменившееся историческое сознание художника потребовало новых литературных форм, писатель уже не мог оставаться «иллюстратором народной жизни», от него требовалось многомерное философское осмысление тектонических сдвигов в современной цивилизации. Сошлемся снова на М. М. Бахтина, который появление романа объясняет «переломным моментом в истории европейского человечества: выходом его

из условий социально замкнутого и глухого полупатриархального состояния в новые условия международных, междязычных связей и отношений» [1, с. 286]. Сказанное имеет прямое отношение к северокавказской романистике в целом, представленной именами Х. Аппаева, Х. Байрамуковой, И. Базоркина, К. Джетуганова, Т. Керашева, А. Кешокова, М. Шаваевой и др.

Яркими представителями второй волны балкарских романистов стали А. Теппеев и З. Толгуров. Их отличие от предшественников определяется двумя факторами. Первое – они на себя испытали выселенческий опыт своего народа, после которого поняли, что прежним художественным языком уже невозможно писать, особенно большие эпические полотна. Второе – оба названных автора – интеллектуалы, с большим образовательным «бэкграундом», профессиональные литературоведы, изнутри знающие секреты создания художественного текста.

Авторов данной статьи всегда волновал вопрос: мешают или помогают теоретические знания писателю? Что лучше для творчества: быть «самородком», далеким от всяких «университетов» или теоретически хорошо подкованным «ремесленником» в литературе? Полагаем, не исключен и третий путь, когда врожденный сочинительский талант получает огранку академическими знаниями и современным поэтологическим инструментарием. Зейтун Толгуров – из числа таких романистов.

Создание романа требует особого романного мышления, – именно поэтому не каждый прозаик становится создателем больших эпических форм. Для этого требуется глобальное, стереоскопическое художественное сознание, позволяющее одновременно видеть и описывать множество дискурсивных линий, складывающихся в оригинальные конфликтные узлы. «Дискурсивно» богатый роман легко становится источником географических, исторических, этнологических, мифологических, фольклорных, теологических, социологических, психологических, интертекстуальных знаний для читателя. На уровне образных аналогий в качественных романах прописаны модусы «Я и Я», «Я и Другой», «Я и Общество», «Я и Природа», «Я и Космос».

Всеми этими знаниями превосходно был вооружен Зейтун Толгуров с его энциклопедическими, поликонфликтными романами. Думается, объемному видению сюжетных линий, движущейся многоперсонажности, неожиданным виртуозным поворотам в тексте его научила и практика шахматной игры, которую он любил и часто сравнивал с литературным текстом.

На примере романа «Большая Медведица» покажем, как З. Толгуров умел соединять ученические, приобретенные у мировой (русской) литературы знания с собственным этносознанием, индивидуальным **талантом** для «высечения» оригинальных произведений.

В мире существует огромное количество романов о пред- или постреволюционных гражданских войнах. Мы в этом вопросе полностью разделяем мнение З. Толгурова об эталонном характере эпопеи М. Шолохова «Тихий Дон», который во многом стал текстом-предшественником для его романа «Большая Медведица». Одно то, что балкарский писатель своему герою-протагонисту дал имя «Казак», можно считать лаконичным «внутренним эпитафием», отсылающим читателя к бессмертному творению М. Шолохова.

Толгуровский Казак, как и Григорий Мелехов, испытывает тяжелейшее «хождение по мукам», связанное с вопросами экзистенциального, классового и «сердечного» самоопределения. Жизнь обоих персонажей пришлась «на времена разломно-тектонические» [5, с. 70]. Стала уже притчей во языцех метафора о «двух берегах», используемая разными авторами в мировой литературе для выражения психологической коллизии героя, рефлексирующего в смутное историческое время.

Однако здесь следует отметить, как З. Толгуров, в полном соответствии с этнической ментальностью кавказского горца вводит в ткань своего романа оригинальное решение

«береговой» дилеммы - с «белыми» или с «красными»? Он пишет: «Между берегами бывают еще валуны, на которых вполне можно удержаться. Валуны стоят сотни лет, не подвластные ни ветрам, ни напору потока» [8, с. 270]. Интересно, что для обозначения такого асоциального явления как абречество, («третий берег») автор избирает «валун», «камень» - «этнопоэтическую константу балкарского народа» [8, с. 79].

Другой интересный пример. Автор может описать абсолютно реалистический «легкий мостик через бурную речку, за которым всегда можно ожидать камнепады», «телегу, миновавшую оползневый склон» и «Казака, привязавшего вожжи к передку, предоставив лошадям самим выбирать шаг» [8, с. 3]. Налицо тройное «дно» у приведенного отрывка, где одновременно прочитываются конкретика горного пейзажа; опасность исторического переворота в стране; и экзистенциальный выбор героя. Возвращаясь к имени главного героя, также отметил широту его семиотического пространства: Казак – беглец (с тюркского), Казак – ассоциативная связь с донским казаком Григорием Мелеховым и Темир-Казак [3, с. 619] – балкарского название Полярной звезды, которая своей астральной, звездной природой зовет человека к вертикали духа.

Кстати, именно с идеей одухотворения З. Толгуров связывает весь философский дискурс романа «Большая Медведица». В подтексте произведения звучит мысль о том, что ни одна внешняя революция не обусловит переход общества на качественно новый уровень бытия, если каждая личность не совершит внутри себя «внутреннюю революцию».

Особо следует подчеркнуть кинематографичность романа «Большая Медведица», где обязательно присутствует «экшн» с неожиданными поворотами сюжета. Так, читателя с первых страниц завораживает сцена с появлением в небесах горного аула коршуна, утащившего курицу. В момент, когда все жители, как загипнотизированные, наблюдали за этой драмой, раздался выстрел неведь откуда. Оказалось, хищную птицу подстрелил Аслан, после долгих зарубежных странствий возвратившийся вершить революцию, и своим выстрелом обозначивший начало революции в горах Кавказа. Полагая, приведенный эпизод с большим удовлетворением включил бы в свою «копилку» британский историк А. Дж. Тойнби, который, наблюдая за мировыми революциями, установил закон «Движение Ухода-и-Возврата», обозначающий, что «творческая личность» сначала уходит «из своего социального окружения», а следом возвращается, «наделенная новыми способностями и новыми силами» [6, с. 276].

Роман «Голубой типчак» – одно из самых совершенных произведений как в идейном, так и «техническом» отношениях. Центральное место в нем занимает образ матери, развертывающийся в ходе повествования по нескольким смысловым каналам. Согласно сюжету, жила-была в горах Балкарии абсолютно счастливая семья, состоящая из отца (Коркмаз), матери (Халимат) и малолетнего первенца (Крым). Вскоре отца забирают на войну, где он погибает. Зловредные золовки делают все, чтобы изгнать из дома невестку и присвоить себе племянника вместе с имуществом погибшего брата. Несчастливая мать-изгнанница не в силах пережить физическую разлуку с собственным ребенком, притворяется юрдивой, сумасшедшей и поселяется в заброшенном сарае неподалеку от золовок, чтобы хоть изредка украдкой видеть сына. Тонкий психологический момент: конь, собака, мальчик чувствовали, «узнавали» в нищенке Халимат, но ее не узнавали (или притворялись, что не узнают) черствые душой родственницы мужа.

Интересна и важна психологическая глубина образа матери, с особой силой отпечатавшаяся в отрывке, где автор описывает, как однажды тоскующий по матери Крым высоко на лесистом холме среди деревьев в конфигурации рябины усмотрел свою мать в «желтом платье со свободно развевающимися на ветру полами», «серпом в руке», «спешащую домой» [9, с. 103]. Обращает на себя внимание столь присущее кавказскому мироощущению отождествление человека с деревом. Продолжая далее сюжетную логику, отметим, что золовка не могла допустить присутствие в сознании Крыма даже

такого метафизического образа Халимат, вследствие чего она с топором отправляется в лес и под корень срубает рябину. «Айшат подрубила дерево под самый корень со всех четырех сторон, но дерево не падало. Тогда Айшат схватила его руками и навалилась на него всем телом – рябина затрещала и пригнулась к земле. Но когда она, решив, что с деревом покончено, отпустила его, рябина словно ожив, снова выпрямилась. Айшат долгим взглядом с изумлением смотрела на рябину: как такой тонкий, словно спичка, ствол мог выдержать вес всего дерева» [9, с. 120].

Халимат – поликонцептуальный образ в романе. Во-первых, с автобиографической точки зрения здесь явно прочитывается образ родной матери З. Толгурова, которую он потерял в младенческом возрасте. Это своего рода художественная компенсация, интуитивное желание писателя хотя бы на печатных, типографских листах воссоздать ее облик, быть с ней рядом. Во-вторых, Халимат – это дух самой Балкарии, над которой издевались, измывались злые низшие силы в виде милитаристов, НКВД-ников, проводивших карательные операции в Верхней Балкарии, выселявших народ в Среднюю Азию, как «приговоренных к забвению». (Кстати, все эти трагические события находят полновесное отражение на страницах анализируемого романа). И, наконец, в образе Халимат угадывается архетип Великой Матери – прародительницы и заступницы всего живого на земле.

Вслед за великими русскими писателями-кавказоведами (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой, А. А. Бестужев-Марлинский, А. В. Дружинин) балкарский писатель также затрагивает тему российско-кавказских взаимоотношений в их культурном аспекте и исторической перспективе. Как всегда, З. Толгуров находит нешаблонные, оригинальные образные комплексы для того, чтобы изобразить сложившуюся на сегодняшний день картину межэтнической интеграции и кросс-культурных коммуникативных связей. Суть в том, что в итоге маленького балкарского мальчика-сироту от смерти спасает русский офицер-гуманист Сергей Кравцов и навсегда увозит его в Россию с целью усыновить, дать хорошее образование и вырастить достойного, счастливого гражданина. При этом на Кавказе, в горах Балкарии остается могила отца самого Сергея Кравцова, который еще в гражданскую войну за свободу горцев сложил здесь голову. Кросс-культура, родство, единая семья братских народов – вот художественный ответ З. Толгурова на все вопросы о кавказско-русских взаимоотношениях.

Заметно, что З. Толгуров усложняет архитектуру своих произведений от романа к роману, насыщая их новыми нарративными линиями, тематическими полями, экспрессивными средствами. Одним из таких «тотальных», композиционно многоярусных романов является «Белое платье», где автор методами ретардации, реминисценции втягивает в «магнитное поле» текста события, связанные с Октябрьской революцией 1917 года, раскулачиванием, Второй мировой войной, депортацией, возвращением балкарцев на родину, перестройкой в конце XX века, штурмом Белого Дома в столице России. Все эти эпико-документальные страницы перемежаются фольклорно-мифологическими линиями, в которых задействованы герои нартского эпоса, героических песен, а также анималистические образы (кошки, собаки, райские птицы).

Сверхзадачей всей этой художественной полифонии является измерение гуманистического начала в человеке, который стремительно движется по «серпантину» всемирной истории. Рассматривая цивилизацию в динамике, автор задается вопросом: человечество деградирует с каждым новым поколением или наоборот, эволюционирует в сторону добра, этики, духовно-эстетических ценностей?

В попытке найти ответ на этот вечно актуальный вопрос романист выстраивает две симметричные трехпоколенные «шеренги», выдержанные, в том числе, и по гендерному признаку. Мужчины: Чиппо – Шамгун – Чапай; женщины: Мисирхан – Зайнаф – Аскерхан. При этом автор даже заголовком романа («Белое платье») подчеркнул, что его

в наибольшей степени интересует женская линия, поскольку именно от женщины, как матери семейства, хранительницы очага зависит моральное здоровье общества в целом.

Малоутешительный вывод З. Толгурова заключается в том, что представительницы современного женского поколения перестали отвечать требованиям, идеалам традиционно горского социума. Под особый критический прицел писателя попадает младшая из Узунбелевых – Аскерхан, которая представлена как «испорченная ветвь» доброго аристократического древа. Будучи «детьми» 1990-х годов, Аскерхан быстро смекнула, что «миром правят деньги», и в качестве программы-максимум избрала для себя карьеру (даже, если для этого придется торговать телом), покровителя-толстосума и «солнечное место» на общей ярмарке тщеславия.

Предметом исследования нескольких современных литературоведов является «мизогиния Толстого, усилившаяся в последние годы жизни писателя» [4, с. 69].

На личностном и писательском уровнях З. Толгуров испытывал огромное желание видеть «женщину в женских рамках», имея виду ее наружность, дресс-код, где исключались бы любые детали мужского костюма (шляпы, сорочки, брюки и т. д.). Целые поколения студенток были осведомлены о том, что «прийти на экзамен к профессору Толгурову в брюках означало изначально обречь себя на неудовлетворительную оценку».

Такая мировоззренческая позиция сохраняется у писателя и в его художественных текстах. Костюм – главный маркер человеческих и гендерных достоинств женщины (даже судя по заголовкам) в повести «Белая шаль», романе «Белое платье». Симптоматично, что Аскерхан категорически не хочет носить белое платье, подаренное ей Зекерией, предпочитая «обтягивающие лосины и водолазку». По ее мнению, «время белых платьев прошло» [7, с. 16].

При всех своих отрицательных чертах Аскерхан не является персонажем из серии «total black»: она получила педагогическое образование, разбирается в живописи музыкальном искусстве. В глубине души она любит художника Зекерию, но «золотой телец» нещадно искажает камертоны ее души, демонстрируя ей доллары, особняки, дорогие иномарки, заграничные поездки. Кульминационным моментом в романе становится эпизод, связанный с национальным танцем на одной из респектабельно-пафосных вечеринок, где пируют «новые горцы», Зекерия приглашает свою возлюбленную на танец. Она отказывается выйти с ним в круг. Но как только объявляют современный заграничный танец, Аскерхан с одним из «хозяев жизни» ринулась в танец.

Отказ девушки танцевать с художником в предложенном контексте, безусловно, символизирует трагическое поражение светлых, духовных сил перед мощью финансовых воротил. Но роман не заканчивается на этой пессимистической ноте: райская птичка, имеющая контакт с божественными сферами, прилетает в горное село и садится на верхушку священного дерева, всем своим обликом внушая надежду на оздоровление, одухотворение общества. Как видим, одна из ценностных сторон толгуровского романа «Белое платье» заключается в том, что в нем присутствуют «символические измерения гендера в пространстве кавказского социокультурного мира» [11, с. 117].

Заключение

На основании исследованного материала можно сделать вывод о том, что классик карачаево-балкарской литературы Зейтун Толгуров многообразием жанрово-стилистических моделей заметно обогатил национальную литературу. Отличительной чертой его романов «Большая медведица», «Голубой типчак», «Белое платье» являются: охват большого эпопейного материала, поликонфликтность, кинематографичность, занимательность сюжета, умелое использование анималистических образов, а также элементов магического реализма. Обращение писателя к этногендерной проблематике имеет особое воспитательное значение с учетом дезориентированности современного поколения в вопросах истинных моделей «женственности» и «мужественности».

Л и т е р а т у р а

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: 1975. – 502 с.
2. Гачев Г. Д. Ускоренное развитие литературы. – М.: Наука, 1964. – 312 с.
3. Карачаево-балкарско-русский словарь: около 30000 слов / Карачаево-Черкесский н.-и. ин-т ист., филол. и экономики. – М.: Рус. яз., 1989. – 832 с.
4. Михайлова М. В. Романтичные женщины и женщины эпохи романтизма: о книге Э. Х. Манкиевой «Женщины Северного Кавказа в изображении русских писателей XIX века» // Литературома(н)ия. К 90-летию Юрия Владимировича Манна. Сборник статей. – М.: 2019. С. 65-75.
5. Семенова С. Г. Метафизика русской литературы. В 2-х томах. Том 2. – М.: Издательский дом «ПоРог», 2004. – 512 с.
6. Тойнби А. Дж. Постижение истории: Сборник. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 640 с.
7. Толгуров З. Х. Акъ жыйрыкъ (Белое платье): Роман, повесть. – Нальчик, 2005. – 344 с.
8. Толгуров З. Х. Большая медведица. Пер. М. Числова. – М.: Современник, 1988. – 320 с.
9. Толгуров З. Х. Голубой типчак. Роман. Повесть. – Нальчик, 2003. – 392 с.
10. Толгуров Т. З. Толгуров Зейтун Хамидович // Писатели Кабардино-Балкарии. XIX - конец 80-х гг. XX в. Биобиблиографический словарь. – Нальчик: Издательский центр «Эль-ФА», 2003. С. 346-351.
11. Тхагапсоев Х. Г., Шадже А. Ю., Ильинова Н. А., Куква Е. С., Тауканова З. Ч. Детерминация гендера этническим фактором: кавказский дискурс: Коллективная монография. – М.: Издательство «Спутник+», 2019. – 134 с.

References

1. Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki. – M.: 1975. – 502 s.
2. Gachev G. D. Uskorennoe razvitie literatury. – M.: Nauka, 1964. – 312 s.
3. Karachaevo-balkarsko-russkii slovar': okolo 30000 slov / Karachaevo-Cherkesskii n.-i. in-t ist., filol. i ekonomiki. – M.: Rus. iaz., 1989. – 832 s.
4. Mikhailova M. V. Romantichnye zhenshchiny i zhenshchiny epokhi romantizma: o knige E. Kh. Mankievoi «Zhenshchiny Severnogo Kavkaza v izobrazhenii russkikh pisatelei KhIKh veka» // Literaturoma(n) iia. K 90-letiiu Iuriiia Vladimirovicha Manna. Sbornik statei. – M.: 2019. S. 65-75.
5. Semenova S. G. Metafizika russkoi literatury. V 2-kh tomakh. Tom 2. – M.: Izdatel'skii dom «PoRog», 2004. – 512 s.
6. Toinbi A. Dzh. Postizhenie istorii: Sbornik. – M.: Airis-press, 2002. – 640 s.
7. Tolgurov Z. Kh. Ak" zhyiryk" (Beloe plat'e): Roman, povest'. – Nal'chik, 2005. – 344 s.
8. Tolgurov Z. Kh. Bol'shaia medveditsa. Per. M. Chislova. – M.: Sovremennik, 1988. – 320 s.
9. Tolgurov Z. Kh. Goluboi tipchak. Roman. Povest'. – Nal'chik, 2003. – 392 s.
10. Tolgurov T. Z. Tolgurov Zeitun Khamidovich // Pisateli Kabardino-Balkarii. KhIKh - konets 80-kh gg. KhKh v. Biobibliograficheskii slovar'. – Nal'chik: Izdatel'skii tsentr «El'-FA», 2003. S. 346-351.
11. Tkhapsoev Kh. G., Shadzhe A. Iu., Il'ina N. A., Kukva E. S., Taukanova Z. Ch. Determinatsiia gendera etnicheskim faktorom: kavkazskii diskurs: Kollektivnaia monografiia. – M.: Izdatel'stvo «Sputnik+», 2019. – 134 s.

– ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОР. ПОЭТИКА –

УДК 821.512.157-1 Кулаковский

Н. В. Покатилова

А. Е. Кулаковский и традиция: к формированию литературной поэтики

ИГ ИиПМНС СО РАН, г. Якутск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается отношение первого якутского поэта А. Е. Кулаковского к предшествующей ему традиции, понимаемой в данном случае в широком значении. Она включала в себя как устную традицию, так и иноязычную, книжную словесность, опыт освоения которых характеризует самый ранний этап становления поэта. Выдвинуто предположение, что отношение поэта к двум разным истокам его творчества было построено по принципу отношения к «чужому» тексту вообще, в роли которого выступала как заимствованная книжная литература, так и автохтонный фольклор. В то же время поэт каждый раз создает «свой» текст, отличающийся индивидуальной последовательностью и целостной композицией. Механизм появления «поэтической функции» (по Р.О. Якобсону) в таком тексте рассматривается на примере анализа первого опубликованного произведения А. Е. Кулаковского 1908 г. – «Клятва Демона (Абаасы)». В нем одновременно отмечаются новации стихового, стилистического и повествовательного плана, а сам текст возникает на стыке заимствованной сюжетики русской литературы и поэтического языка «своей» традиции. Уже этим произведением был резко обозначен переход к литературному тексту, отличающемуся собственной поэтикой. В поэзии А. Е. Кулаковского в целом последовательно прослеживается система представлений о поэтике, которая в качестве отправной точки опиралась не на фольклор, как принято считать, а на общие установки уже собственно литературного происхождения. В этом и состояла реформаторская сущность первого поэта и его поэзии – преодоление традиции и создание нового, литературного, типа текста.

Ключевые слова: книжная традиция, устная традиция, поэтика, поэтический язык, поэтическая форма, аллитерация, якутское стихосложение.

ПОКАТИЛОВА Надежда Володаровна – д. филол. н., заведующий отделом фольклора и литературы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ФИЦ ЯНЦ СО РАН.

E-mail: pnv_yasu@mail.ru

POKATILOVA Nadezhda Volodarovna – Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Folklore and Literature, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

N. V. Pokatilova

Alexei Kulakovsky and tradition: towards the formation of literary poetics

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia

Abstract. The article examines the attitude of the first Yakut poet Alexei Eliseevich Kulakovsky to the preceding tradition, understood in this case in a broad sense. It included both the oral tradition and the foreign-language book literature, the experience of mastering which characterizes the earliest stage of the poet's formation. It is suggested that the poet's attitude to the two different sources for his work was built on the principle of attitude to the "foreign" text in general, whose role was played by both the borrowed book literature and the autochthonous folklore. At the same time, the poet creates his "own" text each time, differing in individual consistency and integral composition. The mechanism of the appearance of the "poetic function" (according to Roman Jakobson) in such a text is considered through the analysis of the A. E. Kulakovsky's first work published in 1908 – "The Oath of the Demon (Abaasy)". It demonstrates simultaneous innovations in verse, stylistic and narrative plan, and the text itself arises at the junction of the plots borrowed from the Russian literature and the poetic language of "own" tradition. That work already signaled the transition to a literary text, distinguished by its own poetics. The A. E. Kulakovsky's poetry, as a whole, demonstrates a system of ideas about poetics, which was based on general attitudes of his own literary origin rather than on folklore, which is commonly believed. This was the reformatory essence of the first poet and his poetry: to overcome the tradition and create a new literary type of the text.

Keywords: written tradition, oral tradition, poetics, poetic diction, poetic form, alliteration, verse metric, Yakut verse.

Введение

С именем А. Е. Кулаковского, основоположника якутской литературы [1;13], связан переворот в национальной словесности, ознаменовавший появление литературного типа текста и связанного с ним представления об авторстве, которое пришло на смену традиционному фольклорному исполнительству. Однако, несмотря на аксиоматичность этого утверждения, оно до сих пор остается недостаточно исследованным как на текстовом материале, так и в аспекте становления поэтики первого поэта, что определило «текстовый» подход и комплексный анализ составляющих поэтики.

В поэзии А. Е. Кулаковского произошло принципиальное размежевание нарождающейся литературы с устной традицией в виде поэтического феномена, состоявшегося уже в первых публикациях поэта 1908-1913 гг. [9]. Именно они стимулировали широкое распространение этих текстов в списках, большей частью в составе рукописных «песенников» и «сборников» коллективного плана, или в качестве самостоятельных текстовых единиц, когда вслед за ними появлялись первые опыты

перевода на русский язык, отмечались случаи «ухода» в фольклор и исполнения на манер фольклорных «песен». Тем самым первые произведения А. Е. Кулаковского оказались включены как в систему «двуязычного» (якутский/русский) бытования, так и в гораздо широкую сферу «письменного» и «устного» взаимодействия, невольно всколыхнув неизведанную для носителей родного языка область письменного существования, противопоставленную устной культуре.

Между тем новизна литературной традиции текстов, созданной А. Е. Кулаковским, остается не до конца еще раскрытой по существу его поэтической деятельности. Феномен Кулаковского-поэта как раз состоит в том, что на материале его творчества достоверно и вполне отчетливо прослеживается генезис и становление собственно литературного текста якутской традиции, при этом сама подвижность литературных форм на стыке фольклора и становящейся литературы приобретает особую значимость как предтеча, предвосхищение всего литературного в последующем развитии. В этой связи пути сложения в текстах А. Е. Кулаковского поэтических форм, ставших основой создания системы индивидуального автора, определяют становление поэтического начала в литературе в целом. В творчестве первого поэта это находит выражение в процессе формирования основных черт его поэтики, включающей в себя, помимо всего прочего, поэтическое видение – в том числе самой традиции, что привело к созданию текстов, тесно связанных с ней и в то же время в корне отличающихся от нее в своей поэтической сути. В работе предпринята попытка рассмотрения собственно поэтической основы новаторства А. Е. Кулаковского, что определило цель и задачи исследования.

Традиция в широком понимании

Под понятием «традиции» в данном случае подразумевается вся предшествующая совокупность устных (преимущественно, но не только) текстов, сложившихся в виде определенной системы к началу XX в. Литературные тексты А. Е. Кулаковского, формирующиеся в споре-отталкивании и одновременном следовании определенным чертам этой системы, тем не менее взорвали ее, впервые представив возможность ее альтернативного преодоления.

Задача создания литературы на своем языке обдумывалась А. Е. Кулаковским задолго до написания им собственных текстов. Это засвидетельствовано, по крайней мере, в двух опытах поэта. Первый из них относится к 1896-1897 гг., ко времени пребывания Кулаковского в Якутском реальном училище, и отчетливо проступает в сохранившихся конспектах, юношеских сочинениях и раздумьях о литературе [2; 3], второй опыт организационного плана был предпринят А.Е. Кулаковским совместно с А. Н. Софроновым в 1912 г. в проекте Устава кружка любителей литературы, где фактически шла речь о возможности реформирования национальной словесности [14]. С одной стороны, уже ранние размышления юного Кулаковского отличает нескрываемый «поэтический интерес» самого автора [14: 798-800]. В представленных здесь «ученических» текстах по поводу литературы определяющим оказывается собственно поэтический подход в понимании литературных фактов и персоналий от Горация до Пушкина. Осознание «особости» литературы еще не имеет отчетливо выраженного, отрефлексированного характера, но уже приобретает определенную целенаправленность в контексте предварительных раздумий будущего поэта о том, какой должна быть литература на примере русской (в том числе древнерусской), древнегреческой и древнеримской литератур. Специальный анализ сохранившихся материалов Кулаковского этого времени [8] дает основания для утверждения о том, что его собственно литературной деятельности предшествовал этап рецепции опыта мировой литературы, который не ограничивался только откликами на «чужие» тексты. Ранняя литература в лице Кулаковского оказывается в высокой степени индивидуальной, находящейся в кругу идей и поэтических образов русской и

европейской книжной культуры. Выработке собственной программы и ее литературной реализации во многом способствовало освоение будущим поэтом поэтики «чужой» литературы.

С другой стороны, опора на поэтический язык «своей» традиции имела для него принципиальное значение как ориентация на «своего» потенциального *читателя*, поскольку фактическим адресатом первых текстов был не читатель, а *слушатель*, «воспитанный» на устной традиции. Показательно, что в осмыслении автохтонной традиции в творчестве А. Е. Кулаковского обнаруживается почти тот же принцип освоения и переосмысления иноязычного материала. Это находит выражение в отчетливо выраженном «стилистическом» подходе к «чужому» тексту, в понятие которого включается и фольклорный, если иметь в виду литературную перспективу. Фольклорный материал активно начинает вовлекаться зарождающейся литературой в поле «чужого», провоцируя появление качественно нового стилистического принципа повествования и, как следствие этого, отстраненного отношения к фольклорному тексту. Устная традиция предстает как один из самых влиятельных факторов, а ее жанровый состав – как один из источников, наряду с другими, в том числе – иноязычными, но самый подход к тексту и жанру определяется отношением к «чужому» тексту вообще.

Тем самым ранняя литература в известной мере не всегда дифференцирует, какой текст был для нее исходным: автохтонный или заимствованный. Индивидуальный способ трансформации устной традиции оказывается у Кулаковского всецело зависимым от уровня авторского самосознания, который, в конечном счете, определяет принципы творческого преломления фольклорного и/или иноязычного материала. Показательно, что в случаях автохтонного, казалось бы, происхождения текста его генезис выглядит иногда совершенно запутанным («Большая огнедышащая лодка», «Клятва-андагар древнего якута»), хотя опора на традицию в целом бесспорна и особенно сильно ощущается в самом тексте. Зачастую иноязычный источник оказывается лишь поводом, толчком для создания произведения с новым, оригинальным содержанием («Клятва Абаасы», «Ручей», «Дары Реки»). Большей частью имеют место произведения, обладающие полигенетичностью как в жанрово-повествовательном («Песня столетней старухи», 1906, «Певец»), так и в стиховом плане («Танец по-вилюйски», 1905, «Чабыргах», 1912 и др.). Указанные моменты характеризуют уже наиболее ранние произведения поэта, тем самым модификации, возникающие в самом начале его творческого пути, оказываются присущи всем этапам его эволюции.

Поэзия А. Е. Кулаковского предстает как вполне самостоятельное поэтическое явление, истоки которого следует видеть, с одной стороны, в совершенно новом принципе освоения автохтонной традиции, с другой – в формировании с самого начала в ней иного, по сравнению с фольклором, представления об авторстве [13: 48]. Все модификации переосмысливаемой традиции происходят, как правило, в самом тексте в виде незаметного, на первый взгляд, его преобразования. Исходя из этого, поэтические новации в текстах А. Е. Кулаковского могут быть сгруппированы по таким ракурсам, как: а) отношение поэта к жанровым и формульно-поэтическим формам устной традиции; б) аллитерационный стих традиции и стиховое новаторство поэта; в) новые способы выражения авторской позиции в тексте и связанные с этим изменения в типе авторства.

Кулаковский - поэт и жанровые формы традиции

Одним из существенных факторов, повлиявшим на становление поэтики поэта, оказывается трансформация в его творчестве жанровых и формульно-поэтических форм традиции. Поэзия А. Е. Кулаковского обнаруживает совершенно иной тип освоения автохтонной устной традиции. Первый якутский поэт сознательно ставил перед собой задачу создания отличного от устной традиции типа текста, но при этом ориентация на

всю предшествующую традицию присутствовала в его творчестве «в снятом виде». Именно поэтому «заимствование» (в широком понимании) формульного языка устной традиции начинается с целенаправленного освоения ее скрытой поэтики. Осуществление этого стало возможным благодаря «взгляду изнутри» своей культуры и освоению опыта русской книжной (а через нее – мировой) литературы.

Индивидуальному же автору становится доступен взгляд на традиционную систему жанров с позиций книжной, письменной культуры, одна из задач которой видится в сохранении корпуса текстов устной традиции. Исходя из этого, А. Е. Кулаковским была предпринята широкомасштабная по своему охвату попытка представить своего рода энциклопедию жанров устной традиции, восполнить то, что было утрачено или отодвинуто на задний план. Именно поэтому момент архаизации, древности происхождения жанра и текста становится определяющей в авторском осмыслении фольклора. Это была попытка представить устную традицию как целое, во всем богатстве и многообразии ее жанровых и формульно-словесных форм. Характерно, что все наиболее полные имитации фольклорных жанров (*алгыс, андагар, чабыргах* с его разновидностями архаического происхождения) показательны для поэта именно на рубеже 1910-1920-х годов – периода расцвета его творчества, когда было создано большинство его собственно литературных текстов на основе формы *хохоон* (в узком значении – стихотворение).

Специальный анализ наиболее показательных формульно-метрических аспектов в творчестве Кулаковского [10: 124-130] позволяет констатировать, что эволюция поэта была подчинена законам собственно литературного развития. Наиболее отчетливо это сказалось на характере жанровых трансформаций в его текстах. В раннелитературной традиции в целом наметилась общая тенденция к формированию собственно словесных ориентиров в организации текста, что было связано с попыткой размежеваться с фольклором и примкнуть к быстро набиравшей силу письменной традиции, отсюда и обилие рукописных сборников и/или песенников, чаще всего – коллективных, закреплявших именно письменную форму, но поэтический уровень авторов этих сборников был невысоким или вовсе отсутствовал. В жанровом отношении эти тенденции нашли выражение в общей эволюции от *песни-ырыа* (в фольклоре) и *ырыа-хосоон* (в рукописной традиции) к *хосоон* (в литературе). Однако и эта общая направленность ранней литературы индивидуализируется в творчестве А. Е. Кулаковского как движение от *песни* к *поэме*, а от нее – к *хосоон* (*хохоон* – в широком значении, как обозначения стихотворной формы речи).

Анализ свидетельствует об исходной значимости для поэта песни – *ырыа*, актуализацией в ней так называемой «перволичной» формы. Одной из первых эта тенденция обозначена в произведении «Песня столетней старухи» (1906), ставшем этапным в разработке новых повествовательных форм, где доминирует не «песня» героя, а его «речь», а «перволичная» форма песенного происхождения трансформируется в исповедальный рассказ о жизни героини с акцентированием *Ich*-формы.

Наследуемая от устной традиции мифологичность сохраняется в поэме А. Е. Кулаковского не только в качестве принципа структурирования пространства, но и повествования в целом. В рамках поэмы становится возможным как композиционное замещение «перволичной» формы песенного происхождения, так и появление сложной повествовательной плоскости, на границе которой осуществляются взаимопереходы слова героя и слова автора, а авторский голос в тексте начинает строиться по тем же принципам «объективации», что и слово героя. Анализ поэзных форм поэта (от «Клятвы Абаасы» и «Сна Шамана» до «Наступления лета» и др.) приводит к выводу о том, что независимо от того, автохтонные или заимствованные представления лежат в основе жанра, поэма в его творчестве выступает как первоначальная форма апробации специфически словесно-стихотворных начал в литературе. Тем самым индивидуальный

ход жанровой эволюции в поэзии Кулаковского – от песни-*ырыа* – к *поэме*, а через нее – к *хосоон* (в значении мерной, стихотворной речи вообще) оказывается во многом предопределенным эволюцией собственно авторского «я». Причем эта эволюция отличается от достаточно распространенного раннелитературного варианта, когда у авторов рукописной традиции в большинстве своем преобладала форма *ырыа-хосоон*.

Основной корпус текстов Кулаковского, сознательно ориентированных на фольклорную «первооснову», лишь весьма условно можно разграничить по жанровым признакам, прямо соотносимым с параметрами фольклорных жанров. Общим для этих текстов является принадлежность к создаваемой *именно этим поэтом* традиции. Литературные тексты, несмотря на генетические связи с фольклорной традицией, не предполагали прямой общности с ней и осмыслялись поэтом только в качестве опоры на известные фольклорные образцы. В употреблении жанровых обозначений, типа *алгыс, андагар, чабыргах, ырыа*, Кулаковским используются не старые жанровые формы, как принято считать, а посредством новых форм (в том числе неизвестных фольклору) воссоздаются «исконные» жанры традиции. В качестве существенного признака жанровых трансформаций (уже литературного происхождения) следует назвать стилистически усложненное разрастание формы, что, в конечном счете, позволяет этим жанрам отличаться от фольклорных, как бы стоять над устной традицией, успешно ими же имитируемой. Так, полные имитации фольклорных жанров (*андагар, алгыс* и др.) в два раза и более превосходят по своему объему известные устные варианты.

О том, что задача воссоздания на литературной основе жанровой системы устной традиции приобретает в творчестве первого поэта последовательный характер, свидетельствует, с одной стороны, взаимосвязанность всех аспектов его поэтической эволюции. С другой стороны, все новации поэта оказываются эксплицированными каждый раз в самом тексте, в его поэтической форме. Жанровый аспект имел определяющее значение в поэтическом преобразовании в этих текстах устной традиции, однако повествовательные и стилистические новации, используемые по отношению к традиционным жанрам, в равной степени могли относиться как к «своей», так и к «чужой» традиции.

Аллитерационный стих традиции и стиховое новаторство поэта

По текстам А. Е. Кулаковского видно, что с самого начала литературная поэзия воспользовалась теми видами метрически организованной речи, которые были выработаны устной традицией. Традиционная система стихосложения была в своей основе аллитерационной, что и использует поэт. В отличие от рукописных авторов, Кулаковский в своей опоре на традиционную метрику ориентировался на такую исконную черту аллитерационного стиха, как семантизированность в нем аллитерации, проявляющуюся в наиболее архаических образцах – в созвучии корневым морфем. Более того, именно в его поэзии аллитерация была поднята на небывалую до сих пор эстетическую высоту. Анализ показывает, что именно аллитерационный принцип в его поэтических текстах сохранял свое эстетическое воздействие и на почитателей его творчества, и на последующие поколения поэтов [7: 121-122].

Своеобразие стиха Кулаковского в том, что при всех модификациях аллитерация здесь сохраняется как основополагающий принцип в структурировании самого стиха, то есть отдельно взятой строки. Регулярное же использование переносов (enjambement) приводит к разработке им специфической синтаксической единицы стихотворного текста, позволяющей регламентировать соотношение двух типов стиха – «короткого» и «длинного» [4: 454 -455]. В результате в разрабатываемой им строфемной организации формируется новый (литературный) тип строки, как правило, аллитерационно связанной от начала (инициали стиха), но в которой также появляется зависимость от заданности повтора ближе к концу строки (финали стиха). Аллитерация от начала

строки и созвучие внутренних рифм от конца строки. Всё это было следствием колоссального сдвига, происшедшего в его поэтике, где метрика становится основным показателем изменений, происходящих в форме создаваемых текстов. Все стиховые инновации Кулаковского вместе с тем не отменяли аллитерационной сути его стиха, где аллитерация выступает в качестве структурирующего принципа не только отдельного стиха, но и текста в целом. Упорядоченность стиха поэта определяется последовательностью аллитерации на 1-м и 3-м слове первой строки [4: 454].

На последнем этапе стиховых преобразований поэта видно, что его исходная «реконструктивная» нацеленность по отношению к традиции (в виде ориентации в ней на аллитерационный стих) начинает сменяться не менее осознанным отстаиванием аллитерационных перспектив в развитии якутского литературного стиха. В полном объеме эта позиция была изложена им в статье 1925 г. «Правила якутского стихосложения», ставшей поводом для споров уже после его смерти [5], когда поэзия «после Кулаковского» переходит на неаллитерационный – силлабический – принцип организации стиха. Именно к этому времени относится появление первых представлений об аллитерации в качестве орнаментального, по преимуществу, украшения речи [16: 40], а не в ее структурирующей роли в стихе. Новым же поколением поэтов начинает вменяться в вину Кулаковскому его приверженность аллитерационной линии развития стиха [16; 7: 122].

Общая направленность стиховых новаций поэта в принципе вторит жанровым и в целом была задана движением от *поющего* текста к *читаемому*, т. е. к тексту, основанному исключительно на речевой основе. Стиховое новаторство поэта в первую очередь оказалось направленным на структурные изменения в тексте.

Автор и его позиция в тексте

В исследовательской литературе стремительность поэтической эволюции А. Е. Кулаковского традиционно связывалась с его умением преобразовывать фольклорные жанры (В. Н. Леонтьев [6], Г. С. Сыромятников [14]). Между тем ускоренный характер этой эволюции был обусловлен, скорее всего, стремительной эволюцией авторского начала в его поэзии, становлением авторского «я» поэта и многообразием форм его выражения в поэтическом тексте, что стало возможным только в литературе. Если в устной традиции обладание поэтическим словом подразумевало его «знание», владение им преимущественно как формой, что и расценивалось как проявление поэтического мастерства, то в зарождающейся литературе формировалось такое отношение к поэтическому слову, при котором осязателее становилась его условность.

Целостность поэзии А. Е. Кулаковского, не в последнюю очередь определялась новым типом слова, в основе которого – создание «своего» поэтического языка и формирование впервые индивидуальной стилистической манеры. С одной стороны, владение в фольклоре поэтическим мастерством как навыком, типа формульной техники «нанизывания слов» или аллитерации в ее структурирующей сути, с другой – отчетливо выраженное в литературе авторское видение, определяющее степень поэтической уникальности и сложности архитектоники целого. В известной мере «отчужденность» слова от автора, пользующегося этим словом, предопределяла дистанцию между «текстом» и «автором». Дистанцированность автора от создаваемого им текста не в последнюю очередь определялась тем, какой «языковой» (в широком понимании) материал положен в основу текста. Автор не был ограничен в своих возможностях, он мог использовать элементы поэтического слова и «своей», и «чужой» традиции, что показательно уже для первой поэмы А. Е. Кулаковского. Осознание условности литературного приема зачастую приводит в свою очередь к взаимной ориентации текстов друг на друга, к их относительно стилистической однотипности (ср. *алгыс* и *андагар* в имитациях поэта). В этом случае понятие корпуса текстов данного поэта,

объединенных цельностью авторской индивидуальности, становится определяющим в формирующейся литературной системе.

Поэтическое начало дает о себе знать уже в первом произведении А. Е. Кулаковского – «Клятва Абаасы» (1908). Новаторство этого текста, продуктивного в точке пересечения «чужой» и «своей» традиций, нашло выражение в его поэтике, в частности, в двухчастной композиции повествования, усиленной в стиховом плане. Здесь намеренно опускаются все дополнительные сюжетные линии, отличающие лермонтовский оригинал. Коллизия переложения упрощается до противопоставления только двух начал: демонического и человеческого. Сюжетная трактовка оригинала сводится лишь к одной линии, и то перекодированной в систему ценностных представлений «своей» традиции: это древняя клятва-андагар и нарушение «данного слова».

Произведение состоит из основной – «клятвенной» – (стихотворной) части и обрамляющего ее вольного (прозаического) пересказа поэмы Лермонтова «Демон». В противовес сюжетному «упрощению» всё внимание сосредотачивается на стилиевой обработке контаминированного сюжета. Доминирующим в ней становится тип построения авторского слова. Заметим, что это слово охватывает только прозаическую часть произведения (представляющего собой пересказ фабулы лермонтовской поэмы) и обрамляет с двух сторон собственно «клятву» (*андагар*). Прозаический пересказ, описывающий контекст «клятвы» и выводящий за ее жанровые пределы, безусловно, выполняет основную композиционную функцию в создании архитектоники целого произведения. Собственно «клятвенная» часть произведения строится как своеобразный синтез стиха и прозы, представляя собой «прозопэтическую» форму. По своей ритмической природе она близка к ритмизованной прозе высоких культовых речений, хотя при этом имеет сложно орнаментированный аллитерационный рисунок. Истоки этой «прозопэтической» структуры следует видеть в ориентации поэта на такую особенность жанра *андагар* в устной традиции, как его принципиальная «нестихотворность» и параллелизм строк. Синтаксический параллелизм «удлиненных» строк каждый раз ритмически перебивается рефренно повторяющимся словом «клянусь». Этот рефрен на фоне длинных строк выглядит усеченной структурой, выполняя отчасти функцию композиционного перебоя ритма.

Первое опубликованное произведение Кулаковского, таким образом, обозначило резкость перехода от устности фольклора к письменно закреплённой форме литературы, поскольку в нем сведены воедино почти все инновации метрического, стилистического и авторско-повествовательного плана. Индивидуальная повествовательная манера А. Е. Кулаковского здесь характеризуется продуманностью построения и стилистической насыщенностью «высокого» слова как в прозаической, так и в стихотворной части текста, что в целом определяет особую степень эстетической завершенности, которая отличает это произведение. По существу, в этом тексте уже совершился переход от фольклорного типа текста к литературному, отличающемуся уникальностью создания и собственной поэтикой.

Заключение

Главным для Кулаковского-поэта стало открытие им поэтического начала, механизмов его доминирования в тексте и на всех его уровнях, что давало возможность утверждения и развития им совершенно иного типа национальной словесности. Все это позволяет взглянуть на поэзию А. Е. Кулаковского, с одной стороны, в более масштабном ракурсе становления его авторского «я» и, соответственно, авторского самосознания в целом, с другой – в глубинном генезисе и развитии собственно поэтического (эстетического) начала, сосредоточенного в его поэтике, обретающей, как показывает анализ текстов, с самого начала литературную направленность. В текстах А. Е. Кулаковского отчетливо прослеживается система представлений о поэтике, которая

в качестве отправной точки опиралась не на фольклор, как принято считать, а, скорее всего, на общие установки уже собственно литературного происхождения, сложившиеся не без влияния опыта книжной культуры, которой в совершенстве владел первый якутский поэт. Определяющим в них, с одной стороны, был эстетический критерий красоты («красивость») и симметрии («поэтичность») [4, с. 454, 380], доминирующее поэтическое начало в литературе. С другой стороны, эти же представления были в своей основе представлениями именно поэта, поэтической сублимацией его творчества, что позволяет определить их как своеобразную *поэтику поэта*, то есть поэтическую разновидность рефлексии, в значительной мере, определяемой колоссальной языковой интуицией и пронизательностью тонкого наблюдателя и знатока устной традиции. Из всех попыток (а их было немало) создания литературного текста в начале XX в. только Кулаковскому удалось добиться симбиоза, с одной стороны, достаточно высокого уровня представлений о литературе и закономерностей ее создания, с другой стороны, «знания» устной традиции и «умений» в ней, доведенных до виртуозности «поэтической техники», в значении термина, восходящего к Е. Д. Поливанову [11, 12]. Счастливое сочетание того и другого во многом предопределило как поэтику первого поэта, так и его реформаторскую сущность в новом – поэтическом – видении словесной традиции.

Основанием для такого рода предположений являются такие результаты, достигнутые А. Е. Кулаковским, как первое приближение к разграничению поэтики устного и литературного текста, осознание роли слова и текста в литературе, начало рефлексии над традиционным и литературным стихом в якутской традиции, формулировка впервые метрических оснований каждого из двух типов стиха и видов текста в целом (фольклорный/ литературный). Вполне закономерно, что первый поэт начинает свой путь с преодоления предшествующей традиции и завершает символическим возвращением к ней, но с иных нарративных позиций. Реальный переворот в национальной словесности стал возможен благодаря целенаправленности творческих исканий поэта и регулярности его усилий в реализации собственной программы по созданию литературы, представленной когда-то еще молодым поэтом [15].

Принятые сокращения

Архив ЯНЦ СО РАН – Архив Якутского научного центра Сибирского отделения Российской Академии наук.

Л и т е р а т у р а

1. Заболоцкий Н. М. У истоков якутской литературы: (Историко-литературный очерк). 1934. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 41.
2. Кулаковский А. Е. Главнейшие достоинства поэзии А.С. Пушкина [1897] // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф.4. Оп. 26. Ед. хр. 4.
3. Кулаковский А. Е. [Личные документы]. 1896. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф.4. Оп. 26. Ед. хр. 35.
4. Кулаковский А. Е. Научные труды. Якутск: Як. кн. изд-во, 1979. – 484 с.
5. Кулаковский А. Е. Правила якутского стихосложения // Сборник трудов исследовательского общества «Саха кэскилэ». Вып. 1. Якутск, 1925. С. 76-79.
6. Леонтьев 1925 – Леонтьев В. Н. Критические заметки о творчестве А. Кулаковского. 1925 // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 162. Л. 1-5.
7. Ойунский П. А. О теории якутского стихосложения // Ойунский П. А. Сочинения: в 7 томах. 1958-1962. Т.7. Якутск: 1962. С. 121- 127.
8. Покатилова Н. В. Античная реплика в генезисе якутской литературы // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVIII (чтения памяти И.М. Тронского). Материалы Международной конференции 23-25 июня 2014. / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2014. С. 794 – 803.
9. Покатилова Н. В. Ранний этап становления литературы, или О двух путях переосмысления устной традиции // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: Вып. 22. –

Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет, 2016. № 2. С. 104–108.

10. Pokatilova N. V. Якутская аллитерационная поэзия: генезис литературного текста. М.: «Айыына», 1999. 163 с.

11. Поливанов Е. Д. Общий фонетический признак всякой поэтической техники. [1937]. // Вопросы языкознания. 1963. № 1.

12. Поливанов Е. Д. Рифмология Маяковского // Известия Академии наук. Отделение языка и литературы. Т. 39. 1980. № 2.

13. Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Становление литературы. Л.: Наука, 1984.

14. Сыромятников Г. С. Якутская литература 20-х годов. 1966 // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф.5. Оп. 10. Ед. хр. 90.

15. Устав «Кружка любителей якутской литературы» (1912) // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф.5. Оп. 1. Ед. хр. 105.

16. Эллай Уранхаев /Кулачиков С. Р. / Звукоспись в якутской поэзии // Якутские зарницы. 1928. № 1. Янв.-февр. С. 40-48.

17. Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. 462 с.

References

1. Zabolockij N. M. U istokov yakutskoj literatury: (Istoriko-literaturnyj ocherk). 1934. // Arhiv YANC SO RAN. F. 5. Op. 2. Ed. hr. 41.

2. Kulakovskij A. E. Glavnejshie dostoinstva poezii A. S. Pushkina [1897] // Arhiv YANC SO RAN. F.4. Op. 26. Ed. hr. 4.

3. Kulakovskij A. E. [Lichnye dokumenty]. 1896. // Arhiv YANC SO RAN. F.4. Op. 26. Ed. hr. 35.

4. Kulakovskij A. E. Nauchnye trudy. Yakutsk: Yak. kn. izd-vo, 1979. – 484 s.

5. Kulakovskij A. E. Pravila yakutskogo stihoslozheniya // Sbornik trudov issledovatel'skogo obshchestva «Saha keskile». Vyp. 1. Yakutsk, 1925. S. 76-79.

6. Leont'ev 1925 – Leont'ev V. N. Kriticheskie zametki o tvorchestve A. Kulakovskogo. 1925// Arhiv YANC SO RAN. F. 5. Op. 2. Ed.hr. 162. L. 1-5.

7. Ojunsij P. A. O teorii yakutskogo stihoslozheniya // Ojunsij P. A. Sochineniya: v 7 tomah. 1958-1962. T.7. Yakutsk: 1962. S. 121- 127.

8. Pokatilova N. V. Antichnaya replika v genezise yakutskoj literatury // Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya – XVIII (chteniya pamyati I.M. Tronskogo). Materialy Mezhdunarodnoj konferencii 23-25 iyunya 2014. / Otv. red. N. N. Kazanskij. SPb.: Nauka, 2014. S. 794 – 803.

9. Pokatilova N. V. Rannij etap stanovleniya literatury, ili O dvuh putyah pereosmysleniya ustnoj tradicii // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki: Vyp. 22. – Vladikavkaz: Severo-Osetinskij gosudarstvennyj universitet, 2016. № 2. S. 104–108.

10. Pokatilova N. V. Yakutskaya alliteracionnaya poeziya: genезis literaturnogo teksta. М.: «Айыына», 1999. 163 с.

11. Polivanov E. D. Obshchij foneticheskij priznak vsyakov poeticheskoy tekhniki. [1937]. // Voprosy yazykoznanija. 1963. № 1.

12. Polivanov E. D. Rifmologiya Mayakovskogo // Izvestiya Akademii nauk. Otdelenie yazyka i literatury. T. 39. 1980. № 2.

13. Steblin-Kamenskij M. I. Mir sagi. Stanovlenie literatury. L.: Nauka, 1984.

14. Syromyatnikov G. S. Yakutskaya literatura 20-h godov. 1966 //Arhiv YANC SO RAN. F.5. Op. 10. Ed.hr. 90.

15. Ustav «Kruzhka lyubitelej yakutskoj literatury» (1912) // Arhiv YANC SO RAN. F.5. Op. 1. Ed.hr. 105.

16. Ellyaj Uranhaev /Kulachikov S. R./. Zvukopis' v yakutskoj poezii // Yakutskie zarnicy. 1928. № 1. Yanv.-fevr. S. 40-48.

17. Yakobson R. O. Raboty po poetike. М.: Progress, 1987. 462 s.

– ТЕКСТОЛОГИЯ, СТИХОВЕДЕНИЕ –

Раздел посвящается памяти известного российского литературоведа, доктора филологических наук, профессора Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова, академика Международной тюркской академии, заслуженного деятеля науки Республики Саха (Якутия), заслуженного ветерана Сибирского отделения АН СССР **Тобурокова Николая Николаевича**

УДК 82-1.09 (571.1/5)

Н. Н. Тобуроков

Взаимосвязь и взаимовлияние в поэзии народов Сибири

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Представлены результаты исследования взаимосвязи и взаимовлияния в якутской, бурятской, тувинской, хакаской и алтайской поэзии.

Особое внимание уделено использованию художественного опыта русской поэзии национальными литературами, а также переводу как с русской, так и зарубежной литературы.

Многоязычная поэзия народов Сибири, впитывая ценное в произведениях русской и мировой литературы, стимулирует воздействие одной национальной литературы на развитие другой.

Ключевые слова: литературные связи, художественный перевод, творческое взаимодействие, взаимообогащение, литератур, поэзия народов Сибири, освоение литературного наследия, поэтическая интонация.

N. N. Toburokov

Interrelation and mutual influence in the poetry of the peoples of Siberia

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The results of the study of interrelation and mutual influence in Yakut, Buryat, Tuvan, Khakass and Altai poetry are presented.

Special attention was paid to the use of the artistic experience of Russian poetry by ethnic literatures, as well as translation of both Russian and world literature.

The multilingual poetry of the peoples of Siberia, absorbing the valuable in the works of Russian and world literature, stimulates the impact of one ethnic literature on the development of another one.

Keywords: literary connections, literary translation, creative interaction, mutual enrichment, literature, poetry of the peoples of Siberia, development of literary heritage, poetic intonation.

Если только фольклор является основным источником зарождения любой литературы, то процессы взаимосвязи и взаимовлияния между культурами начинаются на определенном этапе их развития. В первую очередь они проявляются между литературами народов, которых связывают исторические, экономические и политические условия. Народом, оказавшим решающее влияние на исторические судьбы народов Сибири, был русский народ, имеющий высокоразвитую литературу в древние традиции.

Политика царизма в Сибири была направлена на превращение ее в сырьевую базу, дешевый источник пополнения казны. Но активное наступление российского рынка на север, Сибирь, освоение русскими жилыми людьми огромного края не могло остаться в пределах чисто экономических отношений. На разных этапах развития этого региона неизбежно шел процесс сближения трудовых масс населения Алтая, Бурятии и Якутии с пришлыми русским крестьянством и прогрессивными представителями политической ссылки. Все это создавало исторические предпосылки для влияния русской литературы на зарождение национальных литератур Сибири еще в дореволюционное время.

Условия проникновения русской культуры в среду простого якутского населения были своеобразными. Русские в Якутии составляли в XVII-XVIII вв. явное меньшинство, и в целях быстрого приспособления и новым экстремальным условиям они были вынуждены активно общаться с местными жителями. В результате, как свидетельствуют многочисленные источники [1], к началу XIX в. почти все русское население активно использовало в своем языке якутские слова и выражения. В этом сказались как прогрессивный характер самого русского народа, так и жесткая необходимость близкого общения с местными народами. Поскольку почти единственной формой культурного времяпрепровождения русских переселенцев были песни и хороводы, постепенно они стали переводить их на якутский язык [2]. Таким образом, якутский народ задолго до распространения грамотности получил оригинальную возможность общения с высокоразвитой культурой. Оно возросло во второй половине XIX в., когда были организованы гражданские и миссионерские школы для коренного населения.

Это в какой-то степени обусловило обращение первых дореволюционных писателей Якутии, Сибири к русской классической литературе, как к образцу, как к источнику передовых прогрессивных идей [3]. Основной круг имен, творчество которых интересовало дореволюционных писателей Сибири, составляли Пушкин, Некрасов, Лермонтов, Крылов [4]. Одной из распространенных форм учения у классиков было подражание общей структуре, использование сюжета, замысла того или иного произведения. Несомненно, без «Даров Терека» Лермонтова не было бы создано «Даров Лены» А. Кулаковского, а без стихотворения А. Немировича-Данченко «Родина» – произведение с таким же названием А. Софронова. Под влиянием басен Крылова были написаны басни алтайца М. Чевалкова. Софронов и Чевалков делали также вольные переводы басен Крылова и созвучных их настроениям и помыслам произведений Пушкина, Лермонтова. Обращение к передовым идеям и творческому опыту, русской классической литературы помогло писателям Сибири усилить социальные мотивы своих произведений, увидеть окружающую действительность сквозь призму нравственных критериев старшей литературы.

Для многих первых советских поэтов народов Сибири использование художественного опыта русской поэзии и поэзии других народов мира было дальнейшим развитием существующих традиций в этой области, но с позиций новых идейных требований революционности и партийности. Поэтому вполне логично, что в 1917 г. и позднее первыми были переведены на языки народов Сибири «Интернационал», «Марсельеза», «Песня о Буревестнике», «Песня о Соколе» М. Горького, стихотворения разных авторов о Ленине: «существовала потребность в таком идеологическом импорте» [5].

Основные направления связей молодой якутской поэзии определились в творчестве основоположника якутской советской литературы П. А. Ойунского. Он, развивая

установившиеся в творчестве А. Е. Кулаковского, А. И. Софронова традиции, переводит басню «Кот и повар» (1916) Крылова, «Облако» (1922), «Пророк» (1936), «Кинжал» (1936), сцены из «Бориса Годунова» (1936) Пушкина. Более того, Ойунский значительно расширил связи якутской поэзии, обратившись в переводческой деятельности к творчеству Жуковского, И. Гете, Ш. Петефи. Народный дух сказки Жуковского «Кот в сапогах» был очень близок якутским сказкам, великолепным знатоком которых был Ойунский. Стихотворение же венгерского поэта Ш. Петефи «На виселицу королей!» как нельзя лучше соответствовало идее свержения гнета царизма в 1917 г. и борьбы за установление и укрепление Советской власти в Якутии в 1919-1922 [6]. Но особенно удачным было переложение песни Гретхен из пятнадцатой сцены «Фауста» Гете. Ойунский перевел ее в 1924 г., когда в якутской поэзии преобладали публицистичность и гражданская лирика, о любви же почти не писали. Гений Гете помог впервые заговорить на якутском языке о всемогущей силе человеческого чувства. Лирика самого Ойунского под влиянием Гете и Ш. Петефи, певца любви и свободы, наполнилась новым содержанием, получила новые оттенки. Это легко заметить на примере его стихотворений «Подруге Феклуше» и «Этот огненный бокал».

Появление во второй половине 30-х годов новой струи в якутской поэзии – любовной лирики, описывающей тончайшие переживания человека, несомненно, имело, кроме своей жизненной основы, и причины чисто литературного характера. Г. И. Ломидзе, усматривающий изменение национальных способов выражения общечеловеческих чувств «под воздействием жизненных проблем, решаемых писателем» [7], безусловно, прав. Его пример из австралийской литературы, народ которой, по общепринятому мнению, не любит говорить о нежности и любви, о своих чувствах, что преодолевается писателями, весьма убедителен [8]. Это мнение подтверждается эволюцией выражения тончайших чувств человеческой души в поэзии Ойунского, примеру которого последовали А. Абагинский, И. Чагылган и другие поэты еще в довоенное время [9]. Литературные интересы Ойунского сказали значительное влияние на последующее развитие связей якутской поэзии с русской классической литературой.

Почти все писатели Сибири хорошо владели русским языком, и поэтому они учились, непосредственно знакомясь с оригиналом. Переводы же, сделанные ими, становились, по существу, фактом национальной литературы, их познавательные-воспитательные функции для читателей были такие же, как и у произведений, созданных местными писателями.

Большой популярностью пользовались произведения Пушкина, Некрасова, Лермонтова. Их произведения переводились с самого зарождения национальных литератур Сибири. Избранные стихи Пушкина были изданы на бурятском, якутском языках в 1937 г., книга его сказок вышла на тувинском языке в 1950 г., отдельные сказки издавались на алтайском языке с 1939 г., на хакасском языке они появились в 1956 г. Шел процесс накопления переведенных произведений и улучшения качества перевода.

Чаще всего переводились сказки Пушкина. Из произведений Лермонтова на языках народов Сибири вначале появились «Демон» и «Ашик Кериб». Его стихотворения и поэмы были изданы на бурятском языке в 1940, на якутском – 1941, на тувинском – в 1951, на хакасском – в 1956, на алтайском – в 1957 гг. Издание книг Некрасова, особенно поэмы «Мороз Красный нос», стихотворение «Генерал Топтыгин», началось на бурятском в 1946, на якутском – в 1947, на тувинском – в 1953, на хакасском – в 1956, на алтайском – в 1963 гг. Из других представителей многонациональной литературы следует отметить издание произведений Т. Шевченко на бурятском языке в 1938, на якутском – в 1951, на алтайском – в 1961, на тувинском – в 1964 гг.

О благотворном влиянии русских классиков на формирование идейно-эстетических вкусов, взглядов поэтов Сибири неоднократно говорили они сами. Так, в дневнике Н. Доможикова читаем «Сколько бы раз я ни брал Некрасова в руки, всегда получаю великое наслаждение. То он плачет, то он стонет, то он грозно пробирает вельмож всех

рангов, то поет так громко, что, кажется, весь мир умолк и слушает» [10]. Народный поэт Якутии Эллай писал: «Одним из поэтов, творчество которого стало для меня школой художественного слова, является Н. А. Некрасов. Я люблю широту жизни, народный и бунтарский дух его поэзии. Воспевая его дивной музой природа с ее выюгами, снегами и буранами близка к моей родной природе Якутии [11]. Тувинский поэт Л. Чадамба произведения Некрасова благоговейно называл «Заветной книгой» [12]. А народный писатель Тувы С. Сарыг-оол признается: «Я его без слез и глубокого волнения не могу читать. Странно даже: классик русской литературы, столетие – и какое столетие! – разделяет нас. И жизнь за это время неузнаваемо изменилась, и люди, как будто, совсем не те... А вот я его, через чтение, живым своим учителем считаю [13].

Можно привести не меньше теплых слов и в адрес гения Пушкина, но укажем только на особенность восприятия его творчества бурятскими и хакасскими читателями. Она связана с тем, что некоторые места Хакасии и Бурятии послужили ссылкой для декабристов, друзей Пушкина. И вполне естественно, что поэты этих мест с именем последнего не только связывают свое учение через освоение его литературного наследия, но и высказывают предположение о возможности контактов своих предков с декабристами. Например, И. Ж. Тумунов, обращаясь к Пушкину, пишет:

*А быть может, ваш друг Кюхельбекер
Под могучими соснами Пади
С вашим словом знакомил в том веке
Моего еще темного прадеда.
На Ононе, быть может, в изгнание.
Коченя от ветра и стужи,
Ваше, полное веры посланье,
Прочитал ему добрый Бестужев.*

(Пер. С. Шервинского)

Переводя произведения классиков русской поэзии, писатели Сибири совершенствовали свое мастерство, вносили в родной язык новые словосочетания афоризмы, добивались приближения к художественной форме оригинала, обогащали поэтику национальной литературы. Умение это приходило с трудом. Оно было вызвано не только отсутствием достаточного опыта в переводческом деле, но и национальным своеобразием языка, жизни и быта народов Сибири, отличающихся друг от друга систем стихосложения, изображаемой жизни русского и других народов. Приходилось даже в некоторых литературах поэтические произведения Пушкина переводить прозой, как было, например, на первых порах в тувинской, туркменской, узбекской и других литературах [14]. А когда С. Сюрюн-оол переводил «Кавказского пленника» Пушкина, то он должен был отказаться от точного перевода пушкинских строк:

*В ауле, на своих порогах,
Черкесы праздные сидят, –*

так как «согласно старому обычаю, память о котором еще и сейчас жива среди тувинского народа, сидеть на пороге юрты считается предосудительным» [15].

В других же случаях авторы переводов прибегали к помощи родного фольклора, как, например, А. Е. Кулаковский, осуществивший вольный перевод отрывка из «Демона» Лермонтова якутским народным стихом еще до 1917 г. Спустя полвека его опыт повторил хакасский поэт М. Чебодаев, который признается, что при переводе «Демона» его «основным помощником являлось устное народное творчество... в первую очередь богатырский эпос» [16].

Постепенно поэты Сибири стали не только адекватно передавать образы и идеи произведения, но и сохранять интонацию, даже размер, форму стиха. Таковы «Саша» (в переводе С. Сарыг-оола) и «Кому на Руси жить хорошо» (в переводе Ф. Софронова) Некрасова, «Евгений Онегин» Пушкина в переводе Джон Джангылы и др. Совершенно

прав Д. С. Куулар, констатирующий, что, переводя классиков русской поэзии, тувинские авторы учатся «строить многострочные строфы, добиваться благозвучия усеченных строк, сочетать сложные интонационные краски» [17].

Это можно было бы проиллюстрировать на многочисленных примерах из поэзии народов Сибири. Но, думается, достаточно сослаться на свидетельство Куулара, который считает, что в поэме «Чечек» С. Пюрбю чувствуется влияние бессмертного творения Пушкина «Евгений Онегин». Об этом говорят такие особенности, как попытка автора приблизить строфическое построение своего произведения к «онегинской строфе», манера обращения автора к читателю, использование приема умолчания, обозначение глав римскими цифрами [18]. Переводчик «Евгения Онегина» Джон Джангылы стал признанным мастером разработки рифм в якутской поэзии. Несомненно, под влиянием «онегинской строфы» создали свои строфы авторы романов в стихах «Солнечная гора» И. Гоголев и «Сыновья и невестки» Р. Багатайский.

Трудно переоценить также роль Советского правительства в организации переводов произведений детской литературы для народов Сибири. Ведь, по существу, своей детской литературы вплоть до 40-х годов они не имели, а поэтические произведения для детей были созданы лишь в 50-х годах. В этом явно проявились гуманизм и интернационализм ленинской национальной политики, умение ЦК партии и Советского правительства поставить дело воспитания гражданина с самого раннего возраста на уровень государственной политики.

Силами издательства национальных литератур в Москве в 1933-1934 гг. наряду с прозаическими произведениями были изданы на языках народов Сибири несколько книг А. Барто. Одна из них, «Братишки», была переведена на алтайский (1933), тувинский (1934), хакасский (1933) и якутский (1933) языки и напечатана офсетным способом в цвете.

Кроме того, в переводах А. Абагинского и его переложении были изданы книжки для детей дошкольного и младшего школьного возраста А. и П. Барто «Девочка чумакая» (1936), «Девочка-ревуша» (1936), О. Гурьян «Север» (1935), З. Александровой «Наши ясли», Н. Саконской «Четыре цвета» (1936). А в Улан-Удэ на бурятском языке появились книги С. Маршака «Книжка про книжки» (1936), В. Маяковского «Кем быть?», «Что такое хорошо и что такое плохо?» (1939). На алтайском языке увидел свет «Мистер Твистер» Маршака (1939). Все эти книги заложили фундамент национальной поэзии народов Сибири для детей, полностью влившись в состав местной литературы [19]. Они внесли в поэзию народов Сибири новые темы, обогатили познания детей, помогли воспитанию подрастающего поколения.

Дальнейшее развитие переводческого дела поэзии для детей в 50-60-е годы закрепило эти традиции и оказало исключительно благотворное влияние на формирование детской литературы в Якутии, Алтае, Хакасии, Туве и Бурятии. Особую популярность имели произведения для детей В. Маяковского, С. Маршака, А. Барто, С. Михалкова, К. Чуковского и др.

Огромной была роль творчества Горького и Маяковского в «становлении и развитии поэзии народов Сибири. Имя М. Горького было известно сибиряками с дореволюционного времени. С многими деятелями литературы и искусства Сибири он был знаком лично, с некоторыми его связывала долготелая дружба, запечатленная в переписке [20]. В 1912 г. он писал В. И. Анучину: «Не бывал я в Сибири, но много видел сибиряков – это особый народ – и несокрушимо верю, что он может сделать большую работу» [21]. Горький видел в Сибири составную часть России и был на стороне тех, кто боролся против областников, отрицательно относился к идее переселения крестьян в Сибирь, хотя и восхищался стоицизмом и выдержкой заселяющих Сибирь людей [22].

Творчество Горького было близко сибирякам своим прогрессивным направлением, любовью к простым людям, умением найти в них благородные, подлинно человеческие черты. Еще в 1909, 1913 гг. якутяне видели на своих самодеятельных сценах его пьесы

«На дне», «Дети солнца». И когда в 1917 г. произошла революция, первыми переведенными на якутский язык произведениями русской литературы оказались «Песня о Буревестнике» и «Песня о Соколе». Перевел их воспитанник Е. Ярославского П. Ойунский. Эти переводы стали первыми ласточками идейного единения якутской поэзии со всей советской литературой.

Влияние творчества Горького на литературу народов Сибири было многогранным, охватывающим все жанры поэзии, драматургии и прозы. В Хакасии в разное время были переведены «Макар Чудра», «Пепе», «Дед Архип и Ленька», «Васса Железнова», очерк «В. И. Ленин». В Туве на родном языке давно читают «Песню о Буревестнике», «Песня о Соколе», «Мать», «Сказки об Италии», очерк «В. И. Ленин» и другие произведения. В литературоведении стало общепринятой истиной признание влияния М. Горького на возникновение первых романов в тувинской (Салчак Тока. «Слово арата»), бурятской (Х. Намсараев. «На утренней заре») и якутской (Н. Мординов-Амма Аччыгыйа. «Весенняя пора») литературах.

Горький сыграл также решающую роль в развитии многонациональной литературы народов Советского Союза, в том числе и народов Сибири, своей огромной организационной деятельностью. Именно по его инициативе в 1928 г. было создано издательство национальных литератур, где издавались первые книги поэзии, прозы и драматургии якутской, хакасской и алтайской литератур. Кроме того, будучи редактором журналов «Колхозник», «Наши достижения», альманаха «Творчество народов СССР», Горький всячески содействовал публикации в них народных песен и сказаний, отдельных произведений многих национальностей.

В 1933 г. по предписанию М. Горького в Хакасии объявляется конкурс на лучшие художественные произведения, и туда приезжает комиссия во главе с одним из секретарей Союза писателей СССР, А. Беляевым. В итоге было собрано огромное количество стихов, 13 пьес, много рассказов и повестей, наиболее интересные из них в 1935 г. были изданы отдельной книгой [23].

Все это подкреплялось зачастую личными контактами писателя с представителями молодых литератур Сибири, с их общественными деятелями. При его непосредственной помощи выросли в крупных художников слова Вяч. Шишков, Вс. Иванов. Более десяти лет Горький был знаком с В. И. Анучиным, лично встречался и дружил с якутянином А. А. Семеновым, который в 1926 г. писал ему: «Наш дом служит своего рода посредником между Якутией и Вами» [24]. Семенов первым познакомил Горького с образцами переводов некоторых произведений П. Ойунского, А. Софронова и фольклора.

Основоположник бурятской советской литературы Х. Намсараев спустя несколько десятилетий писал: «Мудрые заветы Горького я запомнил на всю жизнь. После встречи с ним я с еще большим интересом начал изучать творчество писателя. Оно открывало передо мной новые горизонты, помогало расти как писателю, учило по-горьковски смотреть на жизнь» [25].

Эти два фактора, отмеченные старейшиной бурятской литературы, – активизация интереса к горьковскому творчеству, и учение не по отдельным художественным образам и приемам, а по целостному горьковскому видению мира, – были главным и для поэзии народов Сибири.

Глубокое, непреходящее влияние творчества М. Горького сказывается на произведениях поэтов Сибири по сегодняшний день. Партийность его творчества, огромная организационная работа, исключительное человеческое обаяние – все вместе создало тот всесильный фактор воздействия таланта Горького на все поколения поэтов и писателей нашей страны.

Взаимосвязи поэзии народов Сибири и русской советской поэзии, их закономерности, как в фокусе, отражены в процессе восприятия поэтами творчества В. Маяковского. Несмотря на кажущуюся несхожесть стиха Маяковского с традиционными формами

поэзии сибирских народов, оказалось возможным переводить его средствами национальной поэзии. В этом решающую роль сыграли идейное единство наций, доступность, ясность мысли Маяковского, духовное родство чувств и переживаний великого поэта и поэтов прогрессивного народа, тем более советского. И эта притягательная сила мощного таланта порождала желание услышать слова Маяковского на своем родном языке, донести их до каждого представителя своего народа. Оно было огромной побудительной силой, заставляющей местных переводчиков искать адекватные формы стиха, создавать новые рифмы, усиливать интонационную, смысловую роль слов, несущих главную идейную нагрузку произведения.

Народный поэт Якутии Элляй еще в 1927 г. увидел и услышал живого Маяковского, читавшего «Разговор поэта с фининспектором о поэзии» [26]. Как признает сам Элляй, он «с самого начала своей литературной деятельности испытал влияние поэзии Маяковского» [27]. Это явно видно из его статей «Любовь и ненависть Маяковского» [28], «Великий певец социализма» [29] и стихотворения «В. В. Маяковский». В одном из них он призывал учиться у Маяковского умению откликаться на злободневные вопросы жизни оперативно, быть беспредельно преданным борьбе за коммунизм и участвовать в ней, приравняв к штыку перо, неустанно создавать новые художественные формы, высоко держать славное имя советского поэта на фронте строительства социализма [30].

Примерно в эти же годы в Бурятии и несколько позже (в 40-50-е годы) в Туве и Горном Алтае начинают переводиться многие произведения Маяковского. По признанию критиков, Ц. Галсанову, О. Сувакпиту, М. Чебодаеву удалось, например, передать интонационный строй «Стихов о советском паспорте». Неизменной популярностью пользуются переводы поэм «Хорошо», «В. И. Ленин», «Во весь голос». Благодаря переводам эти народы Сибири непосредственно прикоснулись к таланту Маяковского, полюбили его и те, кто еще не знал русского языка [31]. Трудно переоценить роль поэзии Маяковского не только в интернациональном воспитании народов СССР, но и в быстром становлении их молодой поэзии. В 1934 г., отвечая на упреки в увлечении реформаторством, И. Д. Винокуров-Чагылган с трибуны Первой конференции якутских писателей сказал: «Да, действительно, меня привлекают зоркий глаз, сила мысли, огненные слова, яркие образы Маяковского и меня тянет к нему... думаю, неплохо было бы у него поучиться... Мы пойдем за Маяковским, и это внесет в нашу литературу свежую строку» [32].

В 30-е годы, действительно, многие поэты Сибири учились «зоркому глазу, силе мысли, огненным словам» Маяковского. Отдали они некоторую дань и увлечению формальным новаторством, словесным изыском, свойственным раннему Маяковскому. Это можно заметить в творчестве Чагылгана, А. Абагинского, впоследствии ставших авторами многих удачных переводов произведений поэта. Такое увлечение было свойственно одно время и тувинскому поэту О. Сувакпиту, начавшему свой творческий путь значительно позже, в 40-х годах [33].

Если в целом некоторые поэты Сибири научились у Маяковского новой поэтической интонации, яркой публицистичности (Элляй, А. Абагинский, Ц. Галсанов, С. Пюрбю), то было бы неправильно ограничивать влияние Маяковского лишь этим. Оно было намного шире. У тех же Элляя, А. Абагинского стихотворений, написанных лесенкой, совсем мало, но они всю жизнь были верны заветам великого поэта, накал гражданской лирики их произведений был всегда высок.

Эстафету учения у Маяковского продолжали и развивали такие поэты Сибири, как Л. Попов, Н. Дамдинов, М. Кенин-Лопсан, П. Самыков. Но каждый из них пришел к Маяковскому своим путем. У якутского поэта Попова мы почти не найдем интонационной переклички с поэзией Маяковского, нет даже упоминаний о нем как об учителе. Тем не менее, вся его поэзия пронизана публицистическим накалом, интернациональным духом, перенятыми у своего наставника – народного поэта Якутии

Элляя. Именно через учение у старшего поколения Попов как бы впитал основные творческие принципы Маяковского, хотя, конечно, он сам не менее знаком с его поэзией. То, что Попов говорит в то же время, обращаясь к имени Пушкина:

*Ты мой учитель в поэзии,
Благодарю, как отца родного!
В мыслях, чувствах и в жизни
Всегда со мной великий поэт, –*

не противоречит сказанному, так как творческая преемственность Маяковского у Пушкина общеизвестна. К тому же ни один современный поэт, наверное, не формируется под влиянием только одного поэта. А вот бурятский народный поэт, Лауреат литературной премии имени М. Горького Н. Дамдинов не раз признавался в учении у Маяковского, показывая глубокое понимание его поэзии [34]. У других же мы можем уловить отдельные отклики на произведения Маяковского, узнать схожую интонацию, стиль [35]. Поэтическое слово Маяковского звучит на всех языках народов Сибири и не только учит активной гражданской позиции каждого творческого работника, читателя, но и продолжает быть школой мастерства.

Как уже отмечалось, с первых шагов своего становления поэзия Сибири в силу идейно-эстетической необходимости и непреодолимого желания общаться со всей мировой культурой человечества обогащалась передовыми традициями зарубежных поэтов. В довоенный период эта связь в якутской поэзии особенно ярко отражена переводами многих произведений Ш. Петефи и А. Мицкевича, изданных впоследствии отдельными книгами [36]. Стихотворения этих поэтов по идейному содержанию, художественному мастерству перекликались с уже сформировавшимися основными направлениями якутской поэзии. Якутская любовная лирика, представленная в конце 30-х годов прежде всего именами П. Туласынова, Чагылгана, А. Абагинского, К. Урастырова, продолжала интенсивные поиски тем, сюжетов. В связи с этим лирика Петефи, предельно искренняя полная жизнелюбия и оптимизма, не могла не притягивать к себе внимания якутских поэтов. Ведь именно он был «одним из глашатаев расцвета поэзии с неизвестной до того всепоглощающей стихией лиризма» [37]. Но объяснить только этим интерес к его творчеству в якутской поэзии, поэзии Сибири в целом, недостаточно.

В предвоенные годы Петефи привлекая внимания в первую очередь тем, что он «придал революции в поэзии новую функцию и новое содержание, другими словами – превратил революцию в поэзию революции» [38]. Не могла не заинтересовать и жизнь поэта, которая «утверждала новый исторический прецедент поведения художника, гражданского служения искусством народу» [39].

Об интересе к Петефи говорит сам отбор его произведений, начатый со стихотворения «На виселицу королей!» (пер. П. Ойунского). А в изданной перед самой войной книге поэта («Стихи») заговорили по-якутски его пламенные строки, обращенные к клинку:

*А с врагом сразиться
Родина прикажет, –
Кто тогда на пояс
Мне тебя привяжет?
Не жена ли скажет,
Расставаясь с нами:
«Будьте боевыми
Верными друзьями!»*
(«Жена и клинок». Пер. Л. Мартынова
Пер. на якут. яз. Чагылгана)

Они как нельзя лучше передавали новое отношение к любви, помогавшей лирическому герою совершить подвиг во имя Родины, народа. Отвечали времени и другие стихи Петефи (пер. Чагылгана) – о месте поэта в борьбе за свободу:

*И громом полюсы вселенной
С их вековой оси сорвет,
И в битву ринутся стихии,
Ниспровергая небосвод,
И по залитым кровью струнам,
Последний возвещая бой,
Я в исступлении ударю
Окровавленную рукой.*

(«Ты задрожал, о образ презренный...»

Пер. на русский яз. В. Ленина)

Нет сомнений в том, что творения венгерского поэта стали частицей в огромной работе идеологического воспитания якутского читателя в предвоенные годы и сослужили добрую службу. Верно пишет об этом С. Данилов: «Вот так бывает с произведениями писателя, боровшегося за счастье трудового народа, распространению которых не могут помешать ни языковое различие, ни всепоглощающий туман столетий» [40].

К творчеству А. Мицкевича якутские поэты обратились чуть позже, а его основные произведения появились на якутском языке в «Избранных произведениях» (1956). Помимо протеста против самодержавия и польской аристократии, творчество друга Пушкина привлекало якутских поэтов принципиально новым подходом к устному творчеству своего народа, жанровой новизной. Переводчиками произведений А. Мицкевича были поэты Сем. Данилов, М. Ефимов, И. Гоголев, а знаменитая поэма «Конрад Валленрод», привлекая в свое время внимание Пушкина и переведенная прозой С. П. Шевыревым, на якутский язык переложил поэт С. Саввин, один из опытных переводчиков. Баллады, романсы, сонеты А. Мицкевича, включенные в его «Избранные произведения», были новыми формами, осваиваемыми якутскими поэтами. Правда, до этого они встречались у Чагылгана, но были пока лишь пробой пера.

Не случайно автором перевода баллад «Свитязь», «Свитязянка», «Рыбка», «Вот это я люблю», являющихся или переделкой польских народных песен, или же основанных на народных мотивах, был И. Гоголев, создавший впоследствии замечательный цикл «Легенды Лены», навеянный древними преданиями. Исследователь творчества А. Мицкевича, характеризуя баллады «Свитязь» и «Свитязянка», подчеркивает именно их народность, то, что эти стихи пронизаны «чарующей фантастикой, которую поэт почерпнул из устного творчества, из рассказов крестьян о русалках – свитязянках [41].

Глубоко поучительными были народная символика образов «Конрада Валленрода», интонационное богатство и его повествовательного описания, и лирической песни, и религиозного гимна, и драматического монолога, и баллады и т.д. По мнению С. Советова, благодаря этой особенности поэмы и была «новым словом в польской и даже шире – в мировой поэзии. Это была своего рода «патетическая симфония» в поэзии» [42]. Если учесть, что в жанре якутской поэмы того времени в основном преобладало повествование в стихах, притом с начала до конца в одной интонации, нетрудно представить как свежо и ярко читается «Конрад Валленрод» на якутском языке. Закономерно предположить, что поиски М. Ефимова, И. Гоголева, Сем. Данилова и др. в области ритмики якутской поэзии, ее интонационного строя, использование разных стилей не в последнюю очередь связаны и с именем Мицкевича.

Мировая поэзия, представленная лучшими ее представителями, прогрессивными деятелями литературы и искусства, – это одна из великих школ якутской поэзии. Естественно, что характер учения и круг интересов в силу исторических условий менялся.

Всесторонняя поддержка Советским Союзом движения стран Азии и Африки вызвала к жизни сборник «Голоса Азии, Африки» (1958), в котором представлены на якутском языке произведения 55 писателей из 22 стран. Среди них имена Назыма Хикмета, Фаиза Ахмеда Фаиза и др.

Установление тесных связей Якутии с двумя аймаками Монгольской Народной Республики ускорило появление книги «Песни монгола» (1965), где переведены произведения 24 писателей Монголии.

В предисловии к ней народный поэт Якутии Сем. Данилов писал: «Исторические судьбы монгольского народа сходны с судьбой нашего родного якутского народа. В укладе жизни, наших традициях, восходящих корнями вглубь нескольких веков, в народных произведениях, культуре есть много сходства» [43]. Так стало частицей духовного богатства якутов творчество выдающихся монгольских поэтов и писателей Д. Нацагдоржа, Ц. Дамдинсурена, Ц. Цэвэгмиды и др. Но следует отметить, что прямые контакты и связи тувинской и бурятской поэзии с монгольской намного шире. Это обусловлено не только географическим положением, но и общегенетическими связями, имеющими многовековую историю.

На тувинскую поэзию монгольская поэзия влияла своеобразным путем, особенно в годы становления национальной литературы, когда на монгольские мелодии сочинялись тувинские песни. Были и устные переводы с сохранением темы, количества слогов, но текстуально другие [44]. В бурятской поэзии особенно часты переводы из монгольской, а в Монголии – переводы из бурятской поэзии на монгольский язык. Решающую роль в этом сыграло идейное единство обоих народов, их взаимное уважение к национальным традициям, желание обогатить свою литературу фактами родственной литературы, которому значительно способствует языковое родство [45].

В 60-е годы, время расцвета лирики в якутской поэзии, выбор поэтов из мировой литературы несколько изменился. Писатели стали интересоваться произведениями, в которых раскрыт характер лирического героя, его сокровенные думы, желания, наполненные философской глубиной мысли о любви, о жизни. Характерным явлением этой тенденции следует считать переводы 154 сонетов Шекспира С. Руфовым [46].

Классические образцы сонетов, созданные гением Шекспира, – о смысле жизни, о необходимости продолжения жизни в детях, о муках любви, верности, о силе любви – ставят общечеловеческие проблемы, вводят «нас в самую прекрасную область жизни – в мир духовной красоты человека» [47] и тем ценные для любого народа. Кроме того, сонеты Шекспира, созданные по правилам, отличным от итальянских, насыщенные образами, метафорами, явились для переводчика своеобразной школой художественного мастерства. Естественно, ему пришлось прибегнуть к средствам звуковой организации своего языка: для большей гармонии Руфов объединил строки сонета попарно единоначатием, разделил их на три четверостишия и заключительное двустилие. Шекспировскую форму сонета переводчик подчиняет законам гармонии своего языка и этим достигает положительного эффекта, одновременно обогащая свое, национальное стихосложение. Руфов средствами якутского стиха сумел передать определенный, сонетный порядок рифмовки, и это способствовало обогащению его поэзии дополнительными, ранее не использованными видами рифмы [48]. Здесь как бы продолжается цепная реакция заимствования художественных достижений зарубежной поэзии при посредстве русского языка.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что многоязычная поэзия Сибири через русский язык впитывает в себя все то ценное, приемлемое, что есть в произведениях мировой поэзии. И таким образом она включается в русло общечеловеческого художественно-литературного развития.

Великая Отечественная война стала фактором духовного, идейного соединения советских народов. Огромные испытания, выпавшие на долю целого поколения,

продемонстрировали перед всем миром крепость дружбы народов СССР, верность идеям социализма. Сибирь встала на защиту Родины наравне со всеми. Хотя линия фронта была географически далека, она, по образному выражению поэта, проходила по сердцу каждого советского человека. Война еще крепче сплотила советскую семью народов. Тысячи сыновей и дочерей хакасов, алтайцев, бурят, якутов, тувинцев сражались на разных фронтах. Их объединяли зачастую принадлежность к Сибири, и они с гордостью называли себя сибиряками. Хакасский поэт так и назвал одно из лучших своих стихотворений – «Сибиряки, вперед!». Среди фронтовиков было много писателей, поэтов. На фронт шли эшелоны с личными подарками трудящихся Сибири: теплой одеждой, продуктами, добытой сверх плана рыбой, мясом. Трудовой героизм советского народа в тылу был равен подвигу на фронте.

Выдержавшая испытания войной и трудом во имя победы дружба между народами еще более окрепла в послевоенные годы восстановления разрушенного народного хозяйства. Тесная экономическая взаимосвязь, сходные социальные процессы и идейное единство народов СССР ярко отразились на характере взаимосвязей и взаимовлияния их культур и литературы в 60-70-е годы, которые ознаменовались бурным развитием контактов. Преодолевавшие материальные трудности жизни народы как бы стремились быстрее познать друг друга, мечтавшего еще с дореволюционных времен об изучении литератур всех национальностей представителями других наций, начали активно выполняться. Н. Зелинский, начавший одним из первых разработку проблем творческих взаимосвязей литератур народов СССР, писал: «Мы вступаем в век, когда творческое взаимодействие и взаимообогащение национальных литератур становятся живым, реальным выражением дружбы народов и братского единства в битве за новое коммунистическое человечество [49].

Для поэзии народов Сибири это «живое, реальное выражение дружбы народов» получило воплощение в личных контактах писателей, поэтов разных наций, благодаря многочисленным встречам на декадах, вечерах литератур Якутии, Бурятии, Хакасии, Горного Алтая, а также семинарах, совещаниях, совместной учебе на высших литературных курсах, в Литературном институте им. А. М. Горького.

Поэтому взаимные переводы как активная форма взаимного изучения, взаимообогащения литератур особенно ускорились в 60-70-е годы. Все эти встречи, мероприятия традиционно сопровождались последующим увеличением числа переведенных произведений. Кроме того, они стимулировали рождение очерков, стихотворений, посвященных изображению жизни другого народа. Начиналось более глубокое постижение национальных особенностей быта, психологии, души людей, ставших объектами изображения. Более близкое знакомство с творчеством друг друга представителей разных наций и народов приводило к усилению «стимулирующего воздействия одной литературы на развитие другой», порождало более частые «отклики на темы, поднятые одной национальной литературой, в другой» [50]. Установление приоритета представителей какой-либо поэзии в том или ином новшестве, теме, художественном приеме, образе зачастую бывает трудным и требующим максимального такта, чуткости. Если в поэзии нет ярких величин масштаба Р. Гамзатова, К. Кулиева, М. Карима, Н. Дамдинова, Сем. Данилова и др., то трудно найти определенный ориентир.

В поэзии народов Сибири, находящихся в общей географической зоне, прошедших сходные общественные и литературные пути развития, поэты во многих случаях почти одновременно поднимают общие для всей Сибири проблемы. Потому рискованно было бы заявлять о каком-либо превосходстве одной поэзии над другой. Тем более, что современная компаративистика не без оснований выделяет в типологическом изучении даже «сходство творческой психологии у писателей разных народов, родство их психологических натур» [51]. В этом плане мы выше приводили характеристику общих особенностей поэтических приемов И. Гоголева, Д. Улзытуева, Б. Укачина, Э. Палкина

и др., возникших на основе общности фольклорных традиций и «сходства творчества психологии», усиленных влиянием русской советской поэзии.

Характерной особенностью поэзии народов Сибири 60-70-х годов является издание отдельных книг поэтов других наций, более полно представляющих их творчество на языке коренных народов Сибири. Особенной популярностью пользовались книги Мусы Джалиля (на якутском, алтайском, хакасском языках), казахского акына Джамбула, С. Михалкова (на алтайском, бурятском, тувинском, якутском языках), книги С. Маршака и др.

Большое внимание переводу уделяли в этот период якутские поэты. Во многих случаях инициатором таких изданий, автором предисловий, послесловий, составителем был лауреат Государственной премии РСФСР им. М. Горького поэт Сем. Данилов. Якутский народ получил возможность читать на своем родном языке книги К. Хетагурова «Фатима» (1961), Мусы Джалиля «Моабитская тетрадь» (1963) с послесловием Сем. Данилова, «Избранные песни» Токтогула (1964) с его же предисловием, «Сказки» Г. Тукая (1968), «Знакомьтесь» Заки Нури (1964) в переводах Сем. Данилова, «Высокие звезды» Р. Гамзатова (1969) с послесловием Сем. Данилова, книги С. Вацетиса в переводе Сем. Данилова (1973), С. Есенина в переводах П. Тобурокова, В. Чиряева (1974, 1975), «Разговор рек» М. Карима (1977), «Книгу земли» К. Кулиева (1980) с послесловием Сем. Данилова и мн. др.

Сем. Данилов был вдохновителем и душой издания многих сборников, посвященных разным народам («Заря Ала-тоо – 1967, «Песни Тувы – 1969, «Огненный чэчэк» – 1971, «С берегов Агидели» – 1974 и т. д.). Поистине удивительно много сделано им и его многочисленными товарищами по Союзу, чтобы донести на якутском языке чувство семьи единой, чувство духовного братства со всеми народами страны. Политическое, идейно-воспитательное значение этой работы якутских поэтов трудно переоценить, потому что они руководствовались интернациональным чувством, сознанием того, что «взаимообмен переводами лучших произведений разных литератур значительно обогащает литературу каждого из этих народов, расширяет их возможности» [52].

Все это нередко не только вызывало ответные дружеские чувства к переводчикам, но и обуславливало более углубленный интерес к Якутии, к ее людям, к Сибири вообще. Так появились «Подарок друга» лакса Ю. Хашгаева, «Другу якуту» татарина М. Львова, «Сыграем на хомусе, якутский друг» тувинца С. Сюрюн-оол, «Костер, зажженный Ойунским» башкира Р. Хакимова», «Девушка-якутка» киргиза С. Салыкбаева и т. д. В этих произведениях якутский читатель находил много общего со своей литературой, фольклором и принимал как явление не только поэзии другой нации, но и всей советской культуры.

Как показывают приведенные примеры, во взаимоотношениях литератур, поэзии народов нашей страны преобладают прогрессивные влияния друг на друга, «типологически сходные тенденции и факты параллельного развития» [53]. В поэзии Сибири при едином творческом подходе они создают практически неограниченные возможности духовными ценностями.

В этом одна из причин того, что даже вступившие в литературу в 50-60-х годах поэты народов Севера (эвены, эвенки, юкагиры) «в короткие исторические сроки... достигают такой художественной зрелости и глубины художественного познания, что становится подчас незаметным отсутствие у них классических письменных традиций» [54]. Например, таковы судьбы поэтического становления эвенского поэта В. Лебедева, юкагирского поэта и прозаика Улуро Адо-Г. Н. Курилова. У этих народов не было классических письменных традиций. До Г. Н. Курилова были известны прозаические произведения Тэки Одулока, Сем. Курилова. А поэтов не было. Г. Н. Курилов начал печататься с 1962 г., первая его поэтическая книга появилась в 1969 г. Теперь это уже

зрелый мастер слова, самобытный поэт. У В. Лебедева предшественниками были поэт и прозаик Н. Тарабукин, поэт П. Ламутский. Сам он начал печататься с 1953 г.

Так, практически за считанные годы на наших глазах возникла поэзия этих народов. Представители их, высокообразованные люди, оба кандидаты наук, учились на традициях русской и мировой поэзии, перенимали опыт якутских поэтов. Говоря о взаимосвязях якутской поэзии с поэзией народов Крайнего Севера – юкагирской, эвенской, эвенкийской, нельзя ставить вопрос так, будто только они учились у братской литературы. Творческая совместная работа якутских поэтов над переводами стихов товарищей по перу учением для обеих сторон.

Тема Крайнего Севера в якутскую поэзию вошла заметной струей только в 50-60-е годы. До этого лишь цикл стихов Чагылгана, перевод А. Абагинского с русского о жизни детей Севера. Своеобразное освоение нового жизненного пласта, быта и характеров людей этого региона в творчестве Дж. Джанглы, М. Ефимова, А. Бэрияка, И. Гоголева и др. произошло не без помощи поэтов и писателей из среды местных национальностей.

Итак, поэзия народов Сибири впитывает в себя все лучшее из поэзии народов как своей страны, так и всего мира. Об этом говорит то, что по далеко не полным данным Якутской республиканской библиотеки имени А. С. Пушкина на якутский язык переведены поэтические произведения 32 национальностей СССР и 42 наций зарубежных стран. Об этом говорили и сами поэты во время нашего интервьюирования. Например, тувинская поэтесса Е. Танова считает, что она многому научилась у Пушкина, Некрасова, Лермонтова, увлекалась поэзией А. Вознесенского, Е. Евтушенко. Бурятский поэт С. Ангабаев любит поэзию Блока, Твардовского, дружит с хакасскими поэтами Чебодаевым, Кильчицаковым, алтайцами Л. Кокишевым, Б. Укачиным, знает творчество И. Гоголева, Дж. Джанглы из Якутии, учился в Москве вместе с алтайским поэтом Эркэмэном. Тувинский поэт Ю. Кюнзегеш переводил стихи Д. Байрона, П. Неруди, Д. Нацагдоржа, Ц. Дамдин-сурена, Б. Явуухулана, постоянно переписывается с С. Баруздиным, знаком с поэзией Сем. Данилова, М. Ефимова, И. Гоголева, Л. Кокишева, Б. Укачина, Н. Дамдинова, Д. Улзытуева, Д. Жалсараева, М. Баинова, М. Кильчицакова. Этот перечень можно бесконечно продолжать, так как при современных средствах информации, путей сообщения любой поэт Сибири связан невидимыми тысячами нитей общения, духовного родства со многими поэтами.

Несколько слов необходимо сказать и о том, что дает поэзия Сибири другим литературам. Эта тема требует самостоятельного исследования, к тому же об обогащении русской литературы и литератур других национальностей поэзией народов Сибири тактичнее было бы писать представителям воспринимающих национальных литератур. Поэтому мы ограничимся указанием общих, принципиальных черт этого процесса.

Во-первых, перевод отдельных произведений на языки других народов означает соприкосновение национальной поэтики переводимой литературы с поэтикой воспринимающей литературы. Вполне естественно, что у русской советской поэзии на данном этапе значительно богаче палитра красок, образов, интонаций, чем шестьдесят лет тому назад, так как поэты, занимающиеся переводами, вольно или невольно впитывают в себя образную систему, интонационный строй произведений самого переводчика. Например, С. Кузнецова, отвечая на вопросы корреспондента газеты «Социалистическая Якутия», чем привлекают ее как переводчицу произведения якутских поэтов, написала: «Импонирует особая напевная тональность, идущая от фольклора, как у П. Тобурокова, яркая колоритность, метафоричность, как у Н. Рыкунова... Переводы с якутского, унося меня вновь в края предков (я самая коренная сибирячка), доставляли мне много радости, открывали какие-то доселе неведомые горизонты» [55].

Видимо, подобное чувство возникает у каждого переводчика поэтических произведений с хакасского, алтайского, тувинского, бурятского. Напомню лишь, что

настоящую известность Д. Улзытуев получил благодаря переводам Е. Евтушенко, Сем. Данилов – М. Львова. А переводчик эпоса К. Урастырова «Могучий Дьагарыма» А. Романов считает, что без этого произведения «наша литература была бы беднее» [56]. Видимо, точно так же были полезны переводы книг «Чуткий и меткий» М. Ефимова на тувинский, «Мой смелый друг» и «Северное сияние» Сем. Данилова на казахский, его же книг «Белый конь Манчары», «Заяц с ружьем» на тувинский, а «Якутские напевы» на киргизский языки. Переводы же отдельных произведений трудно перечислить. Произведения многих поэтов Сибири сейчас читают на десятках языков народов Советского Союза, зарубежных стран.

Это взаимовлияние усиливается фактором личности самих авторов в процессах непосредственного общения друг с другом, в том числе и с их зарубежными коллегами. Они при наличии соответствующей идейно-эстетической предпосылки значительно ускоряют восприятие достижений поэзии народов СССР нациями других стран. Например, алтайские поэты побывали на Кубе, в Эфиопии, Польше, Венгрии, Монголии, Японии, ряде стран Юго-Восточной Азии [57]. Писатели Тувы, Бурятии тесно связаны с монгольскими коллегами. С. Баруздин пишет, что в поездках в Чехословакию, Индию, ФРГ его не раз спрашивали о произведениях Сем. Данилова, читали на своем языке переводы его стихотворений [58]. Все это говорит о том, что поэзия народов Сибири через посредство русского языка стала фактом, частицей мировой поэзии.

Во-вторых, литературное влияние осуществляется и через изображение жизни, быта, характера, культуры народов Сибири в творчестве многонациональных авторов Союза зарубежных писателей. Правда, в современной теории сравнительного литературоведения существует два разных мнения по этому вопросу. Д. Дюришин предлагает «четкое разграничение произведений с инонациональной тематикой – в одних нет и следа межлитературной связи, в других же нашли отражение инонациональные литературные стимулы» [59]. Возражая ему, Н. Бассель поддерживает мнение К. Зелинского [60], который писал: «Говоря о влиянии русских писателей на другие национальные литературы, нельзя сводить это влияние к узколитературному, эстетическому воздействию, нельзя противопоставлять друг другу жизненное и эстетическое воздействие. Совершенно также следует видеть сложность воздействия инонациональной жизни и литературы на русских советских писателей. С общеисторической точки зрения важны все воздействия и многочисленного народа с древними литературными традициями, и совсем малого народа со своим фольклором [61].

В пользу этого мнения говорит и общетеоретическое положение академика М. Б. Храпченко о взаимосвязи стиля писателя и объекта изображения [62]. Это подтверждается и практикой современной русской поэзии, представленной якутским циклом стихов Н. Глазкова, А. Вознесенского, Е. Евтушенко, М. Львова и многих других поэтов, прозаиков, в которых авторы, вводя в свои произведения инонациональную действительность Сибири, находят свежие, ранее ими не примененные сравнения, образы, приобретают новые интонации поэтического голоса. Иначе говоря, происходит процесс интернационализации советской поэзии.

В целом же взаимосвязь и взаимовлияние очень сложные явления, и порой очень трудно обозначить их четкие границы «от сих» «до сих». Потому что, как отмечал еще Ю. Тынянов, могут быть «глубокие психологические и бытовые личные влияния, которые никак не отражаются в литературном плане», влияния, не имеющие принципиального значения, и отсутствие влияния при наличии внешних данных об этом [63].

Из вышеприведенных примеров следует сделать вывод, что при всей исторической изменчивости характера взаимосвязей и взаимовлияний они были огромным фактором ускоренного развития литератур, поэзии народов Сибири. Общие, сходные пути общественно-политического развития Алтая, Якутии, Бурятии, Хакасии обусловили

появление типологических общих черт, иногда появлявшихся почти одновременно. Основные этапы изменения характера, восприятие передовых традиций русской классической, советской поэзии, мировой литературы повторялись с некоторым временным разрывом и в истории тувинской поэзии.

Литература и примечание

1. См.: Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. – Москва; Ленинград, 1949. – С. 523-524. Гончаров И. А. Фрегат «Паллада», – Москва, 1959. – С. 294, 297, 330. Путевые записи преосвященного архиепископа Нила. – Ярославль, 1874. – С. 306. и др., Убрятова Е.И. Очерки истории изучения якутского языка. – Якутск, 1945. – С. 5-6, Слепцов П. А. Некоторые условия заимствования русских слов в якутском языке дореволюционного периода // Сибирский тюркологический сборник: сб. науч. тр. – Новосибирск, 1976. – С. 163. и др.

2. Например, корреспондент “Восточного обозрения” в 1886 г. в заметке “Русские поселения в – Якутской области” писал: “Иногда дамы спюют русскую песню, но на якутском языке:

Тегебат, угубат,
Томорон ардах тыстыа.
Джярбай, джярбай хара хастах,
Мин дие га тирердем... и т.д.

Эти слова составляют буквальный перевод песни: “И шумит и гудит, дробен дождик идет” (№ 20, с. 11). Автор заметки неверно цитирует: песня начинается словами: “Не шумит, не гудит, дробен дождичек идет...” и является украинской народной песней.

3. См.: Канаев Н. П. Русско-якутские литературные связи. – Москва, 1965. – 213 с.

4. В прозе, драматургии якутские писатели учились на творчестве А. Толстого, А. Чехова, А. Островского, Н. Гоголя и др.

5. Жирмунский В. М. Проблемы сравнительно-исторического изучения литературы // Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур: материалы дискуссии 11-15 января 1960 г. – Москва, 1961. – С. 59.

6. Из данного перевода видно, что П. А. Ойунский не ставил целью точно воссоздать содержание оригинала, а по-своему использовал основные мотивы строф. Но первая и вторая строфы переданы, к сожалению, неудачно. Так, в переводе с якутского начало строфы, звучит так:

Наш Ламбер расстрелян,
Наш Татут повешен,
Жертвы множатся
К твоей печали...
Что же остановил тебя,
Стоишь, мой народ!
Как известно Ш. Петефи, наоборот, приветствует смерть врагов венгерского народа и призывает:
Но мало двух голов! Смелей, друзья, смелей!
Эта строка П.А. Ойунским не переведена.

7. Ломидзе Г. И. Единство и многообразие. – Москва, 1960. – С. 187.

8. Там же.

9. Это видимо, одна из отличительных черт якутской поэзии, в которой интимная лирика утвердилась раньше, чем в поэзии других народов Сибири. Бурятские литературоведы, например, считают, что выражение личных чувств и переживаний стало в бурятской поэзии закономерным явлением лишь в 50-е годы.

10. Кирбижекова У. Н. Тема дружбы народов в хакасской поэзии // 250 лет вместе с великим русским народом. – Абакан, 1959. – С. 225.

11. Кулачиков-Эллай С. Воспитательная роль поэзии Н. А. Некрасова // Полярная звезда. – 1946. - № 17/18. – С. 40. На якут. яз. См. также: Н. А. Некрасов и якутская литература // Кыым. – 1953. – 7 янв. На якут.яз.

12. Чадамба Л. Заветная книга // Тувинская правда. – 1971. – 10 декабря.

13. Сарыг-оол С. Он стоит рядом... // Там же.
14. Куулар Д. С. Эпическая поэзия А. С. Пушкина на тувинском языке // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. – 1960. – Вып. 8. – С. 230.
15. Гребнев Л. В. О переводах поэзии А.С. Пушкина на тувинский язык // Улуг-Хем. – 1956. – № 3. – С. 176. Здесь же автор приводит примеры явных ошибок в переводах. Тот же С. Сюрюн-оол, в частности, пушкинские слова “люблю... твоих оград узор чугунный” перевел на тувинский так: “... люблю твои крепко сделанные заборы” (Там же. С. 175).
16. Чебодаев М. “Демон” на хакасском языке // Сов. Хакасия. – 1964. – 15 октября.
17. Куулар Д. Его переводчики – его ученики // Тувинская правда. – 1971. – 10 декабря.
18. Куулар Д. Тувинская поэзия: Очерк истории. – Кызыл, 1970. – С. 39
19. По данным А. Е. Захаровой, Детиздат ЦК ВЛКСМ в течение 1933-1940 гг. выпустил 80 красочно оформленных книг для детей на якутском языке (см.: Захарова А. Е. Якутская советская детская книга: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ленинград, 1977. – С. 10). Исследовательница точно подметила эту особенность формирования детской литературы в Якутии – “преобладание переводной книги над оригинальной в национальном репертуаре детской книги в первые периоды ее развития” вышло оригинальных книг 46 названий, а переводных – 123 названия (Там же). По нашим наблюдениям, это характерно для формирования детской литературы всех народов Сибири.
20. Горький и Сибирь: Письма, воспоминания. – Новосибирск, 1961. – 461 с.
21. Там же. С. 63
22. Там же. С. 16, 381.
23. Трояков П. А. А. М. Горький и хакасская литература // Горький и литература народов Советского Союза. – Ереван, 1970. – С. 565-567.
24. Горький и Сибирь. С. 258.
25. Там же. С. 185-189.
26. Кулачиков-Эллий С. Его имя бессмертно // Соц. Якутия. – 1955. – 14 апреля.
27. Там же.
28. Соц. Якутия. – 1938. – 26 апреля.
29. Кыым. – 1939. – 14 апреля. На якут. яз.
30. Там же.
31. О том, каким успехом пользуются произведения В. Маяковского среди простых тружеников Бурятии, писал С. Урбхеев в статье “О переводах Маяковского на бурят-монгольский язык”. См.: Бурят-Монг. правда. – 1953. – 18 авг.
32. Винокуров И. Д. Что я жду от предстоящей конференции писателей // Молодой большевик. – 1934. – 12 декабря. На якут.яз.
33. Кюнзегеш Ю. Ш. О книге и мастерстве поэта // Улуг-Хем. – 1956. - № 3. – С. 181-190.
34. Например, первый раздел его статьи “Учиться у мастеров!” назван “Урок Маяковского”. В нем Н. Дамдинов дает истинно поэтический разбор поэмы “Про это”, тонко подмечая новые черты бурятской поэзии, и вслед за любимым поэтом призывает: “В нашем социалистическом обществе верность поэзии означает верность народу. Жизнь, целиком отданная горению во имя поэзии, это горение во имя высших идеалов нашего народа” (Свет над Байкалом. – 1958. – № 2. – С. 151). Некоторые критики уже во многих стихотворениях первого сборника Н. Дамдинов “Баргузин” (на бурят. яз.). уловили влияние поэзии Маяковского, но в то же время указали на чисто внешнее подражание (см, в частности: Очиров Н. Свежий голос // Свет над Байкалом. – 1955. -№ 4. – С. 137-141).
35. Кюнзегеш Ю. Маяковский и тувинская поэзия // Тувинская правда. – 1963. – 19 июля. По его мнению, “почти все тувинские поэты учились у Маяковского, испытали на себе мощное влияние его боевой, проникнутой революционным пафосом поэзии”, которая была знакома тувинскому народу еще до создания национальной письменности.
36. Петефи Ш. Стихи. – Якутск, 1940. – 64 с. На якут. яз.; Мицкевич А. Избранные произведения. – Якутск, 1956. – 144 с. На якут.яз.
37. Шетер И. Петефи и мировая поэзия // Петефи в мировой культуре. – Москва, 1975. – С. 13.

38. Там же. С. 19.
39. Марков Д. Ф. Слово о поэте // Там же. С. 8.
40. Данилов Софр. Писатели и книги: Статьи и заметки о литературе. – Якутск, 1980. – С. 26. Статья “Великий гражданин Венгрии” написана им в 1949 г. На якут.яз.
41. Советов С. С. Адам Мицкевич. – Ленинград, 1956. – С. 52-53.
42. Там же. С. 141.
43. Песни Монгола. – Якутск, 1965. – С. 4.
44. По материалам интервью с рядом тувинских и бурятских поэтов. Материалы хранятся у автора.
45. Там же.
46. См.: Шекспир В. Сонеты // пер. С. Руфова с русского текста С. Маршака. – Якутск, 1966. – 178 с. На якут. яз.
47. Аникст А. Лирика Шекспира // Вильям Шекспир. Сонеты. – Москва, 1965. – С. 210.
48. С. Руфов в большинстве случаев пользуется точным созвучием последних слогов, иногда прибегая к сходству гласных впереди стоящих одного-двух, порой даже трех слогов. Развивая традицию своих предшественников, переводчик включает в состав рифмующихся слов самые различные части, что безусловно придает стиху новизну. Например, в сонете – № 85 С. Руфов рифмует: эргийэ көтөр – төбөбөр, дорҕоонноро – оноро, көмөтүнэн – илиитинэн, тиййэр – эбэргэр, киирэр – кэбиспиттэр, буоллун – дьоҕурбун, бүппэт – кэлбэт. К сожалению, в некоторых местах С. Руфов упрощает образность языка сонетов, любовно сохраненную С. Маршаком. В этом же сонете заключительное двуступище переведено С. Руфовым так:
Тот поэт беспрестанно о тебе поет,
И потому у меня вдохновенья нет, –
вместо :
Но если ты с его не сходишь уст, –
Мой стих, как дом, стоит открыт и пуст.
49. Зелинский К. Литературы народов СССР. – Москва, 1957. – С. 7.
50. Бассель Н. Некоторые методологические аспекты сравнительного изучения литератур // Изв. АН ЭССР. Общественные науки. – 1972. – Т. 21. – №. – С. 185-201.
51. Там же. С. 189.
52. Данилов С. Дружба литератур – дружба народов // Дружья-певцы. – Якутск, 1963. – С. 3. В книге представлены переводы стихов 25 поэтов разных национальностей.
53. Жирмунский В. М. Указ. соч. С. 65-66.
54. Ломидзе Г. И. Проблемы творческого взаимодействия литератур народов СССР // Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур. – Москва, 1961. С. 139.
55. Соц. Якутия. – 1982. – 5 декабря.
56. Там же.
57. Бедуров Б. Светлая песня // Алтайская правда. – 1982. – 17 декабря.
58. Баруздин С. Щедрое народное наследство // Дружба народов. – 1981. – № 7. – С. 423. Ранее о переводах произведений народного поэта Якутии Эллы на китайский, французский, арабский, немецкий, итальянский, польский, английский и другие языки писал Л. Попов. См.: Соц. Якутия. – 1964. – 29 ноября.
59. Дюришкин Д. Теория сравнительного изучения литературы / Пер. со словацкого И. А. Богдановой. – Москва, 1979. – С. 199.
60. Бассель Н. Указ. соч. С. 188. Обстоятельный анализ труда Д. Дюришина см.: Кравцов Н. И. Проблемы сравнительного изучения славянских литератур. – Москва, 1973. – С. 62-66; Богданов Ю. Опыт теоретической систематизации сравнительного изучения литературы // Дюришкин Д. Указ. соч. С. 5-19.
61. Зелинский К. Октябрь и национальные литературы. – Москва, 1967. – С. 243. (выделено нами). Об этом же он писал в книге “Что дают русской литературе народы СССР” (Москва, 1965. 32 с.).
62. Храпченко М. Собр. соч. – Москва, 1981. Т. 3. – С. 111. Сибирский исследователь Л. Якимова

это теоретическое положение распространяет и на проблемы, быта и нравов. См.: Якимова Л. Интернациональное и национальное в сибирской литературе // *Общественные науки*. – 1979. – № 6. – С. 150; Она же. Многонациональная Сибирь в русской советской литературе. – Новосибирск, 1982. – 229 с.

63. Тынянов Ю. Архаисты и новаторы. – Ленинград, 1929. – С. 46.

References

1. См.: Krashenninnikov S. P. *Opisanie zemli Kamchatki*. – Moskva; Leningrad, 1949. – S. 523-524. Goncharov I. A. *Fregat «Pallada»*, – Moskva, 1959. – S. 294, 297, 330. *Putevye zapisi preosvyashchennogo arhipiskopa Nila*. – Yaroslavl', 1874. – S. 306. i dr., Ubryatova E.I. *Ocherki istorii izucheniya yakutskogo yazyka*. – Yakutsk, 1945. – S. 5-6, Slepcev P. A. *Nekotorye usloviya zaimstvovaniya russkih slov v yakutskom yazyke dorevolucionnogo perioda* // *Sibirskij tyurkologicheskij sbornik: sb. nauch. tr.* – Novosibirsk, 1976. – S. 163. i dr.

2. Naprimer, korrespondent “Vostochnogo obozreniya” v 1886 g. v zametke “Russkie poseleniya v – Yakutskoj oblasti” pisal: “Inogda damy spoyut russkuyu pesnyu, no na yakutskom yazyke:

Tegebat, ugubat,

Tomoron ardash tyustya.

Dzhyarbaj, dzhyarbaj hara hastah,

Min die ga tirerdem... i t.d.

Eti slova sostavlyayut bukval'nyj perevod pesni: “I shumit i gudit, droben dozhdik idet” (№ 20, s. 11). Avtor zametki neverno citiruet: pesnya nachinaetsya slovami: “Ne shumit, ne gudit, droben dozhdichek idet...” i yavlyaetsya ukrainskoj narodnoj pesnej.

3. См.: Kanaev N. P. *Russko-yakutskie literaturnye svyazi*. – Moskva, 1965. – 213 s.

4. V proze, dramaturgii yakutskie pisateli uchilis' na tvorchestve A. Tolstogo, A. Chekhova, A. Ostrovskogo, N. Gogolya i dr.

5. Zhirmunskij V. M. *Problemy sravnitel'no-istoricheskogo izucheniya literatury* // *Vzaimosvyazi i vzaimodejstvie nacional'nyh literatur: materialy diskussii 11-15 yanvarya 1960 g.* – Moskva, 1961. – S. 59.

6. Iz dannogo perevoda vidno, chto P. A. Ojunskij ne stavil cel'yu tochno vossozdat' sodержание originala, a po-svoemu ispol'zoval osnovnye motivy strof. No pervaya i vtoraya strofy peredany, k sozhaleniyu, neudachno. Tak, v perevode s yakutskogo nachalo strofy, zvuchit tak:

Nash Lamber rasstrelyan,

Nash Tatut poveshen,

Zhertvy mnozhatsya

K tvoej pechali...

Chto zhe ostanovil tebya,

Stoish', moj narod!

Kak izvestno Sh. Petefi, naoborot, privetstvuet smert' vragov vengerskogo naroda i prizyvaet:

No malo dvuh golov! Smelej, druž'ya, smelej!

Eta stroka P.A. Ojunskim ne perevedena.

7. Lomidze G. I. *Edinstvo i mnogoobrazie*. – Moskva, 1960. – S. 187.

8. Tam zhe.

9. Eto vidimo, odna iz otlichitel'nyh chert yakutskoj poezii, v kotoroj intimnaya lirika utverdilas' ran'she, chem v poezii drugih narodov Sibiri. Buryatskie literaturovedy, naprimer, schitayut, chto vyrazhenie lichnyh chuvstv i perezhivaniy stalo v buryatskoj poezii zakonomernym yavleniem lish' v 50-e gody.

10. Kirbizhekova U. N. *Tema družby narodov v hakasskoj poezii* // 250 let vmeste s velikim russkim narodom. – Abakan, 1959. – S. 225.

11. Kulachikov-Ellyaj S. *Vospitatel'naya rol' poezii* N. A. Nekrasova // *Polyarnaya zvezda*. – 1946. – № 17/18. – S. 40. Na yakut. yaz. Sm. takzhe: N. A. Nekrasov i yakutskaya literatura // *Kyym*. – 1953. – 7 yanv. Na yakut.yaz.

12. Chadamba L. *Zavetnaya kniga* // *Tuvinskaya pravda*. – 1971. – 10 dekabrya.

13. Saryg-ool S. *On stoit ryadom...* // *Tam zhe*.

14. Kuular D. S. Epicheskaya poeziya A. S. Pushkina na tuvinskom yazyke // Uchen. zap. TNIIYALI. – 1960. – Вып. 8. – С. 230.
15. Grebnev L. V. O perevodah poezii A.S. Pushkina na tuvinskij yazyk // Ulug-Hem. – 1956. - № 3. – С. 176. Zdes' zhe avtor privodit primery yavnyh oshibok v perevodah. Tot zhe S. Syuryun-ool, v chastnosti, pushkinskie slova “lyublyu... tvoih ograd uzor chugunnyj” perevel na tuvinskij tak: “... lyublyu tvoi krepko sdellannye zabory” (Tam zhe. S. 175).
16. Chebodaev M. “Demon” na hakasskom yazyke // Sov. Hakasiya. – 1964. – 15 oktyabrya.
17. Kuular D. Ego perevodchiki – ego ucheniki // Tuvinskaya pravda. – 1971. – 10 dekabrya.
18. Kuular D. Tuvinskaya poeziya: Ocherk istorii. – Kyzyl, 1970. – С. 39
19. Po dannym A. E. Zaharovoj, Detizdat CK VLKSM v techenie 1933-1940 gg. vypustil 80 krasochno oformlennyh knig dlya detej na yakutskom zyce (sm.: Zaharova A. E. Yakutskaya sovetskaya detskaya kniga: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Leningrad, 1977. – С. 10). Issledovatel'nica tochno podmetila etu osobennost' formirovaniya detskoj literatury v Yakutii – “preobladanie perevodnoj knigi nad original'noj v nacional'nom repertuare detskoj knigi v pervye periody ee razvitiya” vyshlo original'nyh knig 46 nazvanij, a perevodnyh – 123 nazvaniya (Tam zhe). Po nashim nablyudeniyam, eto harakterno dlya formirovaniya detskoj literatury vseh narodov Sibiri.
20. Gor'kij i Sibir': Pis'ma, vospominaniya. – Novosibirsk, 1961. – 461 s.
21. Tam zhe. S. 63
22. Tam zhe. S. 16, 381.
23. Troyakov P. A. A. M. Gor'kij i hakasskaya literatura // Gor'kij i literatura narodov Sovetskogo Soyuza. – Erevan, 1970. – С. 565-567.
24. Gor'kij i Sibir'. S. 258.
25. Tam zhe. S. 185-189.
26. Kulachikov-Ellyaj S. Ego imya bessmertno // Soc.Yakutiya. – 1955. – 14 aprelya.
27. Tam zhe.
28. Soc. Yakutiya. – 1938. – 26 aprelya.
29. Kym. – 1939. – 14 aprelya. Na yakut. yaz.
30. Tam zhe.
31. O tom, kakim uspekhom pol'zuyutsya proizvedeniya V. Mayakovskogo sredi prostyh truzhenikov Buryatii, pisal S. Urobheev v stat'e “O perevodah Mayakovskogo na buryat-mongol'skij yazyk”. Sm.: Buryat-Mong. pravda. – 1953. – 18 avg.
32. Vinokurov I. D. Chto ya zhdu ot predstoyashchej konferencii pisatelej // Molodoj bol'shevik. – 1934. – 12 dekabrya. Na yakut.yaz.
33. Kyunzegesh Yu. Sh. O knige i masterstve poeta // Ulug-Hem. – 1956. – № 3. – С. 181-190.
34. Naprimer, pervyj razdel ego stat'i “Uchit'sya u masterov!” nazvan “Urok Mayakovskogo”. V nem N. Damdinov daet istinno poeticheskij razbor poemy “Pro eto”, tonko podmechaya novye cherty buryatskoj poezii, i vsled za lyubimym poetom prizyvaet: “V nashej socialisticheskoj obshchestsve vernost' poezii oznachaet vernost' narodu. Zhizn', celikom otdannaya goreniju vo imya poezii, eto gorenje vo imya vysshih idealov nashego naroda” (Svet nad Bajkalom. – 1958. – № 2. – С. 151). Nekotorye kritiki uzhe vo mnogih stihotvorenyjah pervogo sbornika N. Damdinov “Barguzin” (na buryat. yaz.). ulovili vliyanie poezii Mayakovskogo, no v to zhe vremya ukazali na chisto vneshnee podrazhanie (sm, v chastnosti: Ochirov N. Svezhij golos // Svet nad Bajkalom. – 1955. – № 4. – С. 137-141).
35. Kyunzegesh Yu. Mayakovskij i tuvinskaya poeziya // Tuvinskaya pravda. – 1963. – 19 iyulya. Po ego mneniju, “pochti vse tuvinskie poety uchilis' u Mayakovskogo, ispytali na sebe moshchnoe vliyanie ego boevoj, proniknutoj revolyucionnym pafosom poezii”, kotoraya byla znakoma tuvinskomu narodu eshche do sozdaniya nacional'noj pis'mennosti.
36. Petefi Sh. Stihy. – Yakutsk, 1940. – 64 s. Na yakut. yaz.; Mickevich A. Izbrannye proizvedeniya. – Yakutsk, 1956. – 144 s. Na yakut.yaz.
37. Sheter I. Petefi i mirovaya poeziya // Petefi v mirovoj kul'ture. – Moskva, 1975. – С. 13.
38. Tam zhe. S. 19.
39. Markov D. F. Slovo o poete // Tam zhe. S. 8.

40. Danilov Sofr. Pisateli i knigi: Stat'i i zametki o literature. – Yakutsk, 1980. – S. 26. Stat'ya “Velikij grazhdanin Vengrii” napisana im v 1949 g. Na yakut.yaz.
41. Sovetov S. S. Adam Mickevich. – Leningrad, 1956. – S. 52-53.
42. Tam zhe. S. 141.
43. Pesni Mongola. – Yakutsk, 1965. – S. 4.
44. Po materialam interv'yu s ryadom tuvinskih i buryatskih poetov. Materialy hranyatsya u avtora.
45. Tam zhe.
46. Sm.: Shekspir V. Sonety // per. S. Rufova s russkogo teksta S. Marshaka. – Yakutsk, 1966. – 178 s. Na yakut. yaz.
47. Anikst A. Lirika Shekspira // Vil'yam Shekspir. Sonety. – Moskva, 1965. – S. 210.
48. S. Rufov v bol'shinstve sluchaev pol'zuetsya tochnym sozvuchiem poslednih slogov, inogda pribegaya k skhodstvu glasnyh vpered i stoyashchih odnogo-dvuh, poroj dazhe trekh slogov. Razvivaya tradiciyu svoih predshestvennikov, perevodchik vključaet v sostav rifmuyushchihsya slov samye razlichnye chasti, chto bezuslovno pridaet stihu noviznu. Naprimer, v sonete – № 85 S. Rufov rifmuet: ergije koter – tøbøber, dorḡoonnoro – oŋoro, kēmētynen – iliitinen, tiijer – eberger, kiirer – kebispitter, buollun – d'oḡurbun, byppet – kelbet. K sozhaleniyu, v nekotoryh mestah S. Rufov uproshaet obraznost' yazyka sonetov, lyubovno sohranennuyu S. Marshakom. V etom zhe sonete zaklyuchitel'noe dvustishie perevedeno S. Rufovym tak:
 Tot poet besprestanno o tebe poet,
 I potomu u menya vdohnoven'ya net, –
 vmesto :
 No esli ty s ego ne skhodish' ust, –
 Moj stih, kak dom, stoit otkryt i pust.
49. Zelinskij K. Literatury narodov SSSR. – Moskva, 1957. – S. 7.
50. Bassel' N. Nekotorye metodologicheskie aspekty sravnitel'nogo izucheniya literatur // Izv. AN ESSR. Obshchestvennye nauki. – 1972. – T. 21. – №. – S. 185-201.
51. Tam zhe. S. 189.
52. Danilov S. Druzhba literatur – družba narodov // Druž'ya-pevcy. – Yakutsk, 1963. – S. 3. V knige predstavleny perevody stihov 25 poetov raznyh nacional'nostej.
53. Zhirmunskij V. M. Ukaz. soch. S. 65-66.
54. Lomidze G. I. Problemy tvorcheskogo vzaimodejstviya literatur narodov SSSR // Vzaimosvyazi i vzaimodejstviya nacional'nyh literatur. – Moskva, 1961. S. 139.
55. Soc. Yakutiya. – 1982. – 5 dekabrya.
56. Tam zhe.
57. Bedyurov B. Svetlaja pesnya // Altajskaya pravda. – 1982. – 17 dekabrya.
58. Baruzdin S. Shchedroe narodnoe nasledstvo // Družba narodov. – 1981. – № 7. – S. 423. Ranee o perevodah proizvedenij narodnogo poeta Yakutii Ellyaya na kitajskij, francuzskij, arabskij, nemeckij, ital'janskij, pol'skij, anglijskij i drugie yazyki pisal L. Popov. Sm.: Soc. Yakutiya. – 1964. – 29 noyabrya.
59. Dyurishkin D. Teoriya sravnitel'nogo izucheniya literatury / Per. so slovackogo I. A. Bogdanovoj. – Moskva, 1979. – S. 199.
60. Bassel' N. Ukaz. soch. S. 188. Obstoyatel'nyj analiz truda D. Dyurishina sm.: Kravcov N. I. Problemy sravnitel'nogo izucheniya slavyanskij literatur. – Moskva, 1973. – S. 62-66; Bogdanov Yu. Opyt teoreticheskoj sistematizacii sravnitel'nogo izucheniya literatury // Dyurishkin D. Ukaz. soch. S. 5-19.
61. Zelinskij K. Oktyabr' i nacional'nye literatury. – Moskva, 1967. – S. 243. (vydeleno nami). Ob etom zhe on pisal v knige “Chto dayut russkoj literature narody SSSR” (Moskva, 1965. 32 s.).
62. Hrapchenko M. Sobr. soch. – Moskva, 1981. T. 3. – S. 111. Sibirskij issledovatel' L. Yakimova eto teoreticheskoe polozhenie rasprostranyaet i na problemy, byta i nravov. Sm.: Yakimova L. Internacional'noe i nacional'noe v sibirskoj literature // Obshchestvennye nauki. – 1979. – № 6. – S. 150; Ona zhe. Mnogonacional'naya Sibir' v russkoj sovetskoj literature. – Novosibirsk, 1982. – 229 s.
63. Tynyanov Yu. Arhaisty i novatory. – Leningrad, 1929. – S. 46.

С. Д. Дарбасова

Памяти профессора

СВФУ им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

S. D. Darbasova

In memory of the Professor

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Николай Николаевич Тобуроков, советский и российский литературный критик и литературовед, доктор филологических наук, профессор Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова был одним из самых ярких, одухотворенных людей своего времени. Он был человеком XX века, когда появились из гущи народной выдающиеся представители якутской творческой и научной интеллигенции, именами и богатым интеллектуальным потенциалом которых гордится сегодня вся Якутия.

Родился он 1 марта 1933 года в Оросунском наслеге Верхневилуйского улуса Якутской АССР в многодетной семье. После окончания в 1947 г. Намской семилетней школы Верхневилуйского улуса поступил в Вилуйское педагогическое училище им. Н. Г. Чернышевского. Получив диплом с отличием в 1951 году, работал учителем, заведующим начальной школой в Абыйском районе.

В 1958 г. с отличием окончил историко-филологический факультет Якутского государственного университета. Во время учебы был студенческим лидером, после 2 курса ему была присуждена Сталинская премия. После окончания университета работал учителем, директором школы в Вилуйском районе.

В 1960-1964 гг. – аспирант Якутского филиала СО АН СССР, научный сотрудник Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ, Якутск). В 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Эрилик Эристиин. Жизнь и творческий труд».

С 1964 по 1974 год работал в аппарате Якутского обкома КПСС инструктором, а затем заведует отделом науки и учебных заведений. За годы работы Николая Николаевича Тобурокова наука, образование, здравоохранение получили ощутимую государственную поддержку. Он в тесном контакте работал практически со всеми руководителями научных учреждений республики. Среди них академики Н. В. Черский, П. И. Мельников, ректор Якутского государственного университета Г. И. Попов, министр просвещения ЯАССР Н. И. Шарин, министр здравоохранения ЯАССР П. А. Петров и многие другие.

В 1974 году становится заместителем директора ИЯЛИ и 10 лет плодотворно трудится на ниве науки.

В 1987 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Становление и развитие стихосложения в советской поэзии тюркоязычных народов Сибири» в Институте литературы и фольклора АН Казахской ССР. Ведущей организацией по защите его был ИМЛИ РАН. Н.Н. Тобурокову была присвоена научная степень доктора наук по двум

ДАРБАСОВА Светлана Дмитриевна – к. пед. н., старший научный сотрудник Института А.Е. Кулаковского СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: dars07@mail.ru

DARBASOVA Svetlana Dmitrievna – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior researcher at the Kulakovsky Institute of the NEFU named after M. K. Ammosov.

специальностям – «Литература народов РФ» и «Теория литературы». Как крупный ученый, по словам А. В. Преловского, Николай Тобуроков один из немногих исследователей, глубоко и профессионально разбирающихся в фольклоре и поэзии народов Сибири. Высоко ценится вклад Н. Н. Тобурокова в эпический жанр хакасской, алтайской, тувинской, бурятской литератур. Весьма знаменательны научные исследования выдающихся национальных писателей народов Сибири М. Баинова, Б. Укачина, С. Пюрбю, Д. Улзытуева и др.

В 1988-1994 гг. – главный научный сотрудник ИЯЛИ.

В 1994-1999 гг. – заведующий кафедрой якутской литературы Якутского государственного университета им. М. К. Аммосова.

С 1999 года – профессор Якутского государственного университета (по специальности «Теория литературы»). В последние годы профессор-исследователь кафедры якутской литературы Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ СВФУ имени М.К. Аммосова.

Неоценимо высок вклад Н. Н. Тобурокова в подготовке молодых ученых-литературоведов. При непосредственном научном участии профессора Тобурокова был создан диссертационный Совет по защите докторских диссертаций при Якутском госуниверситете им. М. К. Аммосова по специальности «Литература народов России». И он же являлся председателем этого Совета. Под его руководством защищены около 20 кандидатских и докторских диссертаций.

Н. Н. Тобурокову принадлежат глубокие исследования якутского героического эпоса олонхо и литературного творчества классиков якутской литературы, народных писателей и поэтов Якутии. Глубоко и компетентно занимался изучением вопросов зарождения и развития якутской дореволюционной литературы. Им всесторонне изучены произведения А. Е. Кулаковского, П. А. Ойунского, С. С. Яковлева-Эрилик Эристиина, Н. Е. Мординова-Амма Аччыгыйа, Д. К. Сивцева-Суорун-Омоллона, И. М. Гоголева-Кындыл, С. Т. Руфова и других якутских писателей.

С 1985 г. Николай Николаевич – член Союза писателей СССР.

Николай Николаевич неоднократно награждался Почетными грамотами органов государственной власти Республики Саха (Якутия), Академии наук Российской Федерации. Награжден медалями СССР «За доблестный труд в ознаменование 100-летия В. И. Ленина», «За трудовую доблесть», «За доблестный труд в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг.», «Заслуженный ветеран Сибирского отделения Академии наук Республики Саха (Якутия)», медалью к ордену «За заслуги перед Отечеством» II степени. Н. Н. Тобуроков – почетный гражданин Чакырского наслега Чурапчинского улуса и села Оросу Верхневилуйского улуса.

Н. Н. Тобуроков – лауреат литературной премии имени Эрилик Эристиина (1992). В 1993-1995 гг. стал стипендиатом Российского фонда гуманитарных наук для выдающихся ученых России.

Автор книг "Писатель корчагинской закалки: (О жизни и творчестве С. С. Яковлева-Эрилик Эристиина)" (1979), "Вечный поиск волшебства" (1981), "Якутский стих" (1985), "Современная поэзия народов Сибири" (1986), "Хакасский стих" (1991), "Проблемы сравнительного стиховедения: (На материале советской поэзии тюркоязычных народов Сибири)" (1991), "Сибирью рожденные: (Очерки о поэзии народов Сибири)" (1992), "Талыллыбыт үлэлэр: ыстатыйалар" (2009), «Труды по тюркскому стихосложению» (2018).

Николай Николаевич – автор учебников по якутской литературе для X-XI классов. Автор 30 монографий и книг, более 300 научных статей. Заслуженный деятель науки Республики Саха (Якутия) (1996).

Память о выдающемся деятеле науки и образования, о неутомимом труженике, мудром учителе и человеке с большой буквы навсегда останется в сердцах его благодарных учеников, студентов и коллег.

– РЕЦЕНЗИЯ –

Л. Н. Романова

**Рецензия
на книгу Н. И. Харлампьевой «Семен Данилов»
в серии «Жизнь замечательных людей»**

ИГИИПМНС СО РАН, г. Якутск, Россия

L. N. Romanova

**Review
of the book by N. I. Kharlampyeva "Semyon Danilov"
in "The Lives of Remarkable People" series**

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia

В серии «Жизнь замечательных людей» в 2020 г. вышла книга Н. И. Харлампьевой «Семен Данилов». Это пятая по счету книга в серии ЖЗЛ о выдающихся Личностях, сыгравших знаменательную роль в истории народа саха. Включение имени Семена Данилова в этот ряд является признанием его высокого общественного и профессионального статуса.

Несмотря на масштаб личности Семена Данилова, признание его огромной значимости в развитии якутской культуры, научных исследований его личности и творчества, к сожалению, мало. Творчеству Данилова посвящены критические труды В. М. Литвинова, отдельные статьи М. Г. Михайловой, И. Г. Спиридонова, А. Д. Коптяевой, Г. Г. Огорокова, В. В. Дементьева, Н. С. Сивцевой, А. А. Бурцева, М. Н. Дьячковой, П. В. Максимовой-Сивцевой и множество воспоминаний писателей-современников поэта: соотечественников и представителей разных республик России – Кайсына Кулиева, Давида Кугультинова, Роберта Рождественского, Бориса Куняева, Михаила Львова, Заки Нури и др., имеющие большое значение для якутского литературоведения.

Среди исследований научного характера можно выделить две небольшие книги В. М. Литвинова «Одна любовь: о творчестве поэта Семена Данилова» (1967) и «Семен Данилов» (1971), которые отличаются глубоким проникновением в творческую лабораторию писателя. Близкое общение, уважение критика к якутскому поэту позволили автору представить поэзию Семена Данилова через призму его личной судьбы. В 2017 г. к 100-летию Поэта вышла монография «Мои добрые кони – стихи. Лирика Семена Данилова:

РОМАНОВА Лидия Николаевна – к. филол. н., ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ФИЦ ЯНЦ СО РАН, член Союза писателей России.

E-mail: romanova_lida@mail.ru

ROMANOVA Lidiya Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, member of the Union of Writers of Russia.

поэтическая картина мира», написанная литературоведами Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН и Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова (Романова Л. Н., Максимова-Сивцева П. В., Посельская В. Д., Ефремова Е. М.). В центре внимания исследователей монографии особенности поэтики лирики Семена Данилова.

В издании в серии ЖЗЛ представлена биография народного поэта Якутии Семена Петровича Данилова в широком историко-культурном контексте.

Книга состоит из десяти глав, в которой показана судьба видного общественного деятеля, народного поэта Якутии от рождения до последних дней его жизни. Ракурсы, которые избрала для повествования автор, оказались свежими, оригинальными, открывающими Семена Данилова во многом с неизвестной стороны.

Сама личность автора книги о Данилове определяет ее внутреннюю стилистику и тональность, так как в этой книге не только Поэт пишет о Поэте, но и Ученик об Учителе. Личное знакомство с Поэтом, восприятие его как своего Учителя, Наставника, с одной стороны, помогали автору воспроизвести образ Семена Петровича, с другой – возлагали очень большую ответственность на ее плечи. Тем сложнее было автору находиться на грани объективности не только в оценке масштаба личности большого поэта и общественного деятеля Семена Данилова, но и в характеристике исторического времени, в котором он жил и творил. К достоинству Натальи Ивановны, ей удалось при глубоко личностном отношении к герою своей книги не перейти границы между объективностью и субъективностью, историческим фактом и домыслами, новым взглядом на изображаемую личность и сложившимися стереотипами, и, в конечном итоге, создать целостный образ Семена Данилова как Поэта, Гражданина и Человека.

Серия ЖЗЛ со времен своего основания придерживается трех главных принципов отбора публикуемых текстов: научная достоверность, высокий литературный уровень и занимательность. Книга Н. И. Харлампевой в достаточно полной мере соответствует этим принципам издания, благодаря, во-первых, привлечению большого объема исторических документов, разысканных и изученных автором в различных архивах Якутска, Москвы, Санкт-Петербурга, в т. ч. источников личного происхождения (личных дневников, писем); во-вторых, литературному стилю изложения, в котором органично сочетаются поэтический (лирический) принцип повествования со строгой документальностью, максимально объективной (насколько это возможно в данном случае) оценкой описываемых событий, что позволяет отнести книгу к ряду как литературно-художественных, так и научно-исторических.

При этом книга получилась, действительно, занимательной и интересной в плане того, что история становления личности Поэта соотнесена с историей борьбы за литературное наследие основоположников якутской литературы А. Е. Кулаковского, А. И. Софронова, Н. Д. Неустроева, что само по себе является захватывающим чтением в силу драматичности событий, охвативших целых три четверти XX века. В этом смысле книга Н. И. Харлампевой соответствует утверждению историка С. Фирсова о том, что книга данной серии «должна быть написана таким образом, чтобы интересующийся историей читатель смог её прочитать с не меньшим интересом, чем профессиональный исследователь, знакомый с исторической проблематикой».

Автор приводит в книге как ранее неизвестные, так и известные исторические документы, но те документы, которые уже давно вошли в научный оборот, даны через призму восприятия и оценок самого Семена Данилова, поэтому получают совершенно новое смысловое и эмоциональное наполнение. Надо отметить, что при всей широте исторического контекста личность Поэта не растворилась, не исчезла за обилием исторических фактов и документов.

Основной «сюжетной» канвой биографии Поэта служат его дневниковые записи, которые сопоставлены с историческими фактами и воспоминаниями и письмами

современников, друзей, собратьев по перу, учеников, единомышленников. В результате создается живой образ Семена Данилова во всех его ипостасях: сына, брата, мужа, друга, учителя, поэта, организатора, и, главное, человека, гражданина неспясаемой воли, но при этом очень ранимого и тонкого.

В основе авторского подхода к биографии Данилова лежит идея об особой роли имен основоположников якутской литературы в становлении и развитии личности и творчества Поэта. Красной нитью по всей книге проходит история борьбы за восстановление исторической справедливости по отношению к литературному наследию, причем показано, что это было делом всей сознательной жизни Данилова. Такой подход определил основную концепцию книги, которая правомерна и убедительна. Изложение биографии в подобном ракурсе приводит и к новому пониманию даниловской поэзии. В связи с этим хочется отметить и то, что Наталья Ивановна глубоко анализирует лирику Поэта. Она подчеркивает, что не претендует на литературоведческий анализ произведений, но те страницы, которые посвящены лирике Данилова, свидетельствуют о вполне профессиональном взгляде на поэтическое мастерство. Автор очень тонко улавливает и анализирует литературные контексты и параллели творчества Данилова.

Широко представлено окружение Семена Данилова в книге. Он предстает в книге очень интеллигентным, скромным, но твердым в своих убеждениях человеком, одаренным талантом, умением дружить.

Сколько им было сделано, чтобы якутская литература приобрела известность в России и мире! Автор в книге показано какое огромное значение Семен Петрович придавал переводческому делу, видя в нем единственно верный путь не только популяризации якутской литературы в мире, но и защиты, сохранения и утверждения величия литературного наследию якутских классиков.

В книге изложены все перипетии борьбы за литературное наследию Кулаковского, Софронова, Неустроева и «башаринского» противостояния, отразившихся на судьбе Семена Данилова. Автору удалось без голословных обвинений и навешивания ярлыков изложить события тех времен. По сути, многие описываемые исторические события подробно изложены и в монографии Л. Р. Кулаковской «Научная биография А. Е. Кулаковского: личность поэта и его время» (2008), но в данной книге восприятие Семена Данилова как участника описываемых событий придает им новое звучание.

Проникновенно написано об отношении Семена Данилова к молодым писателям. Автор, сама являясь учеником и наследником Мастера, смогла показать широту взглядов Поэта на литературное, и не только литературное, а целом духовное развитие народа саха. Жизнь и время оправдали надежды Учителя, показали насколько он был прозорлив в выборе талантливой молодежи.

Интерпретация автором биографии Данилова, конечно, не лишена субъективной характеристики своего героя и эмоциональной оценки некоторых событий, явлений, чего, на мой взгляд, невозможно избежать при описании судьбы человека, с которым был близко знаком, тем более почитал, уважал как Учителя. Но в этом проявляется и ценность книги, которая не стала сухим изложением фактов. С другой стороны, автору удалось избежать фамильярности по отношению к герою, как к своему знакомому, и нет излишней беллетризации, чем иногда грешат авторы ЖЗЛ.

Таким образом, книга Н. И. Харлампьевой стала достойным памятником удивительному человеку Семену Петровичу Данилову, равному по своему творчеству и деятельности выдающимся личностям российского масштаба, изменившим ход истории народа. Книга, несомненно, имеет как научную, так и художественную ценность.

– ХРОНИКА. ИНФОРМАЦИЯ –

Т. В. Илларионова

**Эпосовед Василий Васильевич Илларионов
(к-75 летию со дня рождения)**

СВФУ им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

T. V. Illarionova

**Eposologist Vasily Vasilyevich Illarionov
(to the 75th anniversary of his birth)**

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Василий Васильевич Илларионов – выдающийся ученый фольклорист-эпосовед, доктор филологических наук, профессор Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, лауреат государственной премии им. П. А. Ойунского.

Во время учебы в Якутском государственном университете в 1968-1973 гг. занимался в научном кружке “Олонхо” под руководством кандидата философских наук, доцента Д. С. Макарова. Со студенческих лет Василий Илларионов принимал активное участие в работе фольклорной экспедиции ИЯЛИ Якутского филиала СО АН СССР (ныне ИГИИПМНС СО РАН) по сбору полевых материалов в республике. С 1992 г. работает на факультете якутской филологии и культуры (ныне Институт языков и культуры народов Северо-востока РФ) СВФУ (ЯГУ) им. М. К. Аммосова.

Основной темой его научно-исследовательской деятельности является устная традиция якутов. Первую свою научную статью, посвященную проблемам собирания полевых материалов олонхо, написал в 1973 г. В 1981 г. Василий Васильевич защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме “Искусство якутских олонхосутов”, в которой рассмотрел сказительское мастерство и исполнительское искусство якутских олонхосутов. В 1997 г. Василий Васильевич защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук на тему: “Сказительство в системе фольклорной традиции народа саха”. В докторской работе Василий Васильевич на основе архивных и собственных полевых материалов исследовал якутское сказительство, рассматривая его как сложный феномен единой системы духовной культуры этноса. Впервые в российской фольклористике исследованы основные характерные черты якутского сказительства и искусства олонхосутов. Исследуя олонхо в контексте культуры евразийской степи, исследователь теоретически обосновал

ИЛЛАРИОНОВА Туяра Васильевна – к. филол. н., доцент кафедры фольклора и культуры Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, СВФУ им. М. К. Аммосова.

E-mail: 445325@mail.ru

ILLARIONOVA Tuyara Vasilyevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Folklore and Culture, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

живую традицию якутского эпоса олонхо. В работе конкретизированы традиционные формулы, типические места якутского эпоса, проанализирован исполнительский стиль. Им было сформулировано предположение о бытовании «сказительских школ» по определенным регионам, подобно тому, как это имеет место в эпической традиции русского и тюрко-монгольских народов. Он особо выделяет две школы сказительства – таттинскую (Табахыровскую) и амгинскую. В его отдельной монографии были рассмотрены эпические традиции верхоянских олонхосутов. Василий Васильевич имеет свою методику записи и камеральной обработки полевых материалов, впервые в якутской фольклористике использовал методику повторных записей исполнения олонхо. По мнению А. Б. Соктоева, такая методика использовалась в алтайской, тувинской, хакасской фольклористике.

Ключевая проблема научной работы В. В. Илларионова – это устная традиция якутских олонхосутов. Его, как эпосоведа, отличает системный исторический подход к предмету своих изысканий. Он исследует фигуру сказителя-олонхосута и эпос в этнокультурном контексте на основе архивных и собственных полевых материалов, пылливо анализируя жизнь и деятельность известных и начинающих олонхосутов прошлого и настоящего, изучая их богатый жанровый репертуар. Освоение всего этого богатого сложного материала позволило, в первую очередь, приступить к широкой эдиционной деятельности. Он принимает самое активное участие как редактор и издатель в 21-томном серийном издании эпоса олонхо “Саха боотурдара”. В. В. Илларионов – один из ответственных исполнителей якутского корпуса академической серии “Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока”. Он принимал участие в подготовке томов “Якутский героический эпос-олонхо: Кыыс Дэбэлийэ”, “Якутская обрядовая поэзия”, “Якутские народные сказки”. В 1996 г. им опубликовано олонхо “Могучий Эр Соготох” олонхосута В. О. Каратаева.

В 70-х гг. XX в. В. В. Илларионовым было открыто имя В. О. Каратаева, ранее неизвестного в науке аутентичного олонхосута. Текст олонхо «Могучий Эр Соготох» в исполнении В. О. Каратаева удалось записать на магнитофонную ленту три раза: в 1975, 1982, 1986 гг. Это позволило ученому установить пределы пульсации устного текста на материале одного произведения. Творческая “лаборатория” устного певца-олонхосута впервые в якутской фольклористике исследовалась В. В. Илларионовым с помощью методики повторных записей эпического репертуара сказителей, а также повторных одновременных записей эпического произведения от одного и того же сказителя. Метод работы эпосоведа со своими известными информаторами-олонхосутами Дарьей Андреевной Томской, Василием Осиповичем Каратаевым близок к методу включенного наблюдения у социологов. У него за годы многолетних полевых работ по всей Якутии выработался свой стиль работы с носителями устной традиции. Кроме этого, зафиксировал на магнитофоне олонхо популярных в семидесятых-восемидесятых годах олонхосутов В. Д. Егорова-Айах Баһылай (Нюрба), Д. С. Сергеева (Нюрба, Хатыы), С. Г. Егорова, Н. К. Петрова (Сунтар), С. Г. Алексеева-Уустарабыс, Н. М. Тарасова (Горный район), А. С. Васильева (Вилуйск). В результате данной деятельности выпустил книгу «Олонхосут А. С. Васильев: жизнь и творчество». Это стало первым примером скрупулезного исследования творчества отдельных олонхосутов. Также первым примером может считаться изучение репертуаров широко известных якутских сказителей Д. М. Говорова, Н. А. Абрамова, И. Г. Теплоухова-Тимофеева, С. Н. Каратаева-Дыгыяр, И. М. Харитонов и др.

Изучив жизнь и сказительские традиции, В. В. Илларионов предположил, что в прошлом существовали локальные регионы, где сказительское искусство было особенно популярным, и были школы олонхосутов. В частности, он указал на различия по местам локализации среди олонхосутов центральной группы, вилуйских, верхоянских улусов.

Большое внимание профессор В. В. Илларионов уделяет популяризации олонхо. Он сотрудничает с главами наслегов, улусов и частными лицами, выступающими инициаторами издания олонхо своих односельчан и родственников.

В 1999 г. в Институте гуманитарных исследований Академии наук РС (Я) (далее – ИГИ АН РС(Я)) в целях возрождения, сохранения и популяризации олонхо была создана республиканская общественная организация «Ассоциация Олонхо». Президентом Ассоциации был избран первый Президент РС(Я) М. Е. Николаев, вице-президентом – народный поэт С. И. Тарасов, руководителем научно-информационного центра – председатель комитета Государственного Собрания (Ил Тумэн) РС(Я) А. Н. Жирков, ответственным секретарем – Е. Н. Протодяконова. Ассоциация с самого начала вела работу по различным направлениям, в т. ч. по поддержке издания серии «Саха боотурдара». В мае 2000 г. рабочей группой под руководством А. Н. Жиркова была разработана республиканская программа «Сохранение, изучение и пропаганда якутского эпоса “Олонхо”», в которой предусматривалось издание научно-популярной серии олонхо, начиная с 2001 г. На основании этого 9 апреля 2001 г. было подписано распоряжение Правительства РС(Я) от 09.04.2001 г. № 511-р об издании республиканской книжной серии «Саха боотурдара». Было решено книжную серию «Якутские олонхо», продуманную Г. У. Эргисом и дополненную Н. В. Емельяновым в 10 томах, расширить до 21 тома. Предусматривалось издание по одному тому из центральных и вилюйской группы улусов, в которых ранее олонхо имело широкое распространение и по одному тому из северных и южных улусов. Концепция серии была разработана д. филол. н., профессором В. В. Илларионовым, к. филол. н., доцентом С. Д. Мухоплевой и к. филол. н. Л. Н. Семеновой. Основными целями издания данной серии стали: сохранение эпического наследия народа саха; создание целостного представления об эпической традиции каждого региона; введение в научный оборот малоизвестных архивных текстов олонхо; популяризация устной эпической традиции. Согласно концепции от каждого улуса должен быть представлен один наиболее популярный эпический текст. Тип издания – научно-популярный; язык – якутский. В структуру издания входят: 1. Вступительная статья; 2. Текст; 3. Комментарии (текстологические примечания; объяснение непонятных, диалектных слов, малоизвестных широкому кругу читателей реалий; указатель имен персонажей, локусов; краткий пересказ сюжета); 4. Приложения. С 2002 по 2019 гг. увидел свет 21 том книжной серии «Саха боотурдара» в Национальной издательской компании «Бичик» имени С. А. Новгородова.

В результате целенаправленной работы В.В. Илларионова серия «Саха Боотурдара» издана в полном объеме: 21 олонхо. И при участии Василия Васильевича подготовлены к изданию 12 томов.

В поле зрения исследовательской деятельности профессора В. В. Илларионова постоянно находятся и другие жанры якутского фольклора. Так, в улусах республики собирает полевые материалы по бытованию осуохая, алгыса, народных песен, чабыргах и других жанров. По проблемам изучения жанра осуохай Василий Васильевич совместно с М. В. Николаевой издал монографию, посвященную локальным особенностям сунтарского осуохая (1994) и сборников текстовых материалов жанра. Из них творчеству народного певца С. А. Зверева-Кыыл Уола было посвящено 3 сборника. Отрадно, что один из самых текстуально достоверных сборников по творческому наследию С. А. Зверева-Кыыл Уола В. В. Илларионов подготовил совместно с сыном и наследником певца Т. С. Зверевым. В переиздании работы А. А. Попова «Камлания шаманов бывшего Вилюйского округа: тексты» Василий Васильевич подготовил якутские тексты автора (2008).

Профессор В. В. Илларионов является одним из ответственных исполнителей серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». В данной серии он принял активное участие в подготовке 2 отдельных томов, посвященных жанрам якутского

фольклора. Один том был посвящен обрядовой поэзии якутов, другой том включал якутские народные сказки.

В 1990-е гг. В. В. Илларионов вел радиопередачи «Сыккыс», «Сээркээн», в них он рассказал о творчестве 18 носителей фольклорных традиций: тойуксутов, запевал, олонхосутов и др. В фонде Якутского научного центра СО РАН собраны аудиозаписи 41 исполнителя со всей республики, собранные Василием Васильевичем в течение многих лет. Он является одним из инициаторов издания рукописных материалов собирателей фольклора, краеведов. К примеру, им были изданы полевые материалы Г. Е. Федорова из Сунтарского улуса, Н. Т. Степанова из Нюрбинского улуса, олонхосутов и народных певцов Д. М. Слепцова (Момский улус), С. С. Егорова (Нюрбинский улус), В. Д. Данилова, Ю. Е. Иванова, Е. М. Николаева (Сунтарский улус), И. Е. Кулаковского-Оонньуулаах Уйбаан (Таттинский улус), Т. В. Захарова-Чээбий, У. Г. Нохсорова (Амгинский улус) и др.

Проблемы возрождения ритуального комплекса Ыһыах были одним из основных направлений в научной деятельности В. В. Илларионова. Вопросам воссоздания устойчивых традиций Ыһыаха якутов посвящены его монографии. Василий Васильевич постоянно занимается вопросами воссоздания традиционной культуры народа саха. Директор Института филологии СО РАН А. Б. Соктоев, директор Института литературы имени А. Навои Республики Узбекистан Т. Мирзаев, исследователь хакасского эпоса – алыптых ныхам В. Е. Майногашева и якутский фольклорист С. Д. Мухоплева отмечали его роль и большой вклад в возрождение фольклорных традиций и этнической культуры народа саха. В частности, С. Д. Мухоплева пишет, что он «соблюдает принцип изучения традиции во времени. Он традицию рассматривает как динамическую, эволюционирующую систему. Вот почему он, занимаясь научными исследованиями, успешно участвует в движении за возрождение этнической культуры, национального праздника ысыах, в моделировании современных форм бытования фольклорных произведений в виде телепередач, конкурсов сказителей и запевал танца осуохай, при этом он тесно сотрудничает с Министерством культуры, с Республиканским домом народного творчества, с многими улусами».

Профессор В. В. Илларионов активно занимается общественной деятельностью по возрождению и развитию традиционной культуры народа саха, ведет активную работу в республике. Он избран членом, затем вице-президентом Правления республиканской ассоциации «Олонхо», республиканского комитета «Десятилетие программы Олонхо», является членом главной редколлегии академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» и республиканской серии «Саха боотурдара». Василий Васильевич достойно представляет российскую науку за рубежом. Он принимал активное участие в нескольких Международных тюркологических конгрессах (Туркестан, Казахстан), в Международном форуме тюркских народов «Тюркский мир» (Измир, Турция), в Международной конференции «Профессия туризма». Профессор читал лекции в Гардварском университете, Дармутском колледже (Гардвар, США, 12.02-21.02.2013), принял участие в Международной конференции «Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: традиция и современность» (Камчия, Болгария) и т. д. Он был избран членом правления Международной ассоциации тюркологов, членом редколлегии Международного журнала «Тюркология» (Казахстан).

Профессор В. В. Илларионов читает теоретические курсы, проводит семинарские занятия в университете. Им разработаны учебные программы, программы по фольклорной практике студентов, ряд работ с использованием новых информационных технологий, видеолекции, учебно-методические пособия, грифированные учебные пособия. Под его руководством велись научно-исследовательские работы Государственной целевой программы Олонхо (2005-2015 гг.) в Республике Саха (Якутия). Под его непосредственным руководством в 2008 году выигран Грант Аналитической

ведомственной целевой программы по теме «Распределенная информационная система «Эпические традиции и современность».

Годы первого десятилетия олонхо для Василия Васильевича Илларионова явились испытанием теоретических воззрений как эпосоведа на практике, «звездным» временем применения его богатого опыта, периодом его пытливого наблюдения за развитием событий. Будучи профессионалом своего дела как аксакал якутской фольклористики в эти годы он живет в режиме онлайн. Со своими наблюдениями и выводами о ходе реализации целевой государственной программы по олонхо и новых горизонтах развития сказительского искусства непрерывно делился по всем каналам СМИ (средства массовой информации), которые отражены в материалах сборника «Ысыах олонхо: итоги».

Профессор Илларионов много сил отдает подготовке научно-педагогических кадров по фольклористике, является членом двух диссертационных Советов Д 212.306.06 по специальности 10.01.02 – Литература народов РФ (якутская литература) в СВФУ и Д 004.031.01 – по специальности 10.02.02 - Языки народов Российской Федерации (якутский язык) (филологические науки)". г. Якутск, ИГиИПМНС СО РАН. Он подготовил 7 кандидатов наук. В. А. Ноговицын, А. Н. Данилова, А. А. Кузьмина, Л. П. Герасимова, О. Н. Дмитриева, Н. А. Оросина, М. Т. Сатанар.

Результаты своих архивных и полевых разысканий В. В. Илларионов изложил в монографиях «Эпическое наследие народа Саха» и «Түөлбэ олонхохуттара: олонхолоохун үгэстэрэ», а также во многочисленных статьях. В своих монографиях ученый выдвинул целый комплекс задач: рассмотрение личности сказителя как носителя, хранителя и создателя фольклорного текста, анализ соотношения импровизации и традиции в исполнении эпических произведений, исследование отношения сказителя к фольклорному тексту, разбор устно-поэтической сказительской традиции. В его трудах обоснована мысль о том, что ядром эпической среды является семейная традиция. Как показывают материалы исследователя, фольклорная среда играет важную роль в становлении всех носителей традиции: олонхокутов, певцов, шаманов, сказочников и т. д. Эти монографии посвящены проблемам теоретического осмысления динамики и статики эпических традиций, содержит практические рекомендации по решению актуальных задач в изучении якутского сказительства.

Многолетние научные исследования позволили В. В. Илларионову связать воедино такие непреходящие понятия, как олонхо – ысыах – осуохай, внести свою лепту в дело возрождения и развития духовной, материальной культуры народа саха в Республике Саха (Якутия).

**СЕРИЯ «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР»
ВЕСТНИКА
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Сетевое издание

3 (03) 2021

Технический редактор *В. Е. Степанова*
Компьютерная верстка *В. А. Максимова*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 14.10.2021
Формат 70×108/16.
Дата выхода в свет 14.10.2021